

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Хен Лариса Георгиевна

Теоретико-правовые концепции Алексея Валентиновича Мицкевича

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
академик РАН, доктор
юридических наук,
профессор Т. Я. Хабриева

Москва – 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЭТАПЫ НАУЧНОГО ПУТИ А. В. МИЦКЕВИЧА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ УЧЕНОГО.....	15
1.1. Становление мировоззренческих и методологических основ научного творчества А. В. Мицкевича в период его профессиональной деятельности.....	15
1.2. Концепция субъектов советского права и правосубъектности.....	31
ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА И ПРАВотВОРЧЕСТВА	58
2.1. Юридическая природа актов органов государства и их место в системе источников права.....	58
2.2. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества.....	90
ГЛАВА 3. КОНЦЕПЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРЕДПИСАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА.....	115
3.1. Нормативно-правовое предписание: концепция А. В. Мицкевича и последующая практика использования.....	115
3.2. Разработка концептуальных вопросов системы права и систематизации законодательства	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	165

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современные трансформации социальной реальности, происходящие под воздействием как политических, так и технологических факторов, существенно меняют многие параметры правового регулирования общественных отношений. Новая ситуация, складывающаяся в правовой сфере современного высокотехнологического общества, ставит на повестку дня вопрос о необходимости теоретического осмысления основных направлений динамики правовой системы, что закономерно требует пересмотра некоторых концептуальных положений юридической теории. Условия научно-технологического прогресса, как отмечает академик Т. Я. Хабриева, «помимо прочего, являются результатом приращения обществоведческого научного знания, в рамках которого зарождаются и реализуются парадигмы познания, позволяющие обществу принять новые технологии и определиться с вектором своего развития исходя из возможностей их применения»¹. Такая ситуация актуализирует вопрос о дальнейшем развитии теории права, которое может и должно происходить на основе синтеза новой научной методологии с классическими, проверенными временем концепциями. Советское теоретико-правовое наследие представляет значительную ценность не только в связи с тем, что оно до сих пор лежит в основе отечественного юридического знания, но и в связи с тем, что советских правоведов интересовали «вопросы сущностного порядка»², которые не теряют своей значимости с течением времени. Фундаментальность подходов к осмыслению научных проблем, понимание глубокой взаимосвязи теории и практики, строгая преемственность в разработке новых концепций – все эти черты, характерные для теоретико-

¹ Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. – М.: Норма; Инфра-М, 2005. – С. 9.

² Лазарев В. В. Предисловие // Вопросы теории права в трудах ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. – М.: ИЗИСП; Юриспруденция, 2025. – С. 14.

правовой науки советского времени, должны и сегодня составлять принципиальную основу юридических исследований.

В Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее – Институт), который в 2023 г. отметил столетний юбилей, за столь долгий период сложилась и развивалась передовая теоретико-правовая научная школа, знаменитая своими именами и творческими достижениями. Центральным направлением ее развития стала теория правотворчества, которая аккумулировала в себе исследования, связанные с механизмом законотворческой деятельности, актами государственных органов, источниками права, систематизацией законодательства и многие другие³. Одним из тех, чьими трудами происходило развитие этой научной школы, был Алексей Валентинович Мицкевич – «один из крупнейших советских и российских теоретиков права и государства, с участием которого разрабатывались фундаментальные проблемы советского правоведения, касающиеся теории правоотношений, форм права, правового воспитания и профилактики правонарушений, правотворчества и систематизации законодательства, разработчик концептуальных основ и один из составителей Собрания действующего законодательства СССР, Свода законов СССР»⁴. Вклад А. В. Мицкевича в теоретико-правовую науку был разносторонним и многоплановым. Ученый успешно решал важные задачи, имевшие как теоретическую, так и практическую значимость. Его по праву можно отнести к числу самых выдающихся отечественных правоведов советского и частично постсоветского времени. Идеи и концептуальные наработки ученого использовались и развивались и после его ухода из жизни, они стали основой многих интересных и важных работ, были востребованы на практике.

³ См.: Летопись российской юридической науки: в 5 тт. / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М., 2023.

⁴ Путило Н. В., Пашенцев Д. А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. № 6. – С. 149.

Сегодня, когда возникает вопрос о переосмыслении и творческом использовании советского юридического наследия, теоретико-правовые концепции А. В. Мицкевича представляют немалый научно-познавательный интерес, они нуждаются в глубоком комплексном изучении.

В целом, актуальность темы исследования определяется следующими аспектами:

– теоретико-правовой аспект состоит в том, что актуализация ряда важных положений теории права, разработанных в XX веке, с учетом современного состояния научных исследований может обогатить теорию права, придать новый импульс осмыслению ее фундаментальных проблем;

– доктринальный аспект состоит в том, что исследование теоретико-правовых концепций А. В. Мицкевича обогащает науку истории учений о праве и государстве, открывает в ней новую важную страницу;

– практический аспект состоит в том, что ряд идей А. В. Мицкевича может быть использован при совершенствовании действующего законодательства о нормативных правовых актах и их иерархии, а также в процессе систематизации правовых норм.

Степень научной разработанности темы. Теоретико-правовое наследие А. В. Мицкевича до настоящего времени еще не стало предметом специального монографического исследования. Статьи, посвященные вкладу ученого в науку, в том числе приуроченные к памятным датам его жизни, написаны С. А. Боголюбовым, Т. В. Конюховой, Д. А. Пашенцевым, Н. В. Путило, В. К. Самигуллиным, Е. А. Юртаевой. Рецензии на монографии Мицкевича публиковали его современники – известные правоведы Л. С. Явич, И. Н. Кузнецов, Е. А. Лукашева, А. Ф. Шебанов. Научному творчеству Мицкевича уделяется внимание в монографических работах и статьях, в которых исследован процесс исторического формирования школы правотворчества ИЗиСП, развитие теории систематизации законодательства и теории нормативного предписания таких авторов, как М. Л. Давыдова, М. В. Залоило, Т. Ф. Ящук и другие. Вклад ученого в теоретико-правовую

науку подчеркивается в уникальном пятитомном издании «Летопись российской юридической науки». Ему посвящен отдельный очерк в мемориальном издании «Вопросы теории права в трудах ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ». Отдельные аспекты, связанные с научным творчеством А. В. Мицкевича, затрагиваются в работах по истории советской теоретико-правовой науки. При этом монографические исследования, специально посвященные вкладу А. В. Мицкевича в теоретико-правовую науку, отсутствуют.

Объект исследования составляют политико-правовые взгляды А. В. Мицкевича: становление и развитие его идей, а также их мировоззренческая основа.

Предметом исследования являются сущностные признаки и характеристики правовых концепций А. В. Мицкевича в их понятийно-правовом постижении.

Цель исследования – научная интерпретация правовых концепций А. В. Мицкевича, представляемых в качестве целостной совокупности идей: уяснение и раскрытие смысла концепций в контексте современных проблем теоретико-исторических правовых наук.

Задачи исследования:

- выявить факторы, повлиявшие на научные интересы А. В. Мицкевича, на становление мировоззренческих и методологических основ его научного творчества;
- обосновать вклад ученого в теорию субъекта права;
- раскрыть особенности концепции юридической природы актов органов государства и их места в системе источников права;
- обосновать вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества;
- выявить особенности теории нормативно-правового предписания, разработанной Мицкевичем, и охарактеризовать ее последующее развитие;

- раскрыть концептуальное значение учения А. В. Мицкевича для развития теории и практики систематизации права.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных, частнонаучных и специальных юридических методов исследования. Были использованы диалектический метод, общенаучные методы анализа и синтеза. Обращение к текстам научных работ Мицкевича определило использование герменевтики для их толкования. Важное значение для достижения цели исследования имел системный подход, позволивший представить и рассмотреть концептуальные положения, выказанные ученым по отдельным теоретико-правовым вопросам, в виде целостной системы, характеризующейся единым взглядом на понимание права и ключевых проблем его развития. В связи с обращением к советскому периоду применялись исторический и историко-правовой методы. Исследование норм законодательных актов производилось на основе формально-юридического метода. Сопоставление научных взглядов А. В. Мицкевича с позициями ученых – его современников потребовало использования доктринального метода. Также использовался историко-генетический метод, который позволил проследить эволюцию взглядов А. В. Мицкевича от его кандидатской диссертации о субъектах права (1952 г.) до зрелых работ по теории актов государства и систематизации (докторская диссертация 1967 г. и последующие труды). Это позволило выявить не только преемственность, но и определенные смещения акцентов, уточнение позиций и развитие методологических подходов ученого на протяжении его долгой научной карьеры.

Научная новизна работы определяется тем, что в научный оборот впервые вводится понятие теоретико-правовых концепций А. В. Мицкевича как системы воззрений, обладающей качественным своеобразием и имеющей социально-историческую детерминацию. Правовые концепции ученого впервые рассматриваются в контексте его философско-мировоззренческих, исторических и политических представлений; анализируются в системе

правового знания и оцениваются с точки зрения преемственности, новизны и значения для современной историко-правовой науки. В работе обоснован вклад А. В. Мицкевича в развитие ряда важных направлений теории права, выявлены особенности учения об актах государственных органов, субъекте права, правотворчестве и систематизации правовых норм.

Конкретные элементы научной новизны исследования состоят в следующем:

- выявлены основные направления научного творчества А. В. Мицкевича и обоснована их взаимосвязь с его профессиональной деятельностью;

- показано влияние господствовавшей в советский период марксистской методологии на научные воззрения А. В. Мицкевича;

- выявлены концептуальные положения учения А. В. Мицкевича о субъекте права;

- раскрыты основные положения концепции нормативно-правового предписания, разработанной А. В. Мицкевичем, и показаны направления ее дальнейшей эволюции в работах теоретиков права;

- обоснована взаимосвязь учения А. В. Мицкевича о нормативных правовых актах с развитием теории правотворчества и систематизации права.

Новизна исследования проявляется в **положениях, выносимых на защиту**:

1. Научные интересы А. В. Мицкевича во многом определялись его длительной работой в Институте (ВИЮН и ВНИИСЗ), в силу чего он был плотно вовлечен в те работы, которые вел Институт в силу своего профиля и возложенных на него задач. Они были связаны, прежде всего, с развитием правотворчества, доктринальным обеспечением совершенствования законодательства, систематизацией правовых норм, то есть с важными для развития государства и общества вопросами правовой теории и практики. Участие в данной работе вывело А. В. Мицкевича на главную в его научном творчестве проблематику, связанную с актами органов государственной

власти, их ролью в системе источников права и особенностями принятия. Таким образом, формирование научных интересов ученого во многом определялось конкретными запросами, которые предъявляли государство и общество к отечественной теоретико-правовой науке. С течением времени и развитием общественных отношений позиция А. В. Мицкевича по отдельным вопросам теории права (понятие права, правотворчество, права человека) претерпевала закономерные изменения.

2. Вклад А. В. Мицкевича в теорию субъекта права и правосубъектности состоит в том, что им разработаны авторские понятия субъекта права и правосубъектности, обоснована взаимосвязь правосубъектности с уровнем развития общественных отношений. Ученый также обосновал разграничение понятия правоспособность и правосубъектность, предложил ввести в структуру правосубъектности такой элемент как деликтоспособность. Более того, сама постановка вопроса о теоретической конструкции субъекта права, даже решенная с позиций позитивизма, представлялась крайне важной для развития теории государства и права советского периода, ее содержательного наполнения, установления внутренних взаимосвязей в правовой системе общества. В современных условиях положения теории субъекта права, разработанные Мицкевичем, получили актуализацию в связи с дискуссиями о возможном расширении круга субъектов права.

3. А. В. Мицкевич сформулировал критерии разграничения нормативных и ненормативных актов, к числу которых отнес следующие: 1) отсутствие индивидуально определенного адресата, 2) неопределенность числа случаев, на которые рассчитано содержащееся в акте предписание, 3) возможность неоднократного применения акта, не исчерпывающего действия заключенного в нем предписания. Главным признаком нормативного акта, по мнению ученого, можно считать его правотворческое значение, которое связано с наличием в акте новой нормы права. А. В. Мицкевич предложил ввести в юридическую теорию и практику новую категорию - акты

нормативно-вспомогательного значения. Такие акты не содержат норм права, но при этом имеют нормативное значение: они направлены на утверждение, изменение или отмену действия правовых норм.

4. А. В. Мицкевич предложил отличать правотворчество от социального процесса формирования права. Правотворчество он рассматривал как завершающую стадию данного процесса, понимая его как форму деятельности государства, осуществляемую для создания правовых норм. Ученый обосновал положение о наличии у правотворчества вспомогательных и совещательных функций, которые отличал от функций решающих, направленных на создание правовых норм. Подготовку, разработку и доработку законопроекта он предложил считать не стадиями правотворчества, а законодательными техническими функциями государственных органов, которые неразрывно связаны с правотворчеством. Ученый сформулировал концепцию способов и юридических форм правотворчества, под которыми он понимал различные виды правотворческой деятельности и различные пути создания правовых норм. В их число он включал первоначальное санкционирование государством обычая и возникновении на этой основе обычного права, а затем установление права путем актов, принимаемых государством для защиты отдельных отношений, что породило судебный прецедент. Способом правотворчества в его концепции стало установление государством новых правил путем издания актов общего значения, что привело к появлению законотворчества. В последний период научного творчества А. В. Мицкевич рассматривал правотворчества как деятельность не только государства, но и общества.

5. А. В. Мицкевич ввел в научный оборот правовую категорию «нормативно-правовое предписание», которое определял как логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта, принятого государственным органом, и содержащее обязательное решение государственной власти. Ученый предложил рассматривать нормативно-

правовое предписание как исходную единицу структуры права, обосновал его основные признаки: логическую завершенность, грамматическую выраженность, общеобязательность, волю государства. Также он разграничил типичные и нетипичные нормативные предписания, обосновал правомерность существования последних. Идеи А. В. Мицкевича о нормативно-правовом предписании послужили основой для дальнейшего развития теоретико-правовой науки, для решения существующей в доктрине проблемы несоответствия правовой нормы и статьи закона. В результате научных дискуссий сформировалась вторая точка зрения, представленная в работах С. С. Алексеева - нормативно-правовое предписание можно признать исходным элементом системы права или системы законодательства. В современных условиях представляется более предпочтительной позиция А. В. Мицкевича: использование нормативно-правового предписания в значении минимальной структурной части текста нормативного акта позволяет преодолеть ситуацию, когда норма права не совпадает со статьей закона и выступает абстрактным понятием.

6. Вклад А. В. Мицкевича в теорию и практику систематизации права состоит в том, что он раскрыл взаимосвязь между системой права и его систематизацией, позволяющую использовать существующую систему права как объективное основание для определения структурных параметров систематизации. Предложенный им подход позволяет решать практические вопросы систематизации на основе актуального теоретико-правового знания о существующей системе права и использовать структуру данной системы в качестве одного из важных оснований при расположении нормативного материала. На основе исследования историко-правового опыта А. В. Мицкевич обосновал преимущества предметной систематизации при составлении собраний действующего законодательства.

Теоретической основой исследования стали теоретико-правовые работы правоведов, которые сформировали в своих трудах концептуальные основания современной теории права, активно разрабатывали проблематику

источников права, правотворчества, систематизации законодательства, а также стали продолжателями идей А. В. Мицкевича: А. И. Абрамовой, Н. Г. Александрова, С. С. Алексеева, Л. Ф. Апт, В. К. Бабаева, В. М. Баранова, С. Н. Братуся, А. М. Васильева, А. Б. Венгерова, Н. А. Власенко, В. М. Горшенева, М. Л. Давыдовой, С. Ф. Кечекьяна, В. В. Лазарева, Г. В. Мальцева, М. Н. Марченко, А. С. Пиголкина, С. В. Полениной, Н. В. Путило, О. Ю. Рыбакова, И. С. Самощенко, М. С. Строговича, Ю. А. Тихомирова, Т. Я. Хабриевой, А. Ф. Шебанова, Л. С. Явича и других.

Источниковую базу исследования составили, во-первых, научные труды А. В. Мицкевича, во-вторых, архивные материалы из фонда ИЗиСП, включая личное дело ученого, стенограммы обсуждения его работ на ученом совете, материалы из диссертационного дела, а также личное дело Н. Г. Александрова. В целом, исследование опиралось на широкий круг источников, характеризующих научное творчество А. В. Мицкевича, часть из которых была впервые введена в научный оборот.

Нормативную базу исследования составили законодательные акты, принимавшиеся и действовавшие в период жизни А. В. Мицкевича, которые стали предметом анализа с его стороны либо были подготовлены к принятию при его участии, а также законодательные акты субъектов Российской Федерации и ряда зарубежных государств, устанавливающие иерархию нормативных правовых актов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют восполнить пробелы, существующие в современной теории права и в истории учений о праве и государстве и относящиеся к оценкам научного вклада А. В. Мицкевича применительно к его использованию в теоретико-правовой науке. В результате исследования сформировано целостное представление о конкретном вкладе ученого в теоретико-правовую науку, показано последующее развитие его идей современными учеными, обосновано их значение для приращения

современного научного знания о праве и государстве. Обоснована сохраняющаяся жизнеспособность концептуальных теоретических положений о нормативных предписаниях, вспомогательных актах правотворчества, месте актов государственных органов в системе источников права, разработанных А. В. Мицкевичем. Сделанные в работе теоретические выводы формируют базу для дальнейшего углубленного исследования проблем теории права в ее динамике, синтеза теоретико-правового и историко-правового аспектов, для развития теоретико-правовой научной школы ИЗиСП.

Практическое значение диссертации определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы в деятельности правотворческих органов в процессе совершенствования принимаемых нормативных правовых актов, а также в деятельности Министерства юстиции Российской Федерации при разработке предложений по систематизации современного отечественного права. Имеет практическое значение вывод о том, что систему права можно использовать как объективное основание для определения структурных параметров систематизации, а также вывод о преимуществах предметной систематизации законодательства. Сохраняют практическое значение идеи Мицкевича о соотношении правотворчества и правотолкования, которые сегодня, как обосновано в диссертации, могут быть использованы при теоретико-правовой оценке решений Конституционного Суда Российской Федерации. Материалы и выводы работы могут также быть использованы в учебном процессе при преподавании дисциплин «Теория государства и права», «Актуальные проблемы теории государства и права», «История учений о праве и государстве» студентам и аспирантам юридических вузов и факультетов.

Сведения об апробации результатов исследования. Результаты диссертационного исследования обсуждены и одобрены на заседаниях отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; докладывались на конференциях, семинарах, круглых столах, в том числе:

- доклад «Научное наследие А. В. Мицкевича в ракурсе сравнительного правоведения» на XIV Международном конгрессе сравнительного правоведения 4 декабря 2024 г., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва;

- доклад «Вопросы правотворчества в научном наследии А. В. Мицкевича на IV Международном историко-правовом конгрессе, 23–24 мая 2024 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратов;

- доклад «Роль советской юридической науки в укреплении взаимодействия государства и общества» на Всероссийской научной конференции «Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки», 4–5 октября 2024 г., Московский городской университет Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, Москва;

- доклад «Вклад А. В. Мицкевича в развитие советской юридической науки» на Международной конференции - XI Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки (к 300-летию Российской академии наук), 28 февраля 2024 г., ИЗиСП, Москва;

- доклад «Изучение теоретико-правового наследия советской юридической школы (на примере работ А. В. Мицкевича)» на Всероссийском круглом столе «Право и историческая память в условиях глобальных трансформаций», 22 ноября 2023 г., Московский городской университет Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, Москва.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ЭТАПЫ НАУЧНОГО ПУТИ А. В. МИЦКЕВИЧА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ УЧЕНОГО

1.1. Становление мировоззренческих и методологических основ научного творчества А. В. Мицкевича в период его профессиональной деятельности

Творчество любого ученого неразрывно связано с его биографией, как научной, так и жизненной. Вехи жизненного пути, встречавшиеся на этом пути люди, места работы – все это детерминирует выбор научных интересов, построение творческих планов, степень их реализации. Поэтому изучение биографии ученого позволяет многое понять в его научных идеях, в содержании работ, в которых эти идеи излагались.

Алексей Валентинович Мицкевич родился 25 января 1922 года в Москве. После окончания школы в 1940 г. был призван на армейскую службу, которую проходил в пограничных войсках. После начала войны сражался на фронте, был награжден двумя медалями «За боевые заслуги». В 1945 г. после демобилизации, как и ряд других фронтовиков, решил стать юристом и поступил во Всесоюзный юридический заочный институт. В 1947 г. пошел работать секретарем судебного заседания, что дало ему необходимый практический опыт в юриспруденции, а также продолжил обучение в Московском юридическом институте (с третьего курса, 1947—1949 гг.), который окончил с отличием⁵. По воспоминаниям однокурсников, во время учебы принимал активное участие в семинарских занятиях, вступал в дискуссии⁶. После окончания института Алексей Валентинович решил посвятить себя не практике, а юридической науке, и поступил в аспирантуру Московского юридического института.

⁵ Личное дело А. В. Мицкевича // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1.

⁶ Конюхова Т. В. А. В. Мицкевич, В. И. Никитинский, О. Э. Лейст — фронтовики и видные ученые-юристы // Журнал российского права. – 2010. № 9. – С. 133.

Кандидатская диссертация А. В. Мицкевича была посвящена сложной и даже новаторской теме, значимость которой сохраняется и сегодня – «Субъекты советского социалистического права»⁷. Работа была достаточно объемной, 334 страницы, что в два раза превышает требуемый объем для кандидатской диссертации. Автореферат при этом достаточно краткий, всего 15 страниц, а реального текста – 11 страниц⁸. В нем кратко изложено содержание диссертации, но отсутствует привычный для современных ученых первый раздел, соответствующий введению диссертации. Это можно объяснить различием в требованиях к научно-квалификационным работам, которые продолжают эволюционировать в сторону усложнения.

После защиты кандидатской диссертации в 1952 г. А. В. Мицкевич стал работать преподавателем: сначала в МЮИ (1952–1954), затем после присоединения МЮИ к МГУ продолжил трудовую деятельность в московском университете (1955–1958). Между этими двумя местами работы было еще одно, причем необычное для того времени. В 1954–1955 гг. Мицкевич почти год проработал советником в Бухарестском университете, Румыния. Стоит напомнить, что работать за границу, пусть даже в социалистическую страну, посылали только доверенные и проверенные кадры. Впоследствии во всех анкетах ученый указывал, что владеет румынским языком. Там же, в Бухаресте, у Мицкевича родился сын⁹. Научным итогом пребывания в Бухаресте стала публикация в 1957 г. небольшой монографии «Государственный строй Румынской Народной Республики»¹⁰, а также несколько обзоров румынской юридической прессы.

С 1958 г. научная судьбы А. В. Мицкевича связана со Всесоюзным институтом юридических наук (далее – ВИЮН), где он начинает свою

⁷ Мицкевич А. В. Субъекты советского социалистического права: дисс... кандидата юрид. наук. – М.: Госюриздат, 1952. – 334 с.

⁸ Мицкевич А. В. Субъекты советского социалистического права: Автореф. дисс... кандидата юрид. наук / Моск. юрид. ин-т. – М.: [б. и.], 1952. – 13 с.

⁹ Личное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1.

¹⁰ Мицкевич А. В. Государственный строй Румынской Народной Республики. – М.: Госюриздат, 1957. – 89 с.

деятельность в качестве старшего научного сотрудника (1958 - 1964), а с 1964 по 1971 гг. трудится заведующим сектором совершенствования законодательства ВНИИСЗ¹¹.

В 1957 году в ВИЮНе был восстановлен сектор общей теории государства и права, первое время им по совместительству руководил заместитель директора Института С. Н. Братусь, в дальнейшем его сменил И. С. Самощенко. В секторе собрались молодые научные сотрудники: А. С. Пиголкин, А. В. Мицкевич, О. Э. Лейст, П. С. Грацианский, Л. С. Явич и другие. Как видим, с самого начала работы в Институте А. В. Мицкевич попал в творческую среду, оказался в компании таких же талантливых молодых ученых, которым в будущем предстояло стать авторитетами отечественной теоретико-правовой науки. Обмен идеями и мнениями, несомненно, помогал творческому росту ученого.

В это время складывается тот круг научных интересов, который А. В. Мицкевич будет разрабатывать в течение всей жизни: правотворчество, законодательство, акты государственных органов, систематизация. О его серьезном проникновении в данную проблематику свидетельствует доклад на заседании Ученого совета ВНИИСЗ 23 декабря 1963 г. на тему «Нормативные акты органов Советского государства как источники права»¹². Докладчик отдал предпочтение термину «юридический источник правовых норм» перед термином «формы выражения правовых норм», раскрыл его

¹¹ В 1963 г. ВИЮН переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ). См.: *Летопись российской юридической науки: в 5 томах / отв. ред. Т. Я. Хабриева.* — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Том I: Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения (1923–2015) / Т. Я. Хабриева, Е. А. Прянишников, С. А. Боголюбов и др. — 528 с.

¹² См.: Обсуждение доклада канд. юрид. наук А. В. Мицкевича «Нормативные акты органов советского государства как источники права» // *Ученые записки ВНИИСЗ.* — 1964. Вып. 3 (20). — С. 197—200.

понятие, разграничил акты, устанавливающие нормы, и акты, разъясняющие их, и т. д.¹³.

Этот вопрос стал занимать важное место в научных дискуссиях Института. В марте 1964 г. на заседании сектора теории кодификации и систематизации советского законодательства (так стал называться сектор общих проблем совершенствования законодательства) был заслушан доклад А. Ф. Шебанова «Некоторые вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском общенародном праве». Заседание в связи с важностью обсуждаемых вопросов было расширенным, помимо сотрудников Института в нем участвовали представители Института государства и права, «Юридического издательства» и других юридических учреждений. А. Ф. Шебанов доложил и обосновал свою позицию о понятии правовой нормы, о ее признаках, о нормативных и ненормативных актах, о делегированном правотворчестве и т. д. В опубликованном обзоре мероприятия среди принявших участие в обсуждении значится и А. В. Мицкевич.

Участники мероприятия констатировали, что вопрос о нормативности правовых актов непосредственно связан с их систематизацией. Он получил актуализацию в связи с решением создать систематическое собрание законодательства, в которое не должны войти ненормативные акты¹⁴, поэтому имеет важное практическое значение.

В октябре 1965 г. Юридической комиссией Таджикской ССР при участии Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства и юридического факультета Таджикского университета была проведена конференция по систематизации республиканского законодательства. На конференции выступил А. В. Мицкевич, на тот момент уже являвшийся руководителем сектора общих проблем совершенствования

¹³ См.: В секторе теории кодификации и систематизации советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1965. Вып. 4. — С. 107–211.

¹⁴ Обсуждение проблем законодательной техники // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1966. Вып. 6. — С. 167–173.

законодательства ВНИИСЗ, тема доклада звучала концептуально - «О понятии и признаках нормативного правового акта как предмета систематизации»¹⁵.

28 ноября 1966 г. состоялось расширенное заседание ученого совета ВНИИСЗ, посвященное 30-летию Конституции СССР. А. В. Мицкевич выступил на столь значимом мероприятии с докладом «Конституционные и обыкновенные законы»¹⁶.

Таким образом, от «научных вопросов предметной систематизации законодательства Алексей Валентинович переходит к обобщающему изучению проблемы правовой природы актов высших органов государственной власти...»¹⁷. Налицо развитие Мицкевича как ученого, новая глубина его проникновения в теоретико-правовую материю. Ученый активно работает над докторской диссертацией на тему «Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР»¹⁸, апробирует ее положения на научных конференциях и семинарах. Успешная защита диссертации, которая насчитывала 749 страниц, состоялась в 1967 г. В том же 1967 г. была опубликована и монография на основе диссертации «Акты высших органов советского государства»¹⁹. Эта работа вызвала лестные оценки ученых, сохранявшиеся и спустя годы после ее публикации как образец «юридического произведения исследовательского жанра»²⁰. К числу научно-методологических достоинств работы можно

¹⁵ Москвин С. С., Романов Р. М. Конференция по вопросам систематизации республиканского законодательства // Советское государство и право. – 1966. № 3. – С. 137–138.

¹⁶ Летопись российской юридической науки: в 5-ти тт. / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М.: Юриспруденция, 2023. – Т. 1. – С. 222.

¹⁷ Юртаева Е. А. Предисловие // Мицкевич А. В. Избранное. – С. 6.

¹⁸ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. – М., 1967. – 749 с.

¹⁹ Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства: Юрид. природа нормативных актов высш. органов гос. власти и управления СССР / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства. – М.: Юрид. лит., 1967. – 175 с.

²⁰ Юртаева Е. А. Предисловие // Мицкевич А. В. Избранное. – С. 9.

отнести четкую постановку проблем исследования, выбор и использование методологического инструментария, «авторский стандарт научной сосредоточенности»²¹.

Вопросы, связанные с пониманием и разъяснением системы актов государственных органов, в том числе законов, имели в тот период большое значение, так как необходимой ясности не было как у значительной части населения, так и внутри юридического сообщества. Определенная путаница могла возникать в силу употребления понятия закона как в широком, так и в узком смысле. Об этом свидетельствует наличие соответствующего направления в просветительской деятельности. Например, в 1971 г., вскоре после защиты диссертации Мицкевичем, были опубликованы сразу две брошюры просветительского характера, авторами которых стали известные правоведы, соратники Мицкевича А. С. Пиголкин и Л. С. Явич²². Эти работы имели характерные названия: «Закон обязателен для всех» и «Совершенствование законодательства – важное условие строительства коммунизма». Разъяснения, данные в данных брошюрах по поводу видов актов органов государства, частично опирались на идеи, обоснованные в диссертации А. В. Мицкевича.

Защита А. В. Мицкевичем докторской диссертации стала важным событием не только его жизни, но и в отечественной юридической науке. С современных позиций, в ней было много неординарного.

Во-первых, впечатляет объем работы: она состоит из двух частей (томов), общий объем которых насчитывает 749 страниц.

Во-вторых, на диссертацию поступило 18 дополнительных положительных отзывов, в том числе от юридических комиссий при Советах министров РСФСР Таджикской ССР, Узбекской ССР, Литовской ССР, Армянской ССР, Украинской ССР, а также от ведущих на тот момент

²¹ Там же.

²² Пиголкин А.С. Закон обязателен для всех. – М.: Юрид. лит. 1971. – 64 с.; Явич Л.С. Совершенствование законодательства – важное условие строительства коммунизма. – М.: Знание, 1971. – 48 с.

специалистов в области теории государства и права: П. Н. Недбайло, И. Е. Фарбера, Т. Н. Радько, Н. И. Матузова, М. И. Байтина и других. Отзывы направили профильные кафедры ведущих юридических вузов: Свердловского юридического института, Саратовского юридического института им. Д. И. Курского, Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, Всесоюзного института юридических наук, Казанского государственного университета, Института государства и права Академии наук СССР²³.

В-третьих, представительным был состав официальных оппонентов, которыми стали профессора Н. Г. Александров, Д. Л. Златопольский и С. С. Алексеев. Ведущей организацией выступил Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А. А. Жданова. В качестве неофициального оппонента на защите выступила профессор Е. А. Флейшиц – легенда отечественной юриспруденции.

Таким образом, диссертация подверглась тщательной экспертизе со стороны широкой и передовой юридической общественности, которая единогласно поддержала соискателя докторской степени. И оппоненты, и авторы отзывов единодушно отметили, что работа А. В. Мицкевича представляет собой важный вклад в юридическую науку и соответствует всем необходимым требованиям. Результаты голосования - 24 голоса за, голосов против и недействительных бюллетеней нет.

После защиты диссертации А. В. Мицкевич не прекращает работу над своей тематикой, продолжает активно выступать на научных конференциях. Например, в июне 1968 г. на юридическом факультете Ленинградского государственного университета была проведена научная конференция, посвященная 50-летию советского государства и права. На секции теории и истории государства и права прозвучал доклад А. В. Мицкевича «Некоторые

²³ См.: Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1.

вопросы учения о нормативных актах социалистического государства»²⁴. В этот период он все больше начинает интересоваться проблематикой, связанной с систематизацией законодательства, так как это было непосредственно обусловлено теми вопросами, которые на тот момент стали основными для Института, где работал ученый. Например, А. В. Мицкевич выступил в прениях по докладу В. В. Тищенко «Некоторые теоретические проблемы кодификации советского законодательства» на расширенном заседании сектора общих проблем совершенствования законодательства²⁵. В декабре 1970 г. состоялось расширенное заседание ученого совета МГУ, на котором Н. Г. Александров представил доклад, посвященный подготовке Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. В обсуждении доклада, наряду с И. С. Самощенко и К. П. Горшениным, принял активное участие и А. В. Мицкевич.

В 1971 году была опубликована статья С. С. Алексеева, А. В. Мицкевича и И. С. Самощенко «Развитие и совершенствование советского законодательства». В ней рассматривались важные аспекты, близкие научным интересам Мицкевича и актуальные для юридической теории и практики: укрепление законности и правопорядка; взаимосвязь законности и законодательства; пути и формы совершенствования законодательства²⁶.

В это же время проявился интерес А. В. Мицкевича и к иным вопросам теории права, не связанным напрямую с тематикой его диссертаций. Например, в 1968 г. был опубликован учебник по теории государства и права под редакцией И. Г. Александрова²⁷. Мицкевич стал автором главы,

²⁴ Научная конференция, посвященная 50-летию советского государства и права // Известия вузов. Правоведение. — 1968. № 5. — С. 146–151.

²⁵ Ученые записки ВНИИСЗ. — 1969. Вып. 18. — С. 200–211.

²⁶ Алексеев С. С., Мицкевич А. В., Самощенко И. С. Развитие и совершенствование советского законодательства // Советское государство и право. — 1971. — № 1. — С. 112–118.

²⁷ Теория государства и права / под ред. Н. Г. Александрова. — М.: Юридическая литература, 1968. — 640 с.

посвященной праву, морали и правосознанию в социалистическом обществе. Ученый раскрыл соотношение морали с правом, понятие и особенности правосознания, взаимодействие права, правосознания и морали социалистическом обществе. Содержание данной главы показывает, что Мицкевич в своих научных интересах вышел за рамки нормативных рассуждений об актах государственных органов и источниках права, он стал интересоваться вопросами, связанными с более широким пониманием механизмов действия права в обществе. Стоит отметить, что к вопросам правосознания и его роли в формировании права он обращался и позже.

Через несколько лет после защиты, в 1971 г. Мицкевич на время покидает Институт и переходит на работу в Академию общественных наук при ЦК КПСС (далее – АОН). С 1971 по 1978 гг. он занимает должность заместителя заведующего кафедрой теории государства и права АОН.

В 1978 г. А. В. Мицкевич возвращается во ВНИИСЗ. 21 августа он написал заявление о переводе из Академии общественных наук. В этот же день заместитель министра юстиции СССР И. С. Самощенко согласовал по запросу и.о. директора Института К. Ф. Гуценко назначение Мицкевича на должность руководителя сектора Института²⁸.

Приказом министра юстиции В. И. Теребилова от 28.01.80 № 20-к А. В. Мицкевич с 28 января 1980 г. был назначен заместителем директора ВНИИСЗ по научной работе²⁹. В том же 1980 г. он стал главным редактором выпусков «Законодательство зарубежных стран»³⁰. Нагрузка росла, но ученый успешно справлялся со всеми задачами, как научными, так и административными. При этом, отнимая время, административная занятость негативно сказывалась на научной работе, попросту не оставляя для нее возможностей. Несмотря на занятость, Мицкевичу удавалось находить время и для чтения, и для общения с учениками. По их воспоминаниям, Алексей Валентинович «был чрезвычайно начитан. В его домашней

²⁸ Личное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 10.

³⁰ Там же. Л. 16.

библиотеке было много интереснейшей литературы, в основном по юриспруденции, главным образом по теории государства и права, юридической технике, конституционному праву, гражданскому праву»³¹. При этом все подчеркивают высокие человеческие качества ученого, его благожелательность и чуткость в общении: «Алексей Валентинович был добр и щедр на поддержку как к своим аспирантам, так и к коллегам по работе»³².

В 1982 г. общество Знание направило группу лекторов в Италию сроком на 10 дней. С учетом достаточно сложную для информационно-пропагандистской работы обстановку в стране, в состав группы был включен обладавший необходимым опытом профессор А. В. Мицкевич – к тому моменту заместитель директора Института, член научно-методического совета по пропаганде вопросов государства и права Правления Всесоюзного общества «Знание». 6 июня 1982 г. указом Президиума ВС РСФСР Мицкевичу присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Приказом от 19 апреля 1985 г. Мицкевич с 10 апреля был назначен и.о. старшего научного сотрудника с возложением обязанностей руководителя проблемной группы по изучению развития законодательства зарубежных социалистических стран. В приказе министра юстиции от 08.04.85 № 99-к предписывалось освободить Мицкевича от обязанностей заместителя директора института в связи с переходом на другую работу по состоянию здоровья, наградив его знаком Министерства юстиции «За успехи в работе» и памятным подарком. Заместителем директора вместо Мицкевича был назначен А. Л. Маковский.

Также Мицкевич написал заявление с просьбой освободить его по состоянию здоровья от обязанностей заместителя председателя ученого совета и совета по координации деятельности научных учреждений по совершенствованию законодательства. При этом он остался председателем

³¹ Самигуллин В. К. О замечательном человеке и выдающемся ученом — юристе (95 лет со дня рождения А. В. Мицкевича) // Журнал российского права. — 2017. — № 5. — С. 154.

³² Путило Н. В. Памяти А. В. Мицкевича — Ученого, Учителя, Человека // Журнал российского права. — 2017. — № 5. — С. 151.

диссертационного совета, а в 1986 г. был избран по конкурсу на должность старшего научного сотрудника.

В период перестройки в связи с теми сложностями, которые в материальном отношении испытывала вся страна. А. В. Мицкевич, несмотря на состояние здоровья, с 1988 г. работал на условиях почасовой оплаты в Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Разрешение на это было получено от и.о. Директора ВНИИСЗ И. Н. Кузнецова. Список публикаций ученого, датируемый этим периодом, насчитывает 169 пунктов, не считая рецензий и переводов. А. В. Мицкевич активно использует свои знания в практической плоскости. Вместе с А. С. Пиголкиным он участвует в подготовке проекта Закона СССР «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов, Верховным Советом СССР и их органами». Закон был принят 31 июля 1989 г., но фактически прекратил свое действие уже в следующем году в связи с принятием Закона РСФСР от 13 июля 1990 г. № 89-1 «О порядке опубликования и вступления в силу законов РСФСР и других актов, принятых Съездом народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и их органами»³³. За работу над законом А. В. Мицкевич и А. С. Пиголкин были удостоены благодарности Секретариата Верховного совета СССР. По словам С. А. Боголюбова, «Весь трудовой, производственный путь А. В. Мицкевича свидетельствует о размышлениях о законности и правопорядке через правотворчество, посредством его опоры на научные подходы, глубокий профессионализм, высочайшую квалификацию участников, использование апробированных веками приемов составления нормативных правовых актов, оценку их результативности»³⁴.

³³ <https://docs.cntd.ru/document/901700175?marker=64U0IK>

³⁴ Боголюбов С. А. Алексей Валентинович Мицкевич — корифей теории правотворчества и научный менеджер // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность. К 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского: Сборник статей. — М.: ИГиСП, 2024. — С. 134.

В ноябре 1990 г. начались обсуждения проектов Конституции РСФСР, подготовленных Конституционной комиссией и инициативной группой народных депутатов. В обсуждениях участвовал и А. В. Мицкевич, который затем стал членом Конституционного совещания Российской Федерации³⁵.

В 1991 г. А. В. Мицкевич, оставаясь главным научным сотрудником, участвовал и в административной работе. Он исполнял обязанности руководителя сектора законодательства о правах личности (до 1 ноября 1991 г.), а затем руководителя отдела конституционного законодательства (до 1 апреля 1992 г., отдел был упразднен и создан новый отдел конституционного права).

В 1992 г. ученому исполнилось семьдесят лет, в связи с чем ему была объявлена благодарность и вручен ценный подарок.

В серьезном возрасте сложно менять привычные представления и устоявшиеся взгляды с учетом происходивших в стране и обществе трансформаций, переходу к рыночной экономике и отказу от прежней идеологии. Смена парадигмы юридической науки не повлияла на научную активность А. В. Мицкевича, ученый продолжал активно исследовать те проблемы и вопросы, которые ставила перед юриспруденцией динамичная жизнь.

Большой научный и жизненный опыт позволил ученому выйти на осмысление вопросов более глобального характера, в том числе касающихся сущности права и правопонимания. В ситуации, когда преодоление методологического монизма советского периода привело многих исследователей к разного рода «метаниям» между различными теориями, в том числе ставшими доступными зарубежными концепциями, Мицкевич сохранил концептуальную приверженность устоявшимся в его сознании позициям, которые, конечно, тоже развивались с течением времени под воздействием новой информации. Например, размышляя о праве, ученый

³⁵ Летопись российской юридической науки: в 5-тт. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М.: Юриспруденция, 2023. Т. 1. — С. 304.

констатировал, что необходимо различать понятие права и его определения. По его мнению, определений могло быть много, так как у права много сторон, аспектов, которые отражаются в разных определениях. «Каждое из абстрактных определений разных сторон права не дает представления о его понятии как едином целом, особом явлении или системе явлений»³⁶. Понятие должно отграничивать право от других социальных явлений, отражать его бытие права выступать результатом развития его общей теории.

Признавая право на жизнь и определенные перспективы некоторых альтернативных типов правопонимания (например, социологической теории), А. В. Мицкевич продолжал отстаивать нормативное понятие права, которое, по его словам, было порождено самой юридической практикой. Практическое значение этого понятия, по словам ученого, признают не только сторонники, но и противники подобного подхода. Ученый предложил сформулировать понятие следующим образом: «право есть система общеобязательных норм, выражающих волю господствующего класса (всего трудового народа в обществе победившего социализма), установленных либо санкционированных государством и охраняемых им от нарушений; определяемых в конечном счете господствующими материальными отношениями (базисом данного общества) и регулирующих общественные отношения (поведение людей) в интересах господствующих классов (единого трудового народа в обществе победившего социализма)»³⁷.

Эта формулировка свидетельствует, что и в условиях «перестройки», когда многие ученые, воспользовавшись открывшейся возможностью, пересмотрели прежние взгляды и убеждения, А. В. Мицкевич остался верен научной позиции, основанной на марксизме, которую он отстаивал и развивал всю жизнь.

³⁶ Мицкевич А. В. Общее «нормативное» понятие права и его место в марксистском правопонимании // Советское государство и право. — 1988. — № 6. — С. 11.

³⁷ Мицкевич А. В. Общее «нормативное» понятие права и его место в марксистском правопонимании. — С. 13.

В 1993 г. Председатель Комиссии законодательных предположений при Президенте Российской Федерации М. А. Митюков в письме на имя директора ИЗиСП отметил творческое участие сотрудников Института, включая А. В. Мицкевича, в подготовке проекта Регламента Государственной Думы, и попросил их премировать.

В 1994 г. Мицкевич выступил одним из соавторов монографии «Конституция, закон, подзаконный акт»³⁸, а в 1996 г. - Комментария законодательства государств — участников СНГ о гражданстве. И та, и другая работа были связаны с острыми проблемами переходного периода со становлением новой российской правовой системы. А. В. Мицкевич вновь принял участие в обсуждении самых злободневных юридических вопросов, высказав по ним свое квалифицированное и непредвзятое мнение.

В отчете А. В. Мицкевича за 1994 год отмечено, что он руководил группой по подготовке проекта Регламента Государственной Думы (работа велась с ноября 1993 по февраль 1994 гг.), участвовал в разработке материалов по подготовке Свода законодательства Российской Федерации, подготовил три заключения на законопроекты, участвовал в подготовке монографий «Конституция, закон, подзаконный акт» и «Законодательство о гражданстве государств-участников СНГ», а также комментария к Конституции РФ. Также он был председателем диссертационного совета, членом редакционной коллегии «Трудов» Института, заместителем председателя секции Ученого совета³⁹. Большая для находившегося в зрелом возрасте ученого нагрузка не мешала ему сохранять неизменный оптимизм, веселое настроение и жизнелюбие.

С учетом накопленного опыта А. В. Мицкевич активно участвовал в создании нового российского законодательства, он был членом экспертно-консультативных советов при главных органах власти, в том числе, при

³⁸ Конституция, закон, подзаконный акт / [Котелевская И. В., Митюков М. А., Мицкевич А. В. и др.; Отв. ред. Тихомиров Ю. А.]; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 1994. – 133 с.

³⁹ Личное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1.

Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания РФ а также при Государственно-правовом управлении Администрации Президента Российской Федерации. Ученый активно участвовал в большом и в итоге не реализованном проекте: подготовке свода законодательства Российской Федерации. «Содействуя работе комиссии, он готовил предложения о схеме свода, об основных принципах его формирования»⁴⁰.

По мнению С. А. Боголюбова, «более поздний» А. В. Мицкевич видел в позитивном (юридическом) праве отражение основных экономических и политических устоев каждой ступени развития цивилизации, внедрение идей демократии, социального правового государства, всеобщего признания прав и свобод человека, развития мер их защиты как основ справедливости»⁴¹. Эта позиция получила отражение в учебнике «Основы права», опубликованном в 1998 г.⁴².

Еще одним направлением деятельности ученого стало педагогическое. Некоторое время он возглавлял существовавший в Институте сектор правового воспитания, стал автором упоминавшегося выше и дважды переиздававшегося учебника «Основы права», входил в авторские коллективы нескольких учебных изданий по теории государства и права. А. В. Мицкевич, по воспоминаниям его ученицы Н. В. Путило, «много внимания уделял работе с молодыми учеными. Мудрость наставника и огромный опыт научной работы позволяли ему быть авторитетным примером: в отделе высказанные им идеи и предложения становились

⁴⁰ Путило Н. В., Пашенцев Д. А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. № 6. – С. 150.

⁴¹ Боголюбов С. А. Алексей Валентинович Мицкевич — корифей теории правотворчества и научный менеджер // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность. К 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского: Сборник статей. – М.: ИЗиСП, 2024. – С. 133.

⁴² Основы права / отв. ред. А. В. Мицкевич. – М.: Норма: ИНФРА-М, 1998. – С. 7—10.

объектом всеобщего обсуждения, а его лекции превращались в мастер-класс по педагогике»⁴³.

Являясь по основному месту работы научным сотрудником, Мицкевич в разные годы преподавал в ведущих юридических вузах Москвы: МГУ имени М. В. Ломоносова, Российской правовой академии и других. Под руководством А. В. Мицкевича успешно защитили диссертации 17 аспирантов⁴⁴.

В 2002 г. в связи с 80-летием со дня рождения А. В. Мицкевичу приказом и.о. директора Института Т. Я. Хабриевой была объявлена благодарность. В связи с награждением Почетной грамотой Правительства РФ он был премирован.

В 2005 году в возрасте 83 лет Алексей Валентинович Мицкевич скончался.

Биографические вехи А. В. Мицкевича показывают, что научные интересы ученого во многом определялись его длительной работой в Институте. Он был плотно вовлечен в те работы, которые вел Институт в силу своего профиля и возложенных на него задач. Они были связаны, прежде всего, с развитием правотворчества, доктринальным обеспечением совершенствования законодательства, систематизацией правовых норм. Участие в данной работе вывело А. В. Мицкевича на главную в его научном творчестве проблематику, связанную с актами органов государственной власти, их ролью и особенностями принятия. В этом проявился ответ ученого на сформированный в государстве и обществе определенный запрос, который он в меру сил старался реализовать вместе с коллегами. В то же время, широта научных взглядов, характерная для Мицкевича, не позволяла ему замыкаться только в рамках достаточно узкой теоретико-правовой тематики, он в работах и педагогической деятельности неоднократно

⁴³ Путило Н. В. Памяти А. В. Мицкевича — Ученого, Учителя, Человека. — С. 153.

⁴⁴ См. напр.: Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав. Дисс... кандидата юрид. наук. — М., 1999. —192 с.

обращался к более широким темам, стремился раскрыть новые грани права и его действия в обществе, его взаимоотношений с моралью и правосознанием. В связи с общей эволюцией российского общества, переходом его к новому этапу развития взгляды ученого претерпели изменения. Оставаясь на марксистских позициях, он стал более гибко подходить к возможности существования разных типов правопонимания, к концепции прав человека, стал признавать отвергавшуюся в советское время концепцию социального правового государства. Трансформация взглядов ученого – это закономерное явление. При этом А. В. Мицкевич никогда не отступал от своих главных принципов, сохранял верность сформированным еще в молодости идеалам.

1.2. Концепция субъектов советского права и правосубъектности

Теоретико-правовые конструкции и понятия представляют собой порождение научных изысканий и дискуссий, они создаются и ретранслируются учеными-правоведами, которые приходят к единому мнению и формируют определенную научную парадигму, а также догму права. Исследование таких дискуссий в их историческом развитии помогает лучше понять логику и динамику научного знания как формы познания правовой реальности, реконструировать ход мышления ученых по ключевым научным вопросам, осознать значимость использованных ими аргументов и их актуальность. В условиях перехода к новой научной рациональности, активного технологического развития, цифровизации общественных отношений представляется важным исследование таких научных дискуссий в контексте их влияния на социум, право и государство⁴⁵.

Современные технологические реалии актуализируют приоритетное исследование ряда важных вопросов теории права, в том числе,

⁴⁵ См. об этом: Хабриева Т. Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 5–12.

непосредственно связанных с субъектом права и правосубъектностью. В связи с этим, представляют интерес те научные дискуссии, которые ведутся учеными по поводу данных понятий. Poleмика раскрывает главные направления эволюции отечественной теоретико-правовой мысли, свидетельствует о логике научного поиска и приводимой аргументации.

А. В. Мицкевич был одним из немногих ученых советского времени, который избрал в качестве предмета своих исследований вопросы, связанные с субъектом права и правосубъектностью. Его кандидатская диссертация⁴⁶ и написанная по ее итогам монография «Субъекты советского социалистического права» стала важным событием в процессе формирования отечественной теоретико-правовой мысли⁴⁷. Целый ряд положений данной работы стал новаторским для существовавших представлений о правосубъектности. Их разработка стала важным шагом на пути конструирования современной теории субъекта права, повлекла успешное решение ряда принципиальных вопросов теории правосубъектности. В течение последующих десятилетий развитие теории субъекта права в отечественной юриспруденции происходило именно на базе идей и наработок А. В. Мицкевича.

Стоит отметить, что в советское время вопрос о субъекте права занимал важное место в исследованиях теоретиков права Всесоюзного института юридических наук. К нему обращалась Е. А. Флейшиц, связавшая его с личными правами советских граждан и правовыми механизмами реализации данных прав⁴⁸. С.Н. Братусь в ставшей классической работе «Субъекты гражданского права», увидевшей свет в 1952 г., предпринял успешную попытку раскрыть понятие субъекта права через определение

⁴⁶ Мицкевич А. В. Субъекты советского социалистического права. Автореф. дисс... кандидата юрид. наук / Московский юридический институт. – М., 1952. – 14 с.

⁴⁷ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. – М.: Госюриздат, 1962.

⁴⁸ Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран / Всесоюз. ин-т юридических наук. – М.: Юриздат, 1941. – 208 с. (Ученые труды ВИЮН. Вып. VI).

содержания правоспособности, а также через субъективное право⁴⁹. Данный труд вошел в число классических для отечественной цивилистики, его содержание продолжает оказывать влияние на понимание правосубъектности в гражданском праве, на ряд тех цивилистических конструкций, которые нашли отражение в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации. Выдвинув ряд важных для теоретико-правовой науки положений, С. Н. Братусь главное внимание уделил именно цивилистическим аспектам вопроса о субъектах права, рассмотрел теорию правосубъектности именно с позиций гражданско-правовых отношений. При этом в подтверждение своих мыслей ученый ссылался, в основном, именно на труды цивилистов: М. М. Агаркова, А. В. Венедиктова, О. С. Иоффе и других, и основное внимание уделял исследованию юридических лиц в советском государстве.

Рассматривая концепцию субъекта права, которую разработал и обосновал А. В. Мицкевич, необходимо делать определенные поправки на особенности того времени. Его работа была опубликована в период «хрущевской оттепели», когда допускалась некоторая, пусть и ограниченная, свобода мысли. Но в то же время советская юридическая наука не имела возможности выходить за жесткие методологические рамки, за границы марксистско-ленинского учения о государстве и праве. Это наложило отпечаток и на особенности развития учения о субъекте права, в которое ученые изначально закладывали классическое понимание базиса и надстройки, взаимоотношений между ними, а также господствовавшего в советской науке экономического детерминизма. Вопросы субъекта права разрабатывались с учетом их социально-экономической обусловленности, без акцентирования внимания на их антропологической природе. В то же время, в политико-правовой мысли уделялось внимание личности, и ее правам и обязанностям в советском обществе через призму поиска путей решения поставленной глобальной задачи - построения коммунизма. Кроме

⁴⁹ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1952.

того, в этот период времени получил некоторую актуализацию вопрос об общественных организациях, связанный с осмыслением их роли в государстве и правовой системе.

Обозначенные особенности развития советской юридической теории наложили отпечаток на те методологические подходы, которые А. В. Мицкевич использовал для разработки своего учения о субъекте права. Ученый обосновал деление всех субъектов права на два вида: физических лиц и организации. В этом он не был первопроходцем в отечественной юриспруденции. Такую же позицию обосновывал и С. Н. Братусь, когда писал: «Субъекты гражданского права – это люди (граждане) и юридические лица - общественные образования (коллективные субъекты)»⁵⁰.

Основные положения монографии А. В. Мицкевича о субъектах права, составившие сущность авторской концепции, можно выразить в нескольких главных тезисах.

Прежде всего, А. В. Мицкевич дает авторское понятие субъекта права. «Субъекты права — это люди и их организации, выступающие как носители предусмотренных законами государства прав и обязанностей»⁵¹.

Понятие субъекта права А. В. Мицкевич рассматривал во взаимосвязи и взаимной обусловленности с понятием правосубъектности, признавая, что субъект существует и действует в правовом пространстве, в создаваемых законодательством рамках, ограничивающих социальное поведение. Само существование субъекта, его статус и объем полномочий определяются нормами действующего законодательства.

Правосубъектность ученый понимал как качество субъекта права, которое обусловлено наличием у лица или организации определенного круга прав и обязанностей и признанной законом возможности иметь другие права

⁵⁰ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1950. – С. 5.

⁵¹ Мицкевич А. В. Субъекты советского права // Мицкевич А. В. Избранное. – М.: Контракт, 2010. – С. 142.

и обязанности, возникающие в процессе участия в общественной жизни, то есть правоспособности⁵².

Необходимо учитывать, что по поводу понимания правосубъектности существует несколько разных подходов, сложившихся еще в советской юридической науке. Первый подход понимает правосубъектности на основе правового статуса, то есть как совокупность прав и обязанностей субъекта. Важное значение правового статуса отмечали многие правоведы, например, известный теоретик Н. И. Матузов трактовал правовой статус как самостоятельный элемент правовой системы⁵³. Значение правового статуса определяется тем, что он вносит определенную системность в динамично развивающиеся отношения между субъектами права, формирует основы таких взаимоотношений и пределы полномочий субъектов, меру их должного поведения. Это позволило Н. И. Матузову сделать вывод, что правовой статус представляет собой «комплексную интеграционную категорию, отражающую взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, индивида и коллектива, другие социальные связи»⁵⁴. Статус формируется в рамках определенной системы общественных отношений, он детерминирован самими этими отношениями, а также и реализуется в конкретных правоотношениях. С. С. Алексеев в свою очередь подчеркивал динамичный характер правового статуса, проявляющийся в правовой деятельности и использовании субъективных прав⁵⁵.

А. В. Мицкевич являлся сторонником иного научного подхода, он предлагал понимать и оценивать правосубъектность шире, чем простая совокупность присущих субъекту прав и обязанностей. По его мнению, правосубъектность образуется не из субъективных прав и обязанностей,

⁵² Там же.

⁵³ Матузов Н. И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – С. 25.

⁵⁴ Матузов Н. И, Малько А. В. Теория государства и права. Курс лекций. – М.: Дело, 2001. – С. 145.

⁵⁵ Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1998. – С. 49.

присущих субъекту, а из юридической возможности их иметь, возникающей на основе действующего законодательства.

Правосубъектность А. В. Мицкевич связывал именно с действующим законодательством, так как именно закон наделяет этим качеством людей и организации. Помимо этого, ученый полагал, что правосубъектность, как и любая другая правовая категория, должна рассматриваться в неразрывной связи с существующими общественными отношениями, которые складываются на основе экономического и политического строя данного конкретного общества. В правосубъектности, по его мнению, отражаются классовые интересы, если речь идет о классовом обществе. В советском обществе право выражает волю всего народа, и потому определяет правосубъектность граждан и организаций в соответствии с его интересами.

Обосновывая свой подход к пониманию правосубъектности, Мицкевич останавливается на критике позиций буржуазных ученых по отношению к понятию субъекта права и сущности правосубъектности, характеризует их как идеалистические. Он отмечает, что юристы западных стран пытались раскрыть сущность правосубъектности, но не достигли успеха. В XIX веке все классические западные теории правосубъектности рассматривали субъект права изолированно, понимая его только как носителя индивидуальной воли и индивидуального интереса, вне связи его с классовыми и производственными отношениями, что недопустимо с позиций марксизма. Эти концепции страдали излишней антропоцентричностью и индивидуализмом в ущерб анализу роли объективных факторов. По мнению Мицкевича, ошибочным было рассматривать индивидуальные интересы в отрыве от интересов классовых, исследовать субъект права в отрыве «от общественных условий жизни индивида, материальных условий жизни общества»⁵⁶.

⁵⁶ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. – С. 148.

Таким образом, теория правосубъектности Мицкевича строилась строго на основе классового подхода и присущей ему марксистской методологии.

Положение о том, что статус субъектов права обусловлен социально-экономическими отношениями, их личные интересы нельзя рассматривать в отрыве от интересов классовых, стало одним из основополагающих в концепции А. В. Мицкевича, определило логику его теоретических построений.

В советской юриспруденции применительно к пониманию субъекта права обсуждался еще и такой дискуссионный вопрос, как возможность выделять в качестве самостоятельного субъекта права весь советский народ. Данную точку зрения представлял, в частности, С. Ф. Кечекьян⁵⁷. Идея исходно была порождена процессами некоторой демократизации государственного и общественного строя в период хрущевской «оттепели», а также началом работы над новой конституцией, где проблема советского народа и его статуса должна была получить новое звучание. Но А. В. Мицкевич придерживался иной позиции по этому вопросу. Он полагал, что у народа не может быть отдельного правового статуса. У него нет правосубъектности, следовательно, и к числу субъектов права его отнести нельзя. По мнению А. В. Мицкевича, права, которые принадлежат всему народу, существуют, но при этом субъектом данных прав, который может их реализовать в конкретных правоотношениях, является не сам народ, а «сформированное им социалистическое государство»⁵⁸. Именно государство выступает субъектом права, оно действует от имени народа и способствует реализации его прав, защите его интересов.

Не отождествляя правосубъектность с совокупностью прав и обязанностей, Мицкевич тем не менее признавал, что исследование вопросов

⁵⁷ См.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 187 с.

⁵⁸ Мицкевич А. В. Субъекты советского права // Мицкевич А. В. Избранное. – М.: Контракт, 2010. – С. 175.

правосубъектности закономерно предполагает обращение к правам и обязанностям личности, которые вместе составляют основу ее правового статуса. Поэтому данный вопрос занимал важное место в его рассуждениях и исследованиях. Важность проблематики прав и обязанностей граждан в научном творчестве А. В. Мицкевича можно объяснить, во-первых, принадлежностью физических лиц к числу выделяемых ученым групп субъектов права, во-вторых, уже названными особенностями периода написания его монографии, когда в условиях временной «хрущевской оттепели» права и свободы граждан получили более важную, чем в предшествующий период времени, акцентуацию.

Позиции А. В. Мицкевича по вопросу о правах граждан были детерминированы его представлениями о приоритете общественного строя и общественных отношений над правом как элементом надстройки. Осознавая, что никакая личность не существует вне общества, ученый признавал, что она формируется в конкретных общественных отношениях. В социалистическом обществе правовой статус граждан, а также объем их установленной законом правосубъектности определяется сущностью этого общества. Социализм как общественный строй, свободный от эксплуатации, предполагает обеспечение всем трудящимся свободы труда, защиту их от нищеты. Благо личности, а также ее законные права являются одним из приоритетов советского социалистического государства, полагал А. В. Мицкевич.

В современных условиях, когда российское государство уже не является социалистическим, положение о том, что личность немислима вне общества, сохраняет свою актуальность. Атомизация общества, основанная на безусловном приоритете индивидуальных интересов над интересами общественными, является разрушительной для социума. Возрождение традиций коллективизма выступает важнейшим фактором мобилизации перед лицом глобальных вызовов. И в этом отношении идеи А. В. Мицкевича звучат очень актуально.

Исследуя вопрос о правах личности, А. В. Мицкевич рассматривал их в неразрывном единстве с ее обязанностями, как две взаимосвязанных стороны ее правового статуса. В последующем данную точку зрения развивали в своих получивших широкую известность работах судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрук и Б. С. Эбзеев⁵⁹. А. В. Мицкевич также сформулировал и обосновал собственную структуру прав и обязанностей личности, выделив среди них политические, социально-экономические, личные⁶⁰. На его концепцию позднее опиралась Н. В. Путило в процессе подготовки кандидатской диссертации при разработке собственной концепции социальных прав личности⁶¹.

По мнению А. В. Мицкевича, вопрос о правовом положении граждан представляет собой только один из аспектов более общей и важной проблемы взаимоотношений личности и общества, он неразрывно связан с социально-экономическим положением личности в данном конкретном обществе. Права и свободы личности, утверждал ученый, никогда не существуют вне общества, они представляют собой продукт развития общественного и государственного строя⁶².

Ученый он уточнил соотношение и содержание понятий правоспособности и дееспособности, отметив, что «дееспособность по существу и означает способность человека к совершению личных юридических действий, направленных на осуществление им своих прав и обязанностей, на приобретение новых субъективных прав и обязанностей, а также способность нести личную ответственность за свои неправомерные

⁵⁹ См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – 448 с.; Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 2005. – 574 с.

⁶⁰ Путило Н. В., Пашенцев Д.А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. – 2022. Т. 26. – № 6. – С. 152.

⁶¹ Путило Н.В. Основы правового регулирования социальных прав. Дисс... кандидата юрид. наук. – М., 1999. – 192 с.

⁶² Мицкевич А. В. Субъекты советского права. – С. 176.

действия»⁶³. Дееспособность он рассматривал как особое качество правосубъектности, которое выступает необходимым условием осуществления ею своих прав и обязанностей.

Для сравнения отметим, что С. Н. Братусь рассматривал дееспособность как признанную «законом за указанными лицами способность своими действиями создавать для себя права, обязанности, включая обязанность возместить причиненный имущественный вред»⁶⁴, то есть не включал в ее состав способность нести юридическую ответственность.

Обосновывая свою концепцию, А. В. Мицкевич порой критиковал других ученых; он возражал против понимания правосубъектности как категории, равнозначной правоспособности, и указывал, в связи с этим, что профессор С. Н. Братусь, как и А. В. Венедиктов, неосновательно отождествлял эти две категории. С точки зрения Мицкевича, советское законодательство предоставляет гражданам страны, государственным и общественным органам не только правоспособность, но также определенные права и обязанности, имеющие конкретное содержание. Эти права, по мнению ученого, нельзя рассматривать в качестве предпосылки участия в правоотношениях. Права выступают важным средством удовлетворения конкретных интересов гражданина, а также условием выполнения тем или иным государственным органом конкретных задач, входящих в его компетенцию. Что касается обязанностей, то они обеспечивают соблюдение коренных интересов всего советского общества, выполнение его членами своего трудового и общественного долга, определяют постановку и решение задач в деятельности органов государства, а также общественных организаций.

А. В. Мицкевич резюмирует: «Совокупность общих прав и обязанностей (правоспособности), а также определенных по содержанию

⁶³ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. — С. 185.

⁶⁴ Субъекты гражданского права / под ред. С. Н. Братуся. — М.: Юрид. лит., 1984. — С. 7.

прав и обязанностей, непосредственно вытекающих из действий советских законов, составляет, по нашему мнению, содержание правосубъектности или правовой статус гражданина, или организации в Советском обществе»⁶⁵.

Разделяя понятия правоспособности и правосубъектности, ученый вводит в структуру правосубъектности еще один элемент – деликтоспособность. Он пишет, что «важным качеством правосубъектности является возможность возложения на лицо и организацию самостоятельной юридической ответственности за неисполнение обязанностей, за нарушение норм советского права. Если данный субъект не может быть привлечен к юридической ответственности за нарушение данной обязанности, значит, эта обязанность не охватывается его правосубъектностью»⁶⁶.

Отметим, что такой подход получил признание в науке, и в современных условиях его придерживаются многие отечественные ученые. Например, Д. А. Пашенцев пишет, что «правосубъектность не тождественна правоспособности и состоит из трех структурных элементов: правоспособности, дееспособности, деликтоспособности; такая конструкция основана на понимании правоотношения как диалога между субъектами, предполагающего учет взаимных интересов и подразумевающего возможное вмешательство государства»⁶⁷. Также три элемента в структуре правосубъектности выделяют авторы учебника под редакцией В. Я. Кикотя и В. В. Лазарева⁶⁸. Таким образом, теоретики права продолжают использовать конструкты А. В. Мицкевича, опираются на них при раскрытии данной проблематики.

⁶⁵ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. – С. 162.

⁶⁶ Мицкевич А. В. Указ. соч. – С. 163.

⁶⁷ Пашенцев Д.А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. – М.: ИЗиСП, 2017. – С. 35.

⁶⁸ Теория государства и права: учебник / под ред. В. Я. Кикотя и В. В. Лазарева. 3-е изд. – М.: Городец, 2008. – С. 412–413.

Есть работы, авторы которых продолжают придерживаться иных представлений о структуре правосубъектности, выделяя в ней два элемента и исключая деликтоспособность. Например, в учебнике под редакцией В. М. Корельского и В. Д. Перевалова отмечается, что «правосубъектность есть предусмотренная нормами права способность (возможность) быть участником правоотношений. Она представляет собой сложное юридическое свойство, состоящее из двух элементов – правоспособности и дееспособности»⁶⁹.

Таким образом, А. В. Мицкевич одним из первых в отечественной юриспруденции разработал собственную концепцию субъекта права, которая в ряде аспектов сохраняет свою высокую актуальность, теоретическую и практическую значимость и в современных условиях⁷⁰.

В то же время, как это часто бывает в науке, не все признанные сегодня идеи А. В. Мицкевича были сразу приняты и одобрены другими учеными, некоторые подвергались суровой критике. Поэтому представляет несомненный познавательный интерес анализ тех научных позиций, которые высказывались в процессе обсуждения монографии по субъектам права. Одно из таких обсуждений проходило на заседании Ученого совета Всесоюзного института юридических наук 19 сентября 1960⁷¹.

На данном заседании выступили два официальных рецензента по монографии. Первым из них был известный ученый, основоположник отечественной науки международного частного права Лазарь Адольфович Лунц, то есть не теоретик, но при этом глубокий знаток юриспруденции. Он подчеркнул ряд несомненных и весомых достоинств монографии

⁶⁹ Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М.: Инфра-М, 1997. – С. 343.

⁷⁰ Путило Н. В., Пашенцев Д.А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. – 2022. Т. 26. – № 6. – С. 152.

⁷¹ См.: Стенограмма заседания Ученого совета ВИЮН от 19 сентября 1960 года. Обсуждение работы А. В. Мицкевича «Субъекты советского социалистического права» // Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438.

А. В. Мицкевича. Рецензент отметил, что автор монографии хорошо владеет не только теорией, но и обладает знаниями отраслевых юридических дисциплин, что позволило ему подойти к исследованию сложных теоретико-правовых проблем с позиций конкретной юридической практики. Кроме того, А. В. Мицкевичу, по мнению Л. А. Лунца, удалось избежать часто встречающегося в научной литературе механического перенесения в общую теорию права цивилистических категорий. В результате А. В. Мицкевич разделяет понятия правосубъектности и правоспособности, что, по мнению рецензента, крайне важно. В этом отношении Мицкевич продолжает позицию такого авторитета, как Е. А. Флейшиц, полагавшей, что правоспособность не всегда и не во всех случаях присуща субъекту права, она касается лишь достаточно небольшого круга общественных отношений.

При этих достоинствах, отметил рецензент, Мицкевич в монографии неоправданно широко распространяет применение категории правоспособности на административное право, в то время как правоспособность является именно цивилистической категорией. Л. А. Лунц констатировал, что в монографии не разработаны достаточно четкие признаки субъекта права. Так, на странице шесть Мицкевич констатирует, что под субъектами права следует понимать отдельных лиц и организации, общественное положение которых закреплено законом. По мнению же самого Лунца, закон часто закрепляет и общественное положение тех, кто является вовсе не субъектом, а объектом права. Речь, например, может идти о правовом положении рабов в рабовладельческом обществе. Их статус закреплен законом, но этот не дает никаких оснований относить рабов к субъектам права. Кроме того, как указал рецензент, автор монографии не всегда юридически точен в своих примерах и высказываниях о действии советского закона по кругу лиц, включая положение находящихся на нашей территории иностранцев.

Л. А. Лунц отметил, что А. В. Мицкевич предпринял попытку дать такую классификацию субъектов права, которая подошла бы для всех его

отраслей. Но такой единой классификации субъектов права не может быть выработано, потому что понятие субъекта права имеет совершенно различное содержание гражданском праве и в государственном праве, и объединить эти две трактовки не получится. Л. А. Лунц не рассматривает это как серьезный недостаток работы. По его мнению, у А. В. Мицкевича не получилось выработать «единого положительного содержания для категории субъектов права»⁷², но даже такой отрицательный результат имеет для теории большое значение, он позволяет продвинуться дальше в понимании вопросов, связанных с субъектом права и его теорией.

Л. А. Лунц также отметил, что А. В. Мицкевич в монографии не ставит знак равенства между правосубъектностью и правоспособностью, подчеркивая, что правоспособность является свойством любого субъекта права. Если понимать эту категорию в широком смысле слова, то автор, по мнению Лунца, прав и придерживается точки зрения Е. А. Флейшиц. Но когда речь идет о классификации таких субъектов права, как организации, то категория субъекта права получает совершенно различные выражения в гражданском и в административном праве. В административном праве, в отличие от гражданского, существует не правоспособность, а компетенция. Кроме того, в административном праве нет имущественной самостоятельности, которой надо обладать в праве гражданском, чтобы получить правоспособность.

Среди тех положений работы, которые были поддержаны рецензентом, можно отметить положение о том, что государство не является юридическим лицом. В ином случае, констатировал Лунц, в области международных имущественных отношений государство было бы лишено соответствующего и необходимого иммунитета. Государство в таких отношениях всегда представлено как Верховная власть и никогда не выступает как субъект права.

⁷² Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 6.

По мнению рецензента, А. В. Мицкевич поставил перед собой огромную по объему и важности задачу - исследовать такие теоретические проблемы, которые до сих пор в таком объеме никем не исследовались. Поэтому он столкнулся с серьезными трудностями объективного характера, которые в итоге пока не сумел до конца преодолеть. Тем не менее, монография получилась крайне интересной и потому, как констатировал Л. А. Лунц, она вполне заслуживает публикации.

В заключение рецензент отметил излишнюю сложность тех средств выражения своих мыслей, которые использует автор. Над стилем изложения материала А. В. Мицкевичу нужно еще поработать, заключил Л. А. Лунц.

Еще одно замечание рецензента относилось к тому, что автор в своем исследовании практически не использовал иностранной литературы, не показал наглядно и критически современных ему зарубежных теорий правосубъектности. Это могло бы не просто украсить исследование, но и придать ему больший научный вес, за счет сравнительного метода расширить количество исследуемых подходов, усилить аргументацию сделанных выводов.

Представляется, что позиция рецензента по ряду затронутых им вопросов определялась тем, что Л. А. Лунц был крупнейшим специалистом по международному частному праву, в силу чего имел возможность посмотреть на проблемы субъектов права под иным, не теоретико-правовым углом зрения⁷³. Такая междисциплинарность повышает значимость и глубину сделанных им замечаний.

Вторым рецензентом по монографии выступил кандидат юридических наук Татьяна Борисовна Мальцман. Она присоединилась к мнению Л. А. Лунца, который справедливо охарактеризовал работу как «интересную в научном отношении, но требующую серьезной корректировки – как в стилистико-литературном отношении, так и в плане уточнения целого ряда

⁷³ Работа Л.А. Лунца «Курс международного частного права» в трех томах была удостоена Государственной премии СССР за 1970 год.

положений, относящихся к различным отраслям права»⁷⁴. Рецензент, не высказав принципиальных замечаний по существу работы, привел несколько конкретных примеров, которые свидетельствуют о неточностях в тексте либо ошибочность некоторых не принципиальных высказываний автора.

После рецензентов в порядке неофициальной дискуссии слово взяла Екатерина Абрамовна Флейшиц – не просто доктор юридических наук и профессор, но юрист еще с дореволюционным стажем, выпускница Сорбонны, в советский период один из крупнейших специалистов в области гражданского права⁷⁵. Она сразу же охарактеризовала монографию А. В. Мицкевича как «очень содержательную самостоятельную и интересную работу»⁷⁶. В качестве несомненного достоинства, присущего не только данной монографии, но и многим работам, подготовленным в секторе общей теории права, Е. А. Флейшиц назвала успешную попытку обобщить «в максимальных объемах позитивный правовой материал... чтобы из теоретических положений вытекали какие-то выводы для практики»⁷⁷. Такой синтез теории и практики очень важен для юриспруденции. В то же время, по мнению Е. А. Флейшиц, научная позиция А. В. Мицкевича, несколько отличавшаяся от ее собственных воззрений, была обоснована в работе не вполне убедительно. Так, ученый пишет, что правоспособность – «это категория гражданского права, это абстрактная бланкетная возможность иметь право и обязанность, и это право и обязанность признается законом, а не присущи человеку от природы»⁷⁸. Но далее в монографии показано, что элементы правоспособности есть и в других отраслях права, в том числе, трудовом и административном праве. Этот аспект, по мнению Флейшиц, в

⁷⁴ Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 19.

⁷⁵ См. подробнее: *Летопись российской юридической науки: в 5 томах / отв. ред. Т. Я. Хабриева.* — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Том I: Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения (1923–2015) / Т. Я. Хабриева, Е. А. Прянишников, С. А. Боголюбов и др. — 528 с.

⁷⁶ Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 20.

⁷⁷ Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 20.

⁷⁸ Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 21.

работе не был раскрыт до конца, остался недостаточно понятным в контексте отраслевой правоспособности.

Оценивая монографию Мицкевича, Е. А. Флейшиц исходила из собственного понимания правоспособности, сложившегося за годы научной и практической работы. Она сказала следующее: вслед за О. С. Иоффе, который считал, что правоспособность это право, я тоже полагаю, что это право. «Это есть право особого бланкетного содержания»⁷⁹. Вместе с тем правоспособность подразумевает отношения не только с государством, но и отношения с окружающими, и этот аспект также необходимо учитывать.

Поддержав ряд конкретных выводов, представленных в монографии А. В. Мицкевича, Е. А. Флейшиц критически отнеслась к структуре ее второй главы, которая порождает некоторую путаницу в понимании. Она отметила, что юридическое лицо как субъект гражданского права в то же время может выступать и носителем властных полномочий. В качестве примера служат банк или железная дорога. Кроме того, гражданская правоспособность бюджетных организаций раскрыта в монографии слишком длинно и при этом не вполне понятно для читателей.

В заключение Е.А. Флейшиц сделала вывод, что целесообразность опубликования работы, несмотря на имеющиеся отдельные недочеты, не подлежит сомнению, но перед этим ее следует подвергнуть тщательному редактированию: «терминология разная, материя спорная, трудная, надо ее объяснить»⁸⁰.

Вслед за Е.А. Флейшиц слово попросил Михаил Гаврилович Кириченко – сотрудник института, специалист по советскому государственному праву. Он с некоторым удивлением отметил позицию А. В. Мицкевича, что для субъектов советского административного права не характерна ни правоспособность, ни дееспособность. По его мнению, с этим сложно согласиться, так как «граждане, являющиеся субъектами

⁷⁹ Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 21.

⁸⁰ Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 25.

административного права, обладают и тем и другим качеством, иначе не существует субъекта правоотношения»⁸¹.

Еще один выступивший в прениях сотрудник института – Александр Абрамович Рускол, являясь специалистом по колхозному праву, акцентировал внимание собравшихся на тех аспектах монографии, которые относились к его предмету исследования. Он констатировал, что согласно принятой в советской науке позиции колхозный двор считается особым субъектом права, который не относится ни к юридическим лицам, ни к отдельным субъектам права. Но эта особенность колхозного двора, имеющая прямое отношение к тематике субъекта права, не показана в монографии Мицкевича.

А. А. Рускол также покритиковал А. В. Мицкевича за некорректное использование понятия «равенство» вместо «равноправие», за неуместное сопоставление народа и колхозного двора, подверг критике данное в монографии авторское определение субъекта права.

Кроме того, работа, по мнению выступавшего, была плохо отредактирована, над ней стоила еще поработать, как в техническом отношении, так и в плане привлечения дополнительного материала. Поэтому А. А. Рускол внес предложение обсудить данную монографию дополнительно на заседании секторов трудового, земельного и семейного права, чтобы помочь автору улучшить свою работу, дать ему возможность ознакомиться с дополнительным отраслевым материалом, важным для обоснования теоретических позиций.

В завершение обсуждения на ученом совете слово было предоставлено А. В. Мицкевичу, который попытался ответить на самые серьезные из прозвучавших в его адрес замечаний. Прежде всего, он остановился на замечании профессора Л. А. Лунца о том, что в работе нет четких признаков определения субъектов права. Все элементы для выделения этих признаков, как отметил Л. А. Лунц, в работе даны, но необходимо этот аспект

⁸¹ Архив ИЗаСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 26.

подвергнуть серьезному научному редактированию. А. В. Мицкевич в ответ обозначил, что он рассматривает в монографии правосубъектность как категорию, включающую правоспособность, к которой он относит «наиболее общие права и права и обязанности определенного содержания – властные, абсолютные права, которые включаются в категорию правоспособности»⁸².

Главное содержание заключительного выступления А. В. Мицкевича можно выразить в нескольких позициях.

Во-первых, А. В. Мицкевич согласился с тем, что надо уточнить данное в монографии определение субъекта права, тем более, в ней уже есть материал, который позволяет это успешно сделать.

Во-вторых, ученый обозначил собственную позицию по поводу возможного создания общей классификации субъектов права, а также по вопросу о том, какое место в ней должны занимать граждане.

В-третьих, он подтвердил свое мнение, что народ не является самостоятельным субъектом права, так как его интересы выражает государство.

В-четвертых, по вопросу о колхозном дворе как субъекте права автор монографии отметил, что опирался на недавно вышедшую статью Г. Н. Полянской, посвященную данному вопросу. Его позиция, изложенная в монографии, нисколько не противоречит сельскохозяйственному уставу, в котором установлено, что личная собственность колхозного двора является разновидностью личной собственности граждан.

В-пятых, остановившись на активно обсуждавшемся вопросе о соотношении правоспособности и дееспособности, А. В. Мицкевич признал, что ему стоит дополнительно посоветоваться со специалистами в административном и государственном праве. Он согласился, что в гражданском праве недееспособный гражданин может быть признан субъектом права. Ученый предложил применительно к сфере действия административного права совсем отказаться от употребления категории

⁸² Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 32.

правоспособности, так как в этой сфере вместо правоспособности существует категория определенных абсолютных прав и определенных обязанностей. Также автор высказал свою позицию по поводу соотношения понятий «равенство» и «равноправие» применительно к тем тезисам, которые сформулированы в обсуждаемой монографии⁸³.

В заключение своего выступления А. В. Мицкевич попросил у ученого совета срок в две – три недели для доработки монографии по высказанным замечаниям. Он сказал, речь идет в основном о редакционной правке, так как стиль монографии действительно порой излишне сложен для восприятия. В то же время, сложность формулировок в ряде случаев можно объяснить сложностью поднимаемых теоретических вопросов: «по ряду вопросов нет достаточно четких формулировок в нашей литературе, поэтому, разрабатывая и пытаясь по-новому поставить вопрос, я допустил известную сложность»⁸⁴.

Заключительное слово А. В. Мицкевича не стало завершением развернувшейся дискуссии. Слово взял профессор С. Н. Братусь и от имени всего теоретико-правового сектора заявил, что данную монографию они рекомендуют к опубликованию. Работа представляет значительный интерес, она нужная и своевременная для юридической науки. Разрабатываемая автором концепция важна для законодательства и практики его применения, она также позволяет делать важные выводы, применимые в других отраслях науки. По мнению выступавшего, при доработке стоит поддержать позицию Е. А. Флейшиц и несколько сократить монографию, что позволит дать более точные формулировки и представить выводы в концентрированном виде. При таком сокращении автор будет вынужден более четко изложить те положения, которые пока показались коллегам достаточно туманными. С. Н. Братусь также констатировал, что автору монографии сложно сформировать синтетическую теорию субъекта права, объединив в ней

⁸³ Хен Л. Г. Научная дискуссия о монографии А. В. Мицкевича «Субъекты советского социалистического права» // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 5. – С. 161.

⁸⁴ Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 41.

вопросы цивилистического и административного характера, но это не влияет на рекомендацию монографии к опубликованию после ее соответствующей доработки.

По итогам состоявшегося тщательного и достаточно бурного обсуждения монографии А. В. Мицкевича о субъекте права ученый совет ВИЮН принял решение предложить автору устранить выявленные недостатки, учесть сделанные коллегами замечания, а также сократить работу. На все это ему дали месячный срок. В итоге работа была опубликована в 1962 году, то есть почти через два года после состоявшегося ее обсуждения. Здесь надо еще учитывать и те очереди, которые были в издательстве юридической литературы в советское время.

Таким образом, изученные архивные материалы свидетельствуют о том, что научные работы, подготовленные учеными ВИЮН, проходили очень серьезное обсуждение, в ходе которого, как через сито, просеивались авторские идеи, подвергавшиеся порой достаточно острой критике коллег. Это объективно способствовало повышению качества публиковавшихся монографий и учебников, выверенности их основных положений, обоснованности предлагавшихся теоретических конструкций. Обсуждение работы А. В. Мицкевича в этом отношении не было чем-то экстраординарным, процедура вполне укладывалась в принятые рамки, что относится и к количеству сделанных рецензентами замечаний. Другие работы получали замечаний при обсуждении не меньше.

Исследование дискуссий, которые состоялись о положениях монографии А. В. Мицкевича, позволяет осознать, что научные труды, которые сегодня по праву считаются классическими, не сразу предстали в таком качестве. В период, предшествовавший публикации, они вызвали горячие споры современников и скрупулезную критику специалистов. Такая критика помогала авторам совершенствовать качество научных работ, позволяла им добиваться необходимой точности формулировок и понятного стиля изложения. В результате научных дискуссий формировалась

консолидированная доктринальная позиция, которая в итоге и определяла главные направления и базовые идеи советской теории права, ее парадигму, многие положения которой до сих пор сохраняют свою актуальность и методологическую значимость, остаются востребованы как теорией, так и юридической практикой⁸⁵.

Критика объективно помогла А. В. Мицкевичу в работе над рукописью монографии, позволила повысить ее качество, как с точки зрения стиля, так и в отношении глубины аргументации ключевых выводов. В итоговом ее варианте, который был опубликован, ряд вопросов, высказанных рецензентами, нашел свое отражение, многие замечания были сняты, что относилось и к содержанию, и к стилистике.

Стоит отметить, что критика, высказанная рецензентами, не затронула основных принципиальных выводов автора, сущность его теоретической концепции. Именно эта концепция и сегодня определяет ключевые направления развития теории правосубъектности. Она нашла отражение в последующих изданиях учебного характера, выполненных на высоком научно-методологическом уровне⁸⁶.

В то же время, новые процессы, происходящие в обществе, а также связанные со сменой господствующей научной парадигмы, ставят на повестку дня ряд аспектов теории субъекта права, которые не являлись актуальными в период жизни А. В. Мицкевича. К их числу прежде всего, относится цифровизация, в силу которой субъекты стали «обезличиваться», раздваиваться, помимо реального субъекта в виртуальном пространстве существует его фантом⁸⁷. Обсуждается возможность расширения круга субъектов права, наделение правосубъектностью искусственного интеллекта.

⁸⁵ Хен Л. Г. Научная дискуссия о монографии А. В. Мицкевича «Субъекты советского социалистического права» // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 5. – С. 163.

⁸⁶ См. напр.: Теория государства и права: Учебник для вузов / Абрамова А. И., Боголюбов С. А., Мицкевич А. В. и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. – М.: Городец, 2003. – 539 с.

⁸⁷ Хабриева Т. Я. Введение // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. – М.: ИЗиСП, 2017. – С. 28.

Эти вопросы, оставаясь в настоящее время дискуссионными, вызывают озабоченность в научном сообществе. В связи с этим стоит уточнить позицию автора по поводу дискуссий о наделении правосубъектностью искусственного интеллекта. Соответствующие предложения следует отнести к числу недостаточно продуманных, так как они противоречат современным тенденциям антропологизации права. Наделение искусственного интеллекта даже частичной правосубъектностью противоречит целому ряду общепризнанных теоретико-правовых положений, в том числе основам современной теории юридической ответственности, и потому должно быть отвергнуто. Право регулирует отношения в обществе, а искусственный интеллект не относится к числу субъектов общественных отношений.

Еще одной современной тенденцией стала активная разработка антропологического подхода, который ставит человека в центр правовой системы, показывая, что именно человек является подлинным субъектом права, реализующим своими действиями правовые нормы⁸⁸. Антрополого-правовой подход, отмечает И. Б. Ломакина, «актуализирует субъекта права как творца правовой реальности не только в единичном аспекте его существования (индивидуальный уровень), но и как коллективного существа (статусные группы, общество в целом)... именно субъект права является источником права, всех правовых ролей, всего правопорядка в целом. С обозначенных позиции субъект права порождает правовую реальность...»⁸⁹.

Сторонники данного подхода критикуют советскую теорию субъекта права, в том числе, взгляды А. В. Мицкевича, прежде всего, за их позитивистскую направленность. Например, С. И. Архипов пишет: «В конструкции правосубъектности реализуется позитивистский подход к

⁸⁸ См., напр.: Павлов В. И. Антропологическая концепция права. — Минск: Академия МВД, 2025. — 622 с.

⁸⁹ Ломакина И. Б. Субъект права в антропологической парадигме // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. трудов. — М.: Инфотропик Медиа, 2022. — С. 51.

пониманию субъекта права, в рамках которого не учитывается правовое содержание: юридические связи лица, его воля, правовое сознание, поступки и т. д. В ней проявляется формальное отношение к правовому лицу...»⁹⁰.

В то же время, представляется, что новая методология, характерная для постнеклассической научной парадигмы, не отвергает достижений классической теории права. Концептуальные идеи, сформулированные и обоснованные А. В. Мицкевичем применительно к субъекту права и правосубъектности, сохраняют свое основополагающее значение. Безусловно, они будут дополняться и развиваться вместе со всем научным юридическим знанием, но при этом не вызывает сомнений, что такое дополнение и развитие включает ряд базовых положений концептуального характера.

Таким образом, А. В. Мицкевич одним из первых в отечественной юриспруденции советского периода представил собственную теоретико-правовую концепцию субъекта права. Она была основана на общепринятой в то время марксистской методологии в творческой авторской интерпретации по отдельным вопросам, и опиралась на критический анализ тех научных позиций, которые высказывали другие советские правоведы по данной тематике. Позднее, в период распада советского государства и формирования новой правовой системы, а, следовательно, и новой доктрины, эти идеи оказались не востребованными в полной мере. Получили приоритет иные концепции и подходы, в основном заимствованные из зарубежной политико-правовой мысли либеральной направленности, те, которые в свое время вместе с другими учеными критиковал А. В. Мицкевич как буржуазные и идеалистические.

Сегодня после определенного перерыва ряд идей ученого вновь получает актуализацию. В их числе – тезис о неразрывном единстве права и

⁹⁰ Архипов С. И. Конструкция правосубъектности: недостатки противоречия, пути устранения // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. – М.: ИГиСП, 2017. – С. 36.

обязанностей личности⁹¹. Концепция западного индивидуализма, для которой характерен безусловный приоритет самых разнообразных прав человека, а также минимизация его обязанностей перед обществом, отступает на второй план. Вновь возрождаются те традиции коллективизма, связанные с осознанием своей ответственности перед обществом, которые генетически присущи многонациональному народу России. В связи с этим, российские ученые-правоведы все чаще пишут о сложной диалектике прав и обязанностей, находящихся во взаимоотношениях единства и борьбы противоположностей. По этому поводу справедливо отмечал Л. С. Мамут: «Государство предоставляет субъекту соответствующие возможности, гарантирует их реализацию, а он – в свою очередь – располагает и пользуется такими исключительно в обмен на то, что становящийся обладателем политических прав субъект принимает на себя обязательство (обязанности) по отношению к государству, равные по социальной ценности получаемым политическим правам»⁹². В сходном ключе рассуждает Д. З. Мутагиров: «Права и обязанности человека не только связаны между собой, но и обуславливают друг друга. Можно даже утверждать, что проблема прав и свобод человека возникает только тогда и после того, когда кто-то из участников социально-политических отношений перестает выполнять свои обязанности, соблюдать установленные нормы жизни»⁹³. Соглашаясь с таким подходом, стоит отметить, что эти идеи уже достаточно убедительно были обоснованы в работах А. В. Мицкевича, но понадобилось время, чтобы они вновь стали востребованы и осознаны российским юридическим сообществом.

Также не менее востребованы сегодня концептуальные положения А. В. Мицкевича о сущности правосубъектности. Они стали базой для тех

⁹¹ См.: Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Юрид. лит., 2005. – С. 217.

⁹² Мамут Л.С. Права приобретаются // Право и права человека в условиях глобализации (материалы научной конференции). – М.: ИГП РАН, 2006. – С. 29.

⁹³ Мутагиров Д.З. Права и свободы человека. – М.: Юрайт, 2006. – С. 23.

подходов к данному понятию, которые разрабатываются в рамках современной диалогической теории права. Если вслед за А. В. Поляковым рассматривать права как определенный диалог, то каждый элемент правосубъектности играет свою роль в его конструировании. Правоспособность означает потенциальную возможность лица выступать участником такого диалога. «Дееспособность переводит статус участника диалога из потенциального в реальный. Дееспособный субъект имеет возможность приобретать и отстаивать свои субъективные права, выступая активным участником диалога, и, соответственно, правоотношения»⁹⁴. Что касается деликтоспособности как еще одного важного элемента правосубъектности, то она предполагает возникновение нового диалога – между субъектом, не исполнившим те или иные обязанности либо нарушившим нормы права, и государством, которое выполняет функцию защиты правовых норм и применяет меры юридической ответственности.

Таким образом, с этих позиций правосубъектность определяет место субъекта в правовом диалоге, дает ему возможность участвовать в нем, характеризует права, обязанности, возможности и ответственность субъекта в правоотношениях.

Современная теория права в исследовании отдельных важных вопросов пошла несколько дальше советского правоведения, в том числе показав взаимосвязь субъекта права с его статусом, а также возможностью реализовать этот статус в конкретных правоотношениях. Субъект права в исследованиях современных теоретиков закономерно получает антропологическое наполнение, которое становится важным фактором, детерминирующим определенное правовое поведение. Получают акцентуализацию волевые моменты, связанные с правовой активностью субъектов, а также мотивирующие такую активность интересы. В то же

⁹⁴ Пашенцев Д.А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. – М.: ИЗИСП, Статут, 2017. – С. 34.

время отодвигаются на второй план вопросы социальной и экономической обусловленности субъекта права, его генетическая взаимосвязь с развитием общественных отношений и их характером⁹⁵. В этом аспекте наработки советской теоретико-правовой школы продолжают сохранять свою актуальность, не дают уйти в избыточный персонцентризм, заставляют сохранять определенную объективность в оценке роли тех внешних факторов, которые создают правовую среду для субъекта права.

В целом, вклад А. В. Мицкевича в теорию субъекта права и правосубъектности состоит в том, что им даны понятия субъекта права и правосубъектности, обоснована взаимосвязь правосубъектности с уровнем развития общественных отношений. Ученый также обосновал разграничение понятия правоспособность и правосубъектность, предложил ввести в структуру правосубъектности такой элемент, как деликтоспособность. Более того, сама постановка вопроса о теоретической конструкции субъекта права, даже решенная с позиций позитивизма, представлялась крайне важной для развития теории государства и права советского периода, ее содержательного наполнения, установления внутренних взаимосвязей в правовой системе общества. И сегодня соответствующие положения, выдвинутые и аргументированные А. В. Мицкевичем, продолжают сохранять высокую степень актуальности. Они позволяют теоретико-правовую науку и юридическую практику от необоснованных попыток расширить круг субъектов права, что могло бы привести не только к нарушению целостности механизма правового регулирования, но и к подрыву института юридической ответственности как одного из базовых институтов права.

⁹⁵ Хен Л.Г. Учение о субъекте права в отечественной юриспруденции: от идей А. В. Мицкевича к современным новациям // Журнал российского права. — 2024. — Т. 28. — № 1. — С. 162.

ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА И ПРАВОТВОРЧЕСТВА

2.1. Юридическая природа актов органов государства и их место в системе источников права

Работа в Институте, как уже отмечалось в первом параграфе первой главы, во многом определила направление научных исследований А. В. Мицкевича, на долгие годы связанных с правотворчеством и источниками права. Его работа с законопроектами обусловила не только практический, но и теоретический интерес к их природе, месту в системе правового регулирования, к вопросам совершенствования правотворческой деятельности государства. В связи с этим, ученый много времени посвятил исследованию актов государственных органов, на новом уровне разработал их теорию, основанную на знании соответствующей практики, что в итоге стало основой для его докторской диссертации.

Стоит отметить, что у А. В. Мицкевича в разработке этой тематики были предшественники, в том числе, в ВИЮН. Например, Н. Г. Салищева в 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию по нормативным актам советского государственного управления⁹⁶. Но Алексей Валентинович вывел данную проблематику на принципиально новый уровень научного обобщения.

Концепция актов государственных органов А. В. Мицкевича может быть рассмотрена в контексте общей теории источников права, при сопоставлении воззрений ученого с господствовавшими в его время доктринальными представлениями.

Начиная с дореволюционного периода, в отечественной юриспруденции сложилось два основных подхода к пониманию источника

⁹⁶ Салищева Н. Г. Нормативные акты советского государственного управления (понятие, классификация, требования социалистической законности, предъявляемые к актам). Дисс... кандидата юрид. наук. – М., 1953. – 253 с.

права: широкий и узкий. В первом случае под источником понимали то, откуда право происходит. Это могли быть общественные отношения, материальные условия жизни общества, воля экономически господствующего класса и т. д.⁹⁷, в зависимости от мировоззрения и типа правопонимания у каждого конкретного ученого. Во втором случае под источником понимали конкретную форму выражения и доведения до адресата правовых норм, в силу которой нормы приобретали обязательный характер. Источник права в материальном смысле отличался от источника права в формальном смысле.

Как правило, второй подход более типичен для позитивистского типа правопонимания, к которому можно отнести и советский легизм. Как отмечает В. В. Лапаева, легизм как тип правопонимания оказался востребован в советском государстве сталинского периода, когда после совещания 1938 г. по вопросам науки советского государства и права юридическая наука оказалась жестко связана единым, общим определением права, сформулированным А. Я. Вышинским⁹⁸. Этот подход в главных чертах оставался доминирующим в советской юриспруденции вплоть до «перестройки». Для него было характерно, с одной стороны, признание государственного принуждения в качестве важнейшего признака права, с другой стороны, признание обусловленности права экономическими отношениями. В рамках легистского правопонимания в его советском варианте право фактически отождествлялось с законом, который, в свою очередь, трактовался в широком смысле и рассматривался как основной источник права. Отождествление права и закона как главный постулат легизма определял узкое понимание источников права и акцент на акты,

⁹⁷ Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Ученые записки. Выпуск 116: Труды юридического факультета. Книга вторая / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – М., 1946. – С. 3–4.

⁹⁸ Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: РАП, 2012. – С. 56.

принимаемые государством. А. В. Мицкевич, изучая данную проблематику, был вынужден рассуждать именно в таком ключе.

Стоит отметить, что не все ученые советского времени, в том числе, предшественники и современники А. В. Мицкевича, рассуждали по поводу источников права и его понимания одинаково. Например, С. Ф. Кечекьян предлагал включать в состав права правоотношения («широкий» подход к праву). Он отмечал, что помимо закона, существуют и иные источники права, которые являются обязательными в силу их признания государством, и такие источники в разных странах могут отличаться⁹⁹.

Отличались некоторым своеобразием взгляды Н. Г. Александрова, который тоже, как и Мицкевич, работал в ВИЮН, и тоже был некоторое время заместителем директора по научной деятельности¹⁰⁰. Он писал: «Под источником права следует понимать те факты, которые непосредственно обуславливают отличие правовых социальных норм от неправовых и определяют таким образом специфику права»¹⁰¹. Эта специфика, по мнению ученого, состоит в общеобязательности правовых норм, которая проистекает из государственной воли. Поэтому источник права он определял следующим образом: «Источник права – нормотворческая деятельность государства, выражающая политику господствующего класса, основанную на материальных условиях жизни данного класса. Источник права – вид деятельности государства, заключающийся в установлении юридических норм или в признании юридическими иных социальных норм»¹⁰².

Такая позиция не стала общепринятой, но Мицкевич, который писал свои труды более чем через десять лет после публикации названных трудов,

⁹⁹ См.: Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Ученые записки. Выпуск 116: Труды юридического факультета. Книга вторая / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – М.: МГУ, 1946. – С.17.

¹⁰⁰ Личное дело Н. Г. Александрова // Архив ИЗаСП. Ф. 1. Оп. 1.

¹⁰¹ Александров Н. Г. Понятие источника права // Ученые труды ВИЮН. – 1946. Вып. VIII. – С. 51.

¹⁰² Там же.

ориентировался скорее на воззрения, наиболее отчетливо высказанные А. Ф. Шебановым. Данный ученый высказал обоснованную позицию, что в советской юриспруденции понятие закона употреблялось порой излишне широко, под ним могли понимать любой нормативный правовой акт¹⁰³. При этом в юридическом смысле закон – это лишь тот нормативный акт, который издан высшим органом государственной власти. Отметим, что речь не шла именно о представительном органе, так как доктрина марксизма отрицала разделение властей. Таким образом, воззрения А. Ф. Шебанова не соответствуют современным представлениям о законе, но в то время они стали общепринятыми в советской теории государства и права.

А. Ф. Шебанов также подчеркивал, что закон, в отличие от других правовых актов, всегда имеет нормативный характер, устанавливает нормы права, предназначенные для неограниченного круга лиц¹⁰⁴. В монографии, посвященной источникам советского права, А. Ф. Шебанов показал главную роль законов среди нормативных правовых актов¹⁰⁵. Нет сомнений, что эту позицию учитывал А. В. Мицкевич при разработке собственной концепции актов органов государства, определения их места в системе источников советского права. При этом названная монография А. Ф. Шебанова вышла уже после того, как Мицкевич активно занялся разработкой данной тематики, поэтому можно предположить взаимовлияние идей двух ученых, работавших в рамках смежного научного направления и общей методологической парадигмы. В то же время их воззрения несколько отличались. На этот факт, в частности, указывали выступавшие на защите докторской диссертации Мицкевича. В частности, Н. Г. Александров, будучи официальным оппонентом, в своем отзыве отмечал, что А. В. Мицкевич удачно полемизирует с Шебановым и критикует его за то, что он подменяет проблему нормативного акта повторением положения о специфике правовой

¹⁰³ Шебанов А.Ф. Нормативные акты советского государства. – М.: МГУ, 1956. – С. 18.

¹⁰⁴ Там же. – С. 19.

¹⁰⁵ Шебанов А.Ф. Форма советского права. – М.: Юрид. лит., 1968. – С. 141.

нормы. В то же время, критикуя А. Ф. Шебанова, «диссертант своем определении нормативного акта ударяется в другую крайность и делает акцент на тех актах, которые устанавливают, изменяют или отменяют правовые нормы, но не обязательно их содержат»¹⁰⁶.

23 декабря 1963 г. состоялся доклад А. В. Мицкевича на заседании Ученого совета ВНИИСЗ на тему «Нормативные акты органов Советского государства как источники права»¹⁰⁷. Тематика доклада определялась тем, что в это время А. В. Мицкевич уже начал разрабатывать вопросы юридической природы актов органов советского государства. В 1968 г., как уже отмечалось в первом параграфе, он защитил докторскую диссертацию на тему «Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР»¹⁰⁸. Защите предшествовала публикация монографии на соответствующую тематику¹⁰⁹. Даже простое сопоставление объема монографии (175 с.) и диссертации (749 с.) свидетельствует, что в книгу вошли только главные аспекты диссертации, представленные в рукописи в гораздо более развернутом виде. В то же время, несмотря на то что действующего советского права больше нет, монография А. В. Мицкевича сохраняет свою научную востребованность и в наши дни, о чем свидетельствует ее переиздание Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации¹¹⁰. В год издания ученые также высоко оценили данную работу, отметив, что к числу достоинств книги относятся «содержательный анализ рассматриваемой

¹⁰⁶ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 31.

¹⁰⁷ Обсуждение доклада канд. юрид. наук А. В. Мицкевича «Нормативные акты органов советского государства как источники права» // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1964. Вып. 3 (20). — С. 197—200.

¹⁰⁸ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — 749 с.

¹⁰⁹ Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. — М.: Юридическая литература, 1967. — 175 с.

¹¹⁰ Мицкевич А. В. Избранное / Сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. — М.: ИГиСП, 2010. — 304 с.

проблемы, сочетание теоретического исследования затронутых положений с предложениями по их применению в практике правотворчества; доступность и четкость изложения материала»¹¹¹.

В докторской диссертации А. В. Мицкевич уточнил данное С. Ф. Кечекьяном и другими советскими учеными понятие источника права в юридическом смысле. По его мнению, нельзя сводить понятие источника права к формам права или формам выражения норм права, так как эти термины не выражают суть нормативных актов и других источников как форм правотворчества. Прецедент и санкционированный обычай вообще не служат формой выражения содержания правовых норм¹¹². Свой подход к пониманию источников права А. В. Мицкевич аргументировал на основе критики современных ему буржуазных концепции источников права, включая работы Г. Кельзена и Г. Харта, а также представителей естественно-правовой и реалистической школ права. Соответствующий параграф диссертации, включающий более сорока пяти страниц, свидетельствует о том, что ученый хорошо знал крупнейшие западные работы в данной области, которые не издавались в СССР, и мог свободно анализировать и сопоставлять различные теории, относившиеся как к XIX, так и к XX веку.

Применительно к источникам права в формальном смысле А. В. Мицкевич констатировал, что на первое место среди них выступает закон или иной нормативный акт как документ, опубликованные в официальном издании. При этом он подчеркивал, что не документ придает нормам общеобязательную юридическую силу, а факт принятия этого документа органам государства. Он также рассуждал о возможном использовании понятия «форма права» вместо понятия «источник права». По мнению ученого, формы закрепления правотворческих решений имеют

¹¹¹ Кузнецов И. Н., Лукашева Е. А., Шебанов А. Ф. Правовая природа актов высших органов государственной власти и управления СССР // Советское государство и право. — 1968. — № 2. — С. 144.

¹¹² Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Автореф. дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 6–7.

различные значения для разных способов правотворчества. Например, прямое установление норм права государством выражается в форме принятия нормативного акта, который содержит правовые нормы. Судебный прецедент состоит в признании государством возможности использовать решение суда по конкретному делу в качестве образца для решения аналогичных дел. Таким образом судебное решение возводится в ранг правотворческого акта. Способом установления обычного права в его классической форме служит санкционирование государством определенных обычаев, выгодных господствующему классу при разрешении конкретных дел¹¹³.

По мнению А. В. Мицкевича, представляется неточным и даже неверным говорить о полной равнозначности терминов «источник права» и «форма права». Он полагал, что форма права — это гораздо более многогранное явление, чем нормативные акты и другие формы выражения правовых норм. Ученый подчеркивал, что понятие формы права включает и внутреннее строение права, и структуру правовых норм, и внешние формы изложения правовых норм, и даже сама норма права. Эти стороны формы права не связаны с характеристикой способов установления правовых норм и не могут рассматриваться как источники права. Сходную точку зрения высказывали и другие теоретики права, например О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский¹¹⁴.

В современных условиях такая позиция оказалась незаслуженно забытой. Большинство теоретиков права, рассуждая о соотношении понятий источника и формы права, характеризуют их как синонимы, не вдаваясь в нюансы, обозначенные советскими правоведами еще в середине XX века¹¹⁵.

¹¹³ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 46–47.

¹¹⁴ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — М.: Госюриздат, 1961. — С. 132–135.

¹¹⁵ Подобная позиция, в частности, высказана в работе М. Н. Марченко. См.: Марченко М. Н. Источники права. — М.: Проспект, 2004. — 759 с.

Например, С. В. Бошно, посвятившая соответствующей проблематике докторскую диссертацию, пишет: «Источники (формы) права – это объективированные определённым образом правила общественной практики, которые в силу объективных причин признаются обществом и государством как обязательные»¹¹⁶.

В то же время, отдельные авторы и сегодня настаивают на необходимости различать данные понятия, как это делает, например, О. А. Иванюк, которая пишет, что «нельзя отождествлять понятия «форма права» и «источник права», так как последнее из названных понятий наиболее полно позволяет получить представление об условиях существования права»¹¹⁷. Как видим, у цитируемого автора аргументация приводится несколько иная, чем была у Мицкевича, но вывод при этом все тот же. Единство понимания достигается различными способами.

В монографии «Акты высших органов советского государства», а затем и докторской диссертации А. В. Мицкевич раскрыл и теоретически обосновал особенности юридической природы актов органов государства. По его мнению, эта природа включает в себя их нормативность, юридическую силу, форму и сферу действия. Юридическую силу актов ученый понимал как свойство, выражающее соотношение данного вида актов с другими видами актов, его место в системе правовых актов¹¹⁸. «Значение свойств юридической природы актов и других явлений правовой надстройки, - писал ученый, состоит в том, что в этих свойствах раскрываются специфические закономерности права и правовой формы общественных отношений»¹¹⁹.

¹¹⁶ Бошно С. В. Источники и формы права // Право и современные государства. – 2022. – № 4. – С. 60.

¹¹⁷ Иванюк О. А. Источник права: проблема определения // Журнал российского права. – 2007. – № 9. – С. 142–143.

¹¹⁸ Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 6.

¹¹⁹ Там же. – С. 5.

Монография имеет достаточно четкую и логичную структуру. Она состоит из трех разделов: первый посвящен понятию и признакам нормативных правовых актов, второй связан с раскрытием авторских подходов к пониманию юридической природы актов высших органов государственной власти, в третьем разделе исследованы особенности конкретных и вспомогательных актов.

Вопрос о юридической природе нормативно-правовых актов советского государства более подробно рассмотрен в докторской диссертации А. В. Мицкевича. По мнению ученого, «под юридической природой понимаются свойства правовых явлений, характеризующие их место в правовой надстройке, связь между различными элементами правовой формой общественных отношений, правосознанием, нормами права, правоотношениями, правовыми актами»¹²⁰.

Разрабатывая понятие юридической природы, А. В. Мицкевич выделил ее элементы, к числу которых отнес такие свойства правовых актов как наличие связей с правовыми последствиями акта, характер этих последствий, а также юридическая сила сфера действия и форма правового акта. Он подчеркнул, что ряд морально-политических актов органов государства не влечет за собой правовых последствий, поэтому такие акты не могут рассматриваться как правовые. Следовательно, понятие юридической природы акта имеет и практическую значимость, позволяя разграничивать правовые и неправовые акты.

В докторской диссертации А. В. Мицкевича рассматривается такое понятие, как юридическая сила акта. Оно трактуется как свойства, характеризующие соотношение между правовыми актами различных органов. Ученый настаивает на необходимости установления и соблюдения иерархии нормативных актов по юридической силе. Это необходимо для

¹²⁰ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Автореф. дисс... доктор юрид. наук. — М., 1967. — С. 8.

поддержания режима законности и осуществления принципа демократического централизма. Под действием правовых актов А. В. Мицкевич понимает определяемые государством пределы возможного осуществления данного акта как обязательного.

Важность иерархии нормативных актов понимал не только Мицкевич, на это, в числе прочих, указывал и И. С. Самощенко. Но он считал, что в каждом социалистическом государстве может быть своя иерархия актов, и общая теория права имеет возможность предложить только подразделение на законы и все остальные акты при условии верховенства законов, а также разделение актов на акты органов власти и акты органов управления¹²¹.

Большое значение А. В. Мицкевич придавал форме актов, рассматривая ее как элемент их юридической природы. Под формой в данном случае ученый предложил понимать одну из юридических характеристик актов, а именно то наименование, которое установлено законом для видов актов, издаваемых тем или иным органом. Ученый предостерегает от расширенного толкования понятия формы актов, так как это в результате приведет к неправильному отождествлению формы и природы актов. Он отмечает, что также «неверно видеть форму актов в структуре установленных ими норм»¹²².

Данная позиция была обозначена и раскрыта А. В. Мицкевичем не только в монографии, но и в самой диссертации, а также, соответственно, в автореферате. В частности, в диссертации обосновано с помощью конкретных примеров, что формы актов советских государственных органов различаются по степени важности решений, их юридической силе или нормативности, а также по существующей процедуре принятия решений. Ученый настаивал и аргументировал, что невозможно установить единый

¹²¹ Самощенко И. С. Иерархия и основные подразделения нормативных актов социалистического государства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 15. — М., 1968. — С. 5.

¹²² Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Автореф. дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 9.

критерий для разграничения форм актов всех органов. В связи с этим такое разграничение проводится по разным критериям, которые порой сочетаются друг с другом. Представляется важным, чтобы все акты оформлялись по единообразным и понятным правилам. Для этого необходимо нормативно закрепить порядок оформления актов и установить его строгое соблюдение¹²³.

Отметим, что данное положение, с которым сложно не согласиться, до сих пор не реализовано. Порядок и форма оформления актов установлены в Российской Федерации только на уровне Методических рекомендаций, утвержденных аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Методические рекомендации не относятся к числу нормативных правовых актов. Такая ситуация негативно влияет на качество принимаемых актов и их формальные характеристики. Предлагается нормативно закрепить требования к оформлению актов, а также их иерархию, что можно сделать путем принятия Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».

Важной проблемой теории и практики, на которую А. В. Мицкевич обратил внимание, как в диссертации, так и в монографии, была проблема разграничения нормативных и ненормативных актов. Значение данных понятий, по мнению ученого, определяется тем, что в них выражаются разные формы и различные методы государственного руководства¹²⁴. Нормативные акты служат выражением правотворческой деятельности государства и его органов. «Под нормативными или нормативно-правовыми актами имеется в виду обычно те акты, с помощью которых устанавливаются нормы права, или акты, в которых содержатся правовые нормы»¹²⁵. Именно в

¹²³ Там же.

¹²⁴ Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. — М.: Юридическая литература, 1967. — С. 14.

¹²⁵ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 194.

таких актах следует, по мнению А. В. Мицкевича, искать тот «материал», из которого слагается действующее право.

Ненормативные акты выражают такие формы деятельности государства, которые не связаны с правотворчеством, с установлением правовых норм. В качестве примера таких актов А. В. Мицкевич называл акты управления и решения судов, которые сегодня обычно характеризуются как правоприменительные акты. Ненормативные акты, отмечал ученый, не могут рассматриваться как источники права, как формы установления и выражения действующих правовых норм.

Рассуждая об отграничении нормативных актов от ненормативных, А. В. Мицкевич писал, что такое ограничение служит только одной практической цели, а именно выделению нормативных актов из всей массы правовых актов государственных органов¹²⁶. Правильное определение этой категории актов имеет важное научное и практическое значение для решения проблем правотворчества, упорядочения законодательства, применения и толкования правовых норм.

По мнению А. В. Мицкевича, важное значение для практики имеют признаки нормативного акта, позволяющие отграничить его от всех иных актов. К числу этих признаков, по мнению ученого, относятся: «отсутствие индивидуально определенного адресата, неопределенность числа случаев, на которые рассчитано предписание, и вытекающая отсюда возможность неоднократного применения, не исчерпывающего действия предписания. Указанные признаки в большинстве случаев достаточно ясно отличают норму права как общее предписание от индивидуального и соответственно нормативный акт от индивидуального акта осуществления правовых норм»¹²⁷.

¹²⁶ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. – М., 1967. – С. 194.

¹²⁷ Мицкевич А. В. Правотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. – 1965. – № 11. – С. 52.

В то же время, как полагал А. В. Мицкевич, не всякое правовое положение общего характера можно считать правовой нормой, поэтому существует потребность в использовании и других признаков, отличающих нормативные акты и их предписания от иных предписаний общего, но не правотворческого характера. Некоторые акты являются одной из форм организационного руководства, но при этом не устанавливают определенные меры поведения, не дают критериев оценки поведения людей, силу этого не могут рассматриваться как нормативные акты.

Вопрос о нормативности и ее признаках, поднятый А. В. Мицкевичем, рецензенты его работы характеризовали как важный и новый¹²⁸. В это же время вопросами нормативных актов и их природы интересовались и другие ученые ВНИИСЗ. Например, И. С. Самощенко в статье «Основные черты нормативных актов социалистического государства» отмечал, что нормативный акт как источник права характеризуется тремя главными признаками: издан в пределах компетенции соответствующего органа, соответствует актам вышестоящих органов, вступил в силу¹²⁹. Интересно, что в данной статье, опубликованной в год защиты Мицкевичем докторской диссертации по актам государственных органов, на его работы нет ни одной ссылки.

Отличие нормативных и ненормативных актов имеет важное значение для теории и практики правотворчества, так как ненормативные акты не могут рассматриваться как источники права; без правильного понимания разграничения таких актов невозможна полноценная правотворческая деятельность, включая подготовку проектов нормативных правовых актов, систематизацию правовых норм и введение их в действие. В современных условиях данный вопрос актуализирован, в числе прочего, в связи с

¹²⁸ Кузнецов И. Н., Лукашева Е. А., Шебанов А. Ф. Правовая природа актов высших органов государственной власти и управления СССР // Советское государство и право. — 1968. — № 2. — С. 144.

¹²⁹ Самощенко И. С. Основные черты нормативных актов социалистического государства // Советское государство и право. — 1968. — № 4. — С. 28.

появлением электронного нормативного правового акта, критерии нормативности которого нуждаются в дополнительном обосновании в связи с его спецификой как «безбумажного» документа.

По мнению А. В. Мицкевича, понятие нормативного правового акта неразрывно связано с понятием права. Оставаясь на строгих позициях советского легизма, ученый критиковал различные подходы к пониманию права, которые именовал «буржуазными». К их числу относится и нормативизм Г. Кельзена, и реалистическая теория права, которые, по его мнению, понимают право излишне широко, выходят за пределы нормативных установлений государства и создают тем самым видимость основы для мер, реализуемых в обход закона¹³⁰. Позднее эту критику подхода Кельзена к пониманию права и его источников продолжил С. Л. Зивс, который активно использовал труд А. В. Мицкевича, соглашаясь с рядом его теоретических построений¹³¹. Ученый цитировал работы Мицкевича, не подвергая сомнению его трактовку самого понятия «источник права»¹³².

Стоит отметить, что А. В. Мицкевич хорошо знал работы западных теоретиков права, часто их цитировал в своих трудах и особенно в диссертации, что было достаточно смело для того времени. В отличие от представителей западной юриспруденции с ее широким пониманием права, Мицкевич считал прогрессивным признание в советской науке правом законов и основанных на них нормативных актов. Такое понимание источников права, более узкое по сравнению с современными трактовками, по мнению ученого, было более адекватным, оно ориентировало государство и его органы на дальнейшее совершенствование правовых норм и укрепление правопорядка. «В советской правовой науке, - писал А. В. Мицкевич, - понятие права рассматривается как совокупность или система норм,

¹³⁰ Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. — М.: Юридическая литература, 1967. — С. 17.

¹³¹ Зивс С.Л. Источники права. — М.: Наука, 1981. — С. 40.

¹³² Зивс С.Л. Источники права. — С. 8.

установленных государством и выражающих волю господствующего класса или волю народа в социалистическом обществе. Исходя из этого понятия, которое разделяется подавляющим большинством советских юристов, основным источником или формой выражения права считается нормативный акт»¹³³.

Смелое для своего времени обращение к зарубежному опыту, который демонстрирует возможность существования различных систем источников права и их неодинаковой роли, было присуще не только Мицкевичу. Например, С. Л. Зивс еще в 1960 г. опубликовал исследование, касавшееся зарубежных правовых форм¹³⁴, а также защитил диссертацию по вопросам зарубежного права¹³⁵. Несомненно, А. В. Мицкевич был знаком с его работами и мог в отдельных аспектах опираться на их выводы. Данные факты свидетельствуют, что советские ученые, несмотря на необходимость придерживаться марксистской методологии и критиковать буржуазное право, старались внимательно его изучать. В том числе, во ВНИИСЗ регулярно выходила научная информация о развитии зарубежного законодательства¹³⁶.

Обращался к понятию источника права А. В. Мицкевич и в более поздний период его научного творчества, снова демонстрируя при этом хорошее знание теории вопроса, а также зарубежной практики. В 1998 г. была опубликована коллективная монография «Закон: создание и

¹³³ Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. — М.: Юридическая литература, 1967. — С. 18.

¹³⁴ Зивс С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 215 с.

¹³⁵ Зивс С. Л. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. Дисс... доктора юрид. наук: т. 1–2 / АН СССР. Институт государства и права. — М., 1960. — 803 с.

¹³⁶ Напр.: Информация о законодательстве зарубежных стран: Вып. 1: Конституция и развитие законодательства Алжирской демократической и народной республики / Отв. ред. С. Л. Зивс; ВНИИСЗ. — М., 1963. — 36 с.; Информация о законодательстве зарубежных стран: Вып. 3: Вопросы труда и социального обеспечения в законодательстве зарубежных стран / отв. ред. С. Л. Зивс; ВНИИСЗ. — Москва, 1964. — 43 с., и другие.

толкование»¹³⁷. Историко-теоретический очерк, открывавший монографию и посвященный источникам права, написал А. В. Мицкевич. Он констатировал преодоление разногласий в отечественной юриспруденции относительно понимания источника и формы права, рассматривая их как синонимы, а также призвал не путать источник права с источником происхождения права и понимать источник права в строго юридическом смысле. В очерке были кратко рассмотрены отличия, существующие применительно к источникам права в различных правовых системах. Был сделан и определенный историко-правовой экскурс, в котором рассмотрены основные вехи становления источников отечественного права начиная с Древней Руси. Как будет показано ниже, в последний период своего научного творчества Мицкевич стал активно обращаться к историко-правовому опыту, в котором искал ответы о существовавших в праве взаимосвязи и преемственности, в том числе, в их темпоральном аспекте.

Рассматривая источники советского права в их динамике, Мицкевич в качестве главной особенности отметил, что «в СССР и Советской России главными источниками права признавались законы и иные нормативные правовые акты. Причем формально достаточно строго выдерживалась иерархия между законодательными и подзаконными нормативными актами. между актами вышестоящих и подчиненных органов управления»¹³⁸. В этом вопросе он говорит как один из наиболее крупных в стране специалистов, как автор ряда работ, посвященных нормативным правовым актам.

В своем научном творчестве А. В. Мицкевич предпринял успешную попытку углубить существовавшие теоретические подходы к определению нормативного правового акта. Он подверг критике принятое в советской юриспруденции понятие нормативного акта как акта, содержащего нормы права. Такой позиции придерживались И. С. Самощенко и А. М. Васильев. Например, по мнению И. С. Самощенко, «нормативные акты являются

¹³⁷ Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. — М.: Спарк, 1998. — 283 с.

¹³⁸ Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. — М., 1998. — С. 18.

главным юридическим источником и одновременно главной внешней формой выражения норм социалистического права»¹³⁹.

А. В. Мицкевич не мог полностью согласиться с такой позицией, отмечая, что она не всегда соответствует реальной правотворческой практике. С одной стороны, такой подход позволяет решать многие вопросы, связанные с отделением нормативных и ненормативных актов. С другой стороны, в этом случае специфика акта отступает на второй план по сравнению со спецификой нормы права.

Ученому была ближе позиция С. Ф. Кечекьяна и С. С. Алексеева, которые трактовали нормативный акт как средство возведения в закон воли господствующего класса, то есть акт, устанавливающий нормы права. По мнению Мицкевича, такой подход помог раскрыть относительную самостоятельность нормативного акта по отношению к нормам права, охватить и те акты, которые не содержат норм права, и показать их правотворческое значение.

Согласно взглядам А. В. Мицкевича, существуют акты, которые содержат изложение правовых норм, принятых вышестоящим органом. Их нельзя отнести к числу нормативных актов. Кроме того, существуют акты, которые сами не содержат правовых норм, обладают техническим характером, но имеют принципиально важное значение для правотворчества, включая введение в действие норм права, изменение их редакции, придание им юридической силы. Такие акты не могут рассматриваться как правоприменительные, действующие однократно. В связи с этим, ученый предложил ввести в теорию и практику новую категорию - акты нормативно-вспомогательного значения¹⁴⁰.

Нормативным актом, по мнению А. В. Мицкевича, может быть признан лишь такой акт, «в котором выражена воля компетентного органа

¹³⁹ Самощенко И. С. Иерархия и основные подразделения нормативных актов социалистического государства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 15. – М., 1968. – С. 3.

¹⁴⁰ Самощенко И. С. Иерархия и основные подразделения нормативных актов социалистического государства. – С. 24.

государства об установлении правила поведения, о его изменении или отмене»¹⁴¹. Таким образом, главным признаком нормативного акта выступает его правотворческое значение, проявляющееся в наличии в нем новой нормы права. Подобный подход был не только заявлен ученым в цитируемой монографии, но и ранее апробирован в уже упоминавшемся выше докладе на ученом совете Института¹⁴². Сохраняет свое значение он и в современных условиях, в том числе, при оценке юридической природы решений высших судебных органов, которые в отечественной правовой системе не устанавливающих новых норм права и потому, несмотря на отдельные попытки переоценки их роли, не могут рассматриваться как нормативные правовые акты¹⁴³.

По нашему мнению, критерии нормативного правового акта, разработанные А. В. Мицкевичем, продолжают сохранять важное значение как для теории права, так и для юридической практики. Их использование может способствовать прекращению дискуссии о правотворческой роли высших судебных инстанций в России. Поддерживая в данном вопросе позицию А. В. Мицкевича, отметим, что отнесение отдельными авторами решений Конституционного Суда Российской Федерации и постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации к числу судебных прецедентов представляется необоснованным, противоречащим основам теории права и конституционному положению о разделении властей и правоприменительной роли отечественных судебных органов.

¹⁴¹ Там же. — С. 25.

¹⁴² Обсуждение доклада канд. юрид. наук А. В. Мицкевича «Нормативные акты органов советского государства как источники права» // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1964. Вып. 3 (20). — С. 198.

¹⁴³ Сходная позиция была позже раскрыта в фундаментальном исследовании: Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. — М.: Юрид. лит., 1975. Аналогичных взглядов придерживаются и некоторые современные ученые. См.: Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др. ; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 432 с.

В советской юридической науке, начиная с принятия Конституции 1936 года, установившей юридические критерии для отделения законов от иных источников права, сложилось особое отношение к законам. Когда было преодолено характерное для первых лет советской власти общее отрицательное отношение к праву как пережитку буржуазного общества, возникла потребность в создании целостной системы законодательства, его систематизации, появилась необходимость в разграничении общесоюзного и республиканского законодательства. Это стало социальной основой для разработки теоретико-правовых и практико-ориентированных вопросов, связанных с законом и его теорией. Закон стал исследоваться на уровне диссертаций, например, в ему посвящена кандидатская диссертация П. Е. Недбайло, защищенная в 1947 г.¹⁴⁴. До сих пор сохраняет актуальность положение о том, что «в юридической науке закон как объект исследования по сложности восприятия стоит в одном ряду с такими явлениями, как право и государство»¹⁴⁵.

А. В. Мицкевич, исследуя акты органов государства, закономерно большое внимание уделял именно законам, которые рассматривал как высшее выражение воли государственной власти и народа. Такая трактовка во многом послужила основой для последующих попыток создания отдельной теории закона Ю. А. Тихомировым¹⁴⁶. Параллельно с А. В. Мицкевичем большое внимание закону уделял А. С. Пиголкин, который разрабатывал теорию его толкования, обратив одним из первых свой взгляд на его язык¹⁴⁷. Таким образом, Мицкевич активно участвовал в создании советской теории закона, фактически стоял у ее истоков и определял направление эволюции.

¹⁴⁴ См.: Шестидесятилетие профессора П. Е. Недбайло // Правоведение. – 1967. – № 4. – С. 126–127.

¹⁴⁵ Лукьянова Е. Г. Закон в постсоветской России: проблемы адекватности восприятия и использования // Государство и право. – 2009. № 8. – С. 64.

¹⁴⁶ См.: Тихомиров Ю. А. Теория закона / отв. ред. Казимирчук В.П. – М.: Наука, 1982.

¹⁴⁷ См.: Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962.

Позднее А. В. Мицкевич добавлял, что «законы государства по своему социальному значению – это не только веление органов государства..., но и выражение согласия народа либо его большинства на подчинение законодательным и иным обязательным решениям»¹⁴⁸. По мнению Н. В. Путило, ценность такой трактовки еще не осознана в полной мере¹⁴⁹. Действительно, при отсутствии согласия большинства населения на соблюдение законов, на подчинение их нормам невозможно установление прочного правопорядка, эффективное развитие общественных отношений. Закон выполняет свои функции в социуме только тогда, когда коллективное правосознание не отторгает его нормы, когда оно принимает их, осознает не только правовую, но и социальную их ценность. Понимание этого означает, что принятие законов должно сопровождаться их предварительным широким обсуждением, проведением социальной экспертизы и законодательного эксперимента. Это повышает значимость научного подхода к законотворчеству, актуализирует реализацию принципа научности в законотворческой деятельности. Реализация уже принятого закона также требует проведения соответствующей разъяснительной работы, развития правового просвещения и правового воспитания. В результате следование рассматриваемой идее А. В. Мицкевича о социальных факторах, связанных с ролью закона, превращает данный источник права в центр целого комплекса правовой деятельности, которая становится особенно эффективной в силу своего комплексного характера. Выходя за рамки собственно юридического пространства, такая деятельность укрепляет взаимосвязь государства и социума, повышает уровень взаимодействия между ними, что в итоге позитивно сказывается на правовом регулировании общественных отношений.

¹⁴⁸ Мицкевич А. В. О нормах позитивного права // Трудовое право и право социального обеспечения. Актуальные проблемы. – М.: Проспект, 2000. – С. 228.

¹⁴⁹ Путило Н.В. Памяти А. В. Мицкевича – Ученого, Учителя, Человека // Журнал российского права. – 2017. – № 5. – С. 152.

В более поздний период сходную позицию по отношению к законам высказывал Д. А. Керимов, который также призывал понимать закон шире, чем просто законодательный акт, принимаемый государством. Ученый связывал сущность закона с понятием свободы, которую рассматривал как важное социальное и индивидуальное благо, настаивал на корреляции качества и содержания законов с правовой культурой общества¹⁵⁰. Но в советский период, на который пришелся основной этап научного творчества А. В. Мицкевича, подобная трактовка не представлялась возможной, так как фактически определялась естественно-правовым типом правопонимания, противоречившим монополизировавшей советскую юриспруденцию марксистско-ленинской методологии.

Заслуга А. В. Мицкевича в раскрытии закона как акта высших органов государственной власти состоит не только в самой постановке проблемы, на тот период уже не вполне новой, но в ее обосновании на примере конкретных законодательных актов, подвергшихся тщательному текстологическому и содержательному анализу. Кроме того, был поставлен и с новых позиций решен вопрос о соотношении закона и указа, который волновал правоведов еще с дореволюционного периода¹⁵¹. Но если в Российской империи вплоть до создания Государственной Думы этот вопрос не мог быть полностью и однозначно определен из-за отсутствия разделения властей, на что указывал Н. М. Коркунов, то в советский период разделения властей также не было, и вопрос отделения законов от подзаконных актов тоже встречал серьезные препятствия при его углубленном анализе.

А. В. Мицкевич, с одной стороны, показал и обосновал верховенство закона, определил место в правовой системе подзаконных актов: указов Президиума Верховного Совета СССР, нормативных актов Совета министров СССР, совместных постановлений ЦК КПСС и Совета министров.

¹⁵⁰ Керимов Д. А. Законодательная техника. Науч.-метод. и учеб. пособие. – М.: Изд. группа НОРМА – ИНФРА–М, 1998. – С. 5–7.

¹⁵¹ См.: Коркунов Н. М. Указ и закон. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. – 416 с.

С другой стороны, в попытке обосновать высшую юридическую силу закона он не доказал необходимость четкого установления иерархии данных актов, с учетом ситуации, когда указы Президиума Верховного Совета вмешивались в компетенцию законодателя, регулируя соответствующие вопросы. Он писал, что практика принятия таких указов не подрывает принципа принадлежности всей законодательной власти Верховному Совету, что таило в себе определенное противоречие. На это еще в 1967 г. указывал Л. С. Явич в рецензии на монографию Мицкевича, в целом положительной и даже хвалебной¹⁵².

На определенную недоработку в этой части монографии указывали и другие ее рецензенты. Критиковалось, например, отрицательное отношение Мицкевича к предложению об увеличении числа видов (форм) актов Совета министров СССР, так как под одним наименованием этот орган издавал и нормативные, и ненормативные акты¹⁵³.

В современных условиях необходимость нормативного закрепления строгой иерархии правовых актов не вызывает сомнений. В пользу этого свидетельствует успешная практика целого ряда субъектов Российской Федерации (а также некоторых государств постсоветского пространства) по принятию соответствующих законодательных актов. Например, в Москве с 2009 г. успешно применяется Закон «О правовых актах города Москвы»¹⁵⁴, нормы которого позволяют сохранять иерархию актов, принимаемых на уровне данного субъекта федерации. В этом контексте заслуживает поддержки инициатива Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, который

¹⁵² Явич Л. С. А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. — М.: Изд. «Юридическая литература» 1967. — 172 с. // Известия вузов. Правоведение. — 1967. — № 6. — С. 127.

¹⁵³ Кузнецов И. Н., Лукашева Е. А., Шебанов А. Ф. Правовая природа актов высших органов государственной власти и управления СССР // Советское государство и право. — 1968. — № 2. — С. 145.

¹⁵⁴ Закон г. Москвы от 08.07.2009 № 25 (в ред. от 25.12.2024) «О правовых актах города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 04.09.2009, № 8, ст. 214.

подготовил проект соответствующего федерального закона. В этом проекте нашли воплощение некоторые идеи А. В. Мицкевича о нормативных и ненормативных правовых актах, о соотношении законов и подзаконных актов. Принятие такого закона могло бы способствовать большему упорядочению существующей системы и иерархии нормативных правовых актов, повышению эффективности правотворчества и правоприменения.

В постсоветский период, когда после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года изменились и само понятие закона, и принципы его действия, А. В. Мицкевич в коллективной монографии писал: «закон почти всегда — это нормативный акт, устанавливающий, излагающий, отменяющий, или изменяющий общие предписания - нормы права»¹⁵⁵. Он и в этот период не отказался от понимания закона как источника права: «закон как акт, принимаемый высшей властью, — тот источник, в котором право (нормы права) рождается и содержится, юридический источник права»¹⁵⁶. В примечаниях ученый дополнил, что помимо закона существуют и иные источники права: «сложившиеся обычаи и обихновения, другие нормативные акты исполнительной власти, сложившиеся судебные прецеденты, договоры нормативного содержания»¹⁵⁷. Ученый так и не воспринял положение, которое звучит почти аксиоматично в современной теории права – закон принимается только органами представительной (законодательной) власти. В этом проявилось влияние марксизма, отрицающего теорию разделения властей.

А. В. Мицкевич рассматривал законы не изолированно от подзаконных актов, в том числе актов технического характера, а в тесной взаимосвязи с ними. По его мнению, чтобы законы в полной мере могли раскрыть свой богатый потенциал, необходимо уделять достаточно внимания вспомогательным актам, позволяющим вводить нормы законов в действие

¹⁵⁵ Конституция. Закон. Подзаконный акт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — М.: Юридическая литература, 1994. — С. 47.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. — С. 47.

или отменять устаревшие нормы. Данное положение соответствовало особенностям советской правовой системы, в которой подзаконные и вспомогательные акты всегда играли большую роль как в количественном отношении, так и в контексте правоприменительной практики. Именно наличие и содержание такого рода актов оказывало существенное влияние на действие законов и эффективность их применения. Данная особенность частично сохраняется и в современных условиях, когда количество подзаконных актов многократно превышает число законов, и в результате гораздо большая доля общественных отношений регулируется именно подзаконными актами, а не законами.

Новаторские для своего времени воззрения Мицкевича на источники права и нормативные правовые акты не встретили однозначного признания при защите им докторской диссертации. Отдельные положения, высказанные ученым, подверглись критике, которую высказывали официальные и неофициальные оппоненты. По мнению выступавшего официальным оппонентом Д. Л. Златопольского, Мицкевич неправильно поставил вопрос о двойственной природе Президиума Верховного Совета и потому неправильно определил правовую природу его актов¹⁵⁸. Оппонент подчеркнул, что, по мнению Мицкевича, некоторые указы Президиума Верховного Совета имеют характер законов, в силу чего он называет их законодательными указами. Такая формулировка вызвала возражения официального оппонента¹⁵⁹. Он не согласился что такие законодательные указы должны считаться актами, стоящими в одном ряду с законом¹⁶⁰. По его мнению, только Верховный совет должен быть законодательным органом, а Президиум Верховного Совета не вправе издавать указы, отменяющие закон¹⁶¹. Именно такая точка зрения нашла впоследствии общее признание

¹⁵⁸ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 42.

¹⁵⁹ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 44.

¹⁶⁰ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 45.

¹⁶¹ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 46.

как теоретиков, так и историков права, а позиция Мицкевича не была в полной мере воспринята широким юридическим сообществом.

Второй оппонент по докторской диссертации С. С. Алексеев также констатировал, что Мицкевич в своей работе иногда распространяет на акты высших органов государственного управления черты, которые должны быть свойственны только закону, при этом он мало уделяет внимания тем гарантиям, которые обеспечивают верховенство законов в правовой системе¹⁶².

В связи с этим уместно обратиться к отзыву организации, в который выполнялась работа. В нем говорилось, что важным представляется теоретическое обоснование природы актов разъяснения законов и их отличии от актов правотворчества, в том числе от актов конкретизации норм права. «Хотя точка зрения диссертанта по этому вопросу и остается спорной, она последовательно развивается и обосновывается в работе, подтверждается действующим законодательством и анализом практики высших органов советского государства»¹⁶³. Этот вывод четко и понятно характеризует вклад Мицкевича в теорию источников права и актов государственных органов. Его взгляды не были приняты научным сообществом как бесспорные, но при этом все ученые соглашались, что проделанная работа заслуживает высокой оценки, что научная новизна и вклад в теорию права не вызывают сомнений, что основные тезисы в существенной мере обоснованы.

Вопросы, связанные с законом как источником права, исследовались Мицкевичем и в практико-прикладном аспекте. В 1973 г. в соавторстве с А. Б. Венгеровым он опубликовал брошюру «Закон и законность в хозяйственной деятельности»¹⁶⁴. В данной работе, предназначенной в первую очередь для практических работников хозяйственной сферы, ученые постарались суммировать достижения советской теории права и показать на

¹⁶² Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 57.

¹⁶³ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 67.

¹⁶⁴ Венгеров А. Б., Мицкевич А. В. Закон и законность в хозяйственной деятельности. М.: – Юридическая литература 1973. – 64 с.

этой основе практическую роль законов в развитии народного хозяйства. Совершенствование законодательства в хозяйственной сфере авторы связали с такими основополагающими принципами законотворческой деятельности, как научная обоснованность принимаемых законов, всенародное обсуждение их проектов, системность в выстраивании законодательства. Акцентировалось внимание на плановых началах законотворчества., а также на недопустимости несоблюдения законов при их противоречии принципу целесообразности.

Рассуждая об отличиях советского законодательства от законодательства буржуазных стран, А. В. Мицкевич подчеркивал его воспитательное значение. Такого значения, по его мнению, нет и не может быть у буржуазного законодательства в силу того, что оно защищает интересы эксплуататорских классов. В качестве источников советского законодательства он называл политику партии и революционное творчество масс¹⁶⁵.

В одной из публикаций 1967 г. А. В. Мицкевич поставил вопрос о выделении конституционных законов и их соотношении с иными законами. Он указывал, что делить законы по их политическому значению неверно, нельзя такие законы считать конституционными только из-за их важности. В качестве критерия конституционных законов ученый предложил рассматривать особый порядок принятия – требование о квалифицированном большинстве голосов, предусмотренное Конституцией¹⁶⁶.

Констатируя наличие практики, когда указы об образовании и изменении центральных государственных органов принимались Президиумом Верховного Совета СССР, Мицкевич осуждает ее и призывает принимать такие акты только в виде законов и только на сессиях Верховного Совета СССР. Тем самым ученый внес еще один аспект в проблемный

¹⁶⁵ Мицкевич А. В. В. И. Ленин о закономерностях создания и развития советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 21. – М., 1970. – С. 29.

¹⁶⁶ Мицкевич А. В. Различия законов СССР по их юридической силе // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 10. – М., 1967. – С. 197–198.

вопрос разграничения законов и подзаконных актов, в данном случае по предмету регулирования.

В целях упорядочения советского законодательства А. В. Мицкевич предлагал закрепить в Конституции порядок принятия законов по конкретным ключевым вопросам, в том числе о гражданстве, выборах, правительстве, судебных органах. При этом ученый предостерегает от излишнего «разрастания» количества конституционных законов.

Рассуждая о юридической силе обычных, неконституционных законов, Мицкевич на первое место среди них поставил общесоюзные Основы законодательства: «важнейший кодификационный акт, принятие которого представляет поистине историческое событие, веху в истории советского права. Поэтому к «Основам» неприменимо название «текущее законодательство»¹⁶⁷. В силу этого Мицкевич отметил «повышенную» юридическую силу «Основ» по сравнению с иными общесоюзными законами. Все эти положения были раскрыты и в монографии. Они вызвали позитивную оценку рецензентов в контексте новизны, научной и практической значимости¹⁶⁸. Сегодня, несмотря на высокую оценку Мицкевичем Основ законодательства как формы кодифицированного акта, они не имеют широкого распространения и представляют собой фактически «угасающий» вид. Возможно, причина не в том, что ученый ошибся, а в том, что существенно изменились сами условия развития государства и общества, и такая форма оказалась недостаточно востребована.

По нашему мнению, использование такой формы, как Основы законодательства, может быть полезным для совершенствования правовой системы Российской Федерации. Принятие Основ по вопросам, отнесенным Конституцией к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, позволило бы упорядочить нормотворческую деятельность

¹⁶⁷ Мицкевич А. В. Различия законов СССР по их юридической силе. — С. 199.

¹⁶⁸ Кузнецов И. Н., Лукашева Е. А., Шебанов А. Ф. Правовая природа актов высших органов государственной власти и управления СССР // Советское государство и право. — 1968. — № 2. — С. 145.

субъектов федерации, ввести для нее единые стандарты, что может способствовать большему единообразию правового регулирования общественных отношений, укреплению единого правового пространства на территории Российской Федерации.

Некоторые выводы, к которым А. В. Мицкевич пришел в процитированной выше монографии, посвященной правовым актам, по поводу отдельных аспектов рассматриваемой тематики, он предварительно апробировал в ряде статей. Например, концептуальное значение имела статья о правотворческом значении нормативного акта, в которой в кратком виде изложены основные тезисы будущих работ ученого об актах как источниках права. В ней он пояснил существование актов нормативно-вспомогательного значения, которые не содержат норм права, но при этом имеют нормативное значение: они направлены на утверждение, изменение или отмену действия правовых норм. При помощи этих актов приходится определять, какие из разрозненных норм являются на тот или иной момент действующими, на какие отношения их действие распространяется. Ученый пришел к выводу, что главным признаком нормативного правового акта следует считать его правотворческое значение¹⁶⁹.

В 1966 году в Ученых записках ВНИИСЗ была опубликована обширная статья А. В. Мицкевича, посвященная вспомогательным и производным актам правотворчества. В статье ученый предлагает новый подход к определению правотворчества, выдвигая на первый план такой его признак, как правовые последствия. В этом случае правотворчество характеризуется как деятельность государственных органов, направленная на создание правовых норм¹⁷⁰. Соответственно, назначение правотворческих актов состоит в том, чтобы устанавливать, а точнее, оформлять установленные государством новые нормы права. Такой подход выводит ученого на новый

¹⁶⁹ Мицкевич А. В. Нормотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. – 1965. – № 11. – С. 51.

¹⁷⁰ Мицкевич А. В. Вспомогательные и производные акты правотворчества // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1966. Вып. 8. – С. 27.

аспект – связь между правотворчеством и правом. Он констатирует, что правотворчество не ограничивается только созданием правовых норм, оно также включает специальные акты об изменении, отмене, дополнении существующих норм. Поэтому акты, изменяющие, отменяющие или дополняющие правовые нормы, он рассматривает как определенную разновидность актов правотворчества¹⁷¹.

Внимание к вспомогательным и производным актам, их значению в правотворческой деятельности государства, месту в системе источников права стало еще одной заслугой А. В. Мицкевича. Анализируя природу таких актов, он отмечал, что они не относятся к числу актов применения норм к отдельным случаям или конкретным лицам, не могут рассматриваться как действующие однократно. Поэтому «названные акты обладают основными признаками актов правотворчества и должны рассматриваться как таковые»¹⁷².

А. В. Мицкевич справедливо полагал, что в правотворческой практике значение производных и вспомогательных актов часто недооценивается, вместе с тем, в ряде случаев именно они могут способствовать правильному применению закона, особенно принятого в форме кодифицированного акта. Данная точка зрения сохраняет свою актуальность и в современных условиях. Речь идет не только о вспомогательных актах, но и самих законопроектах, в том числе вносящих изменения в существующее регулирование, а также об оперативных нормах и их соответствии существующим юридико-техническим принципам. Фактически можно говорить о целостном правовом источниковом комплексе, в котором нормы законов подзаконных нормативных актов и вспомогательных актов взаимодействуют и дополняют друг друга, в совокупности обеспечивая необходимую эффективность правового регулирования общественных отношений.

¹⁷¹ Там же. – С. 28.

¹⁷² Там же. – С. 29.

Л. С. Явич, рецензировавший монографию А. В. Мицкевича, отметил, что ученый впервые в отечественной теоретико-правовой науке дал подробный анализ нетипичных нормативных предписаний. По его мнению, «развернутое и глубокое обоснование нормативно-правового характера юридических принципов, плановых и бюджетных предписаний убедительно опровергает встречающееся иногда мнение о сужении нормативности права в период строительства коммунизма и о якобы имеющей место «трансформации» юридических норм в индивидуальные распоряжения»¹⁷³.

В современных условиях суждение Л. С. Явича получает актуализацию в связи с встречающимися в доктрине позициями, провозглашающими переход к индивидуализации правового регулирования из-за технологизации правовой сферы общества, о предстоящей полной или частичной замене права программным кодом. Представляется более обоснованной позиция, восходящая к концепции Мицкевича и мнению Явича, что право и в высокотехнологичном обществе сохранит нормативный характер, распространяя свое действие на неопределенный круг лиц. В противном случае утрата правом нормативности как одного из основополагающих признаков приведет к гибели самого права, а следовательно, и всего общества в его классическом понимании.

Вопросы, связанные с законами и иными источниками права, А. В. Мицкевич продолжал разрабатывать и в постсоветский период. В 1994 г. Институтом законодательства была опубликована коллективная монография «Конституция. Закон. Подзаконный акт», в написании которой он принял активное участие¹⁷⁴. Весьма показательны, какие именно параграфы написал ученый: «Конституционные основы статуса и роли закона», «Федеральные законы: их основные виды, признаки и

¹⁷³ Явич Л. С. А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. — М.: Изд. «Юридическая литература» 1967. — 172 с. // Известия вузов. Правоведение. — 1967. — № 6. — С. 127.

¹⁷⁴ Конституция. Закон. Подзаконный акт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — М.: Юридическая литература, 1994. — 136 с.

верховенство», «Закон в системе нормативных актов (федеральный уровень)», «Соотношение закона и указа Президента Российской Федерации», «Система и отрасли законодательства: концепция и проблемы развития». Среди них стоит выделить вопрос о соотношении закона и указа президента как особо актуальный на тот момент. Книга вышла на следующий год после противостояния президента и верховного совета, в условиях формирования новой системы власти после принятия Конституции Российской Федерации. Известно, что отдельные указы главы государства в тот период вполне могли противоречить нормам действовавшего законодательства. Вопрос об иерархии нормативных правовых актов являлся частью вопроса о сохранении государственного единства. С учетом этого А. В. Мицкевич в небольшом по объему параграфе писал: «Вопрос о соотношении федерального закона и указа Президента представляет собой наиболее сложную проблему в соотношении законов и иных нормативных актов. В этом случае речь идет не только о взаимоотношении нормативных актов, но и о регулировании отношений между двумя “равновеликими”, непосредственно избираемыми народом властями»¹⁷⁵. На основе анализа положения Конституции с учетом общепринятых постулатов теории права Мицкевич предложил свое видение улучшения сложившейся ситуации, включая возможное делегирование президенту права издавать указы по ряду важных вопросов, но на ограниченный срок действия. Таким образом, с изменением государственного устройства позиции ученого также претерпели некоторую трансформацию, что представляется вполне закономерным. Подвергая анализу новую государственно-правовую действительность, он продолжил разрабатывать свою теорию нормативных правовых актов применительно к изменившейся ситуации.

В 1990-е годы, переосмысливая с новых позиций вопросы, связанные с нормативными правовыми актами и их ролью в советском государстве, А. В. Мицкевич отмечал, что в тот период «роль закона была серьезно

¹⁷⁵ Конституция. Закон. Подзаконный акт. – С. 54.

принижена как некоторыми нормами Советской Конституции, так и практикой»¹⁷⁶. Ученый подчеркивал, что в ряде случаев роль законов выполняли указы Президиума Верховного Совета, то есть фактически подзаконные акты. Кроме того, «многие сферы жизни страны вообще регулировались не законами, а актами Советов Министров СССР, союзных и автономных республик»¹⁷⁷. Широкое распространение получила практика принятия совместных постановлений партийных и советских органов, что означало вмешательство партии в правотворчество. Все названные явления Мицкевич характеризовал как отступление от начал законности.

Применительно к источникам права Российской Федерации ученый вновь подчеркнул, что сохраняется роль нормативного правового акта как основного источника правового регулирования общественных отношений. При этом он выдел три подсистемы таких актов, представленные тремя уровнями: федеральным, уровнем субъектов федерации и уровнем местного самоуправления. По мнению А. В. Мицкевича, «Выделение самостоятельных подсистем нормативных правовых актов — федеральной субъектов Федерации и местного самоуправления — при сохранении единых основ обеспечивает подлинную самостоятельность субъектов Федерации и местного самоуправления в издании нормативных правовых актов в пределах предметов ведения и полномочий, закрепленных за ними Конституцией Российской Федерации и определяемых также в некоторых случаях в договорном порядке»¹⁷⁸.

В последующее время названные идеи А. В. Мицкевича получили отражение в новых исследованиях по теории источников права. Например, определенное развитие эти идеи нашли в основательном труде профессора М. Н. Марченко «Источники права»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Спарк, 1998. — С. 20.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же. — С. 28.

¹⁷⁹ См.: Марченко М. Н. Источники права. — М.: Проспект, 2017. — 759 с.

Теоретические разработки А. В. Мицкевича, связанные с актами органов государства, стали основой для последующего исследования отечественными учеными целого ряда вопросов, относящихся к теории правотворчества, в том числе, проблем законодательной техники и иерархии нормативных правовых актов. Некоторые из этих вопросов до сих пор требуют решения, влияют на эффективность действия права в обществе. В связи с этим стоит отметить, что действующие сегодня в ряде субъектов федерации, а также в отдельных государствах постсоветского пространства, например, в Белоруссии и Казахстане, законы о нормативных правовых актах концептуально базируются на идеях, высказанных А. В. Мицкевичем, о чем уже говорилось выше.

Эти же идеи положены в основу упоминавшегося выше инициативного проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», подготовленного коллективом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Помимо этого, многие положения концепции актов государственных органов, разработанной Мицкевичем, были использованы в последующие годы учеными при попытках создания полноценной теории закона, а также послужили основой аргументации в дискуссиях по поводу источников права и их природы. Все это свидетельствует о высокой научной ценности, а также практической значимости теоретико-правовых концепций А. В. Мицкевича.

2.2. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества

Правотворчество представляет собой вид юридической деятельности, который связан с формированием, развитием и совершенствованием всего массива законов и подзаконных нормативных актов. Эта деятельность не просто определяет те правила, по которым осуществляется регулирование общественных отношений, она выступает первичным, исходным действием по созданию новой социальной реальности, формирует контуры правовой

системы и допустимые модели юридически значимого поведения¹⁸⁰. Именно с этим связан тот интерес, который теоретики права проявляют к правотворческой деятельности.

Динамика правотворчества детерминирована совокупностью факторов общественного развития: социально-экономических, политических, технологических и духовно-нравственных. Влияние динамики общественных отношений на правотворческую деятельность не вызывает сомнений¹⁸¹. «Одна из основных задач юридической науки в сфере правотворчества — выявление общих закономерностей правового развития, меняющихся пространственные очертания и структуру права, его базовые компоненты и механизмы их взаимодействия», - отмечает Т. Я. Хабриева¹⁸².

Научный интерес А. В. Мицкевича к вопросам теории и практики правотворческой деятельности определялся двумя обстоятельствами.

Во-первых, ученый разрабатывал теорию актов органов государства, а выявление особенностей и роли таких актов неразрывно связано с их принятием, то есть с правотворчеством.

Во-вторых, работая в ВИЮН, а затем во ВНИИСЗ, о чем уже говорилось в первом параграфе, он был активно вовлечен в профильные работы, проводимые Институтом, которые как раз и были связаны с правотворчеством и его различными аспектами¹⁸³. Специфика работы Института определяла гармоничное сочетание теоретических изысканий в сфере правотворчества и активно участие в конкретной законотворческой работе, что позитивно сказалось на научном творчестве А. В. Мицкевича.

¹⁸⁰ Хен Л. Г. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2024. — № 1 (65). — С. 208.

¹⁸¹ Правотворчество в условиях международной регионализации. — М.: Инфра-М, 2025. — С. 64.

¹⁸² Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. — 2015. — № 8. — С. 6.

¹⁸³ См.: Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Путило Н. В. Вековая история развития научной школы правотворчества Института // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. № 11. — С. 127–139.

В итоге научные интересы ученого в период после защиты им кандидатской диссертации были в значительной мере связаны с теорией правотворчества.

Сам А. В. Мицкевич отчетливо понимал и провозглашал тесную связь между своими работами по актам государственных органов и исследованием теории правотворчества. Одна из его статей имеет характерное в этом отношении название – «Правотворческое значение нормативного акта»¹⁸⁴. Таким образом, интерес ученого к правотворчеству был закономерным.

Создание отечественной теории правотворчества и правотворческого процесса во второй половине XX века базировалось на концептуальном решении ряда основополагающих вопросов, что позволило ученым-правоведам выйти на более высокий уровень обобщений. К таким вопросам относились: «понятие правотворчества и его виды; социальные факторы развития права; нормативные правовые акты и их виды; основные черты кодификации и виды кодификационных актов; взаимосвязь правосознания и правотворчества»¹⁸⁵. Ученые, работая в едином предметном поле, решали эти вопросы, раскрывали их грани, на основе теоретических обобщений стремились дать практические рекомендации. О глубине и фундаментальности научного освоения соответствующих вопросов свидетельствует защита кандидатских и докторских диссертаций по данной тематике¹⁸⁶.

Вопросы, непосредственно связанные с тематикой правотворчества, первоначально разрабатывались А. В. Мицкевичем в отдельных статьях. Одним из интересовавших его аспектов стал вопрос о принципах правотворчества, прежде всего, принципе демократизма.

¹⁸⁴ Мицкевич А. В. Правотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. – 1965. – № 11. – С. 49-57.

¹⁸⁵ Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Путило Н. В. Вековая история развития научной школы правотворчества Института // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. № 11. – С. 131.

¹⁸⁶ См., напр.: Васильев А. В. Правотворчество в советском социалистическом обществе. Дисс... канд. юрид. наук. – М., 1971; Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР. Дисс... доктора юрид. наук. – М., 1972.

В 1968 г. он в соавторстве с известным специалистом по источникам советского права А. Ф. Шебановым опубликовал статью «Демократизм советского правотворчества и его основные принципы». В статье изложена позиция авторов по поводу понятия правотворчества, которое «представляет собой наряду с правоприменением важнейшую правовую форму осуществления функций Советского социалистического государства»¹⁸⁷. Правотворчество толкуется в статье как деятельность уполномоченных законов органов государства, а в отдельных случаях общественных организаций по установлению правовых норм как обязательных правил поведения. Таким образом, выдерживается общепринятая в советском правоведении позиция, согласно которой субъектом правотворчества выступает только государство в лице уполномоченных органов. В основе правотворчества, как подчеркнули авторы статьи, находится воля советского народа во главе с рабочим классом.

По мнению отдельных ученых, не стоит рассматривать правотворчество излишне широко, как делают те авторы, которые включают в него деятельность по формированию правовых взглядов общества¹⁸⁸. При этом социальный процесс формирования правовых взглядов ошибочно отождествляется с одной из форм их выражения. «Формирование правосознания само по себе может быть и не связано с правотворчеством и даже с участием масс в правотворческом процессе»¹⁸⁹.

Принцип демократизма правотворчества вытекал из данных положений и был основан на представлении об общенародном характере советского социалистического государства. В этом государстве, по словам авторов, к участию в правотворчестве были привлечены самые широкие народные массы. В законах и подзаконных актах выражена воля народа. Принятие

¹⁸⁷ Мицкевич А. В., Шебанов А. Ф. Демократизм советского правотворчества и его основные принципы // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 13. – М., 1968. – С. 3.

¹⁸⁸ См., напр.: Степанов И. М. Демократические основы правотворчества в СССР // Советское государство и право. – 1960. – № 4. – С. 86–87.

¹⁸⁹ Мицкевич А. В., Шебанов А. Ф. Демократизм советского правотворчества и его основные принципы // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 13. – М., 1968. – С. 5.

любого акта фактически представляет собой выражение этой воли, независимо от того, кто этот акт принял.

В статье обозначены формы участия советского народа в правотворчестве, к числу которых относятся участие представителей народа в работе советов, участие граждан в правотворческой деятельности общественных организаций, участие граждан в обсуждении проектов нормативных актов и их принятии на референдуме¹⁹⁰.

В статье было отмечено, что в практику все шире внедряется общественное обсуждение проектов актов, учет предложений представителей населения при их доработке. Стоит отметить, что данный аспект актуализирован в современных условиях, когда благодаря возможностям, представляемым цифровыми технологиями, появилась возможность привлечь к такому обсуждению действительно широкие слои общества, организовать «правотворческий краудсорсинг» и обработать его результаты с помощью искусственного интеллекта¹⁹¹. По нашему мнению, использование цифровых технологий для организации эффективного общественного обсуждения проектов законов и иных нормативных правовых актов способствует более полной реализации идей А. В. Мицкевича о демократизме правотворчества, выводит саму правотворческую деятельность на новый уровень качества, позволяет обеспечить более широкое участие населения страны в правотворческой деятельности и отражение его интересов в принимаемых правовых нормах. В то же время вопрос об использовании цифровых инструментов при обсуждении законопроектов нуждается в дополнительной теоретической проработке с целью исключить возможные негативные последствия на практике, включая «цифровой разрыв», связанный с возможным нарушением прав той категории граждан, которые по ряду причин не используют цифровые технологии, а также

¹⁹⁰ Мицкевич А. В., Шебанов А. Ф. Указ. соч. – С. 7.

¹⁹¹ Залоило М. В., Базыкин А. Ю. Инструментальная ценность технологии краудсорсинга в принятии правотворческих рецензий // Правовые ценности в свете новых парадигм развития цивилизации. – М.: Инфра-М, 2020. – С. 232–239.

возможное искажение результатов таких обсуждений при подведении итогов с помощью искусственного интеллекта.

Также в статье А. В. Мицкевича раскрывается само понятие принципов правотворчества, под которыми авторы понимают руководящие идеи, определяющие направления этой деятельности, направленные на наиболее полное выражение правотворческой воли народа. Эти принципы имеют объективное содержание, но в определенной мере связаны с коммунистической идеологией. К числу важных принципов в статье, помимо демократизма, относятся партийное руководство, полновластие советов, интернационализм, демократический централизм. Эти принципы остались в советском прошлом, но сохраняют свое значение другие принципы, раскрытые в статье: строгое определение правотворческих полномочий, строгая иерархия нормативных актов на основе верховенства закона, законность и научная обоснованность. Эти принципы выдержали проверку временем, они могут быть отнесены к числу универсальных, не зависящих от официальной государственной идеологии. Их значение в современных условиях даже несколько усилилось. В то же время современные правоведы при рассмотрении принципов правотворчества порой делают несколько иные акценты. Например, С. Б. Бошно полагает, что главным принципом правотворчества выступает принцип гуманизма. Она пишет: «Основным принципом правотворческой деятельности является гуманизм – признание высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина»¹⁹².

Таким образом, А. В. Мицкевичем и А. Ф. Шебановым были достаточно четко сформулированы и кратко обоснованы принципы правотворчества, составлявшие целостную систему и отражавшие особенности данной деятельности в советский период.

Принцип демократизма правотворчества, исследованный в статье, и сегодня относится к числу наиболее важных принципов данной

¹⁹² Бошно С. В. Принципы правотворчества // Право и современные государства. – 2019. – № 2. – С. 53.

деятельности. Как и в советское время, он «проявляется в активном широком участии народа и его представителей в правотворческой деятельности государственных органов. Правотворчество строится на максимальном учете общественного мнения, воли и интересов народа»¹⁹³. По мнению М. Л. Давыдовой, под демократизацией правотворчества понимают расширение влияния общества на правотворческую деятельность – и на ее процесс, и на результат. Такое влияние предполагает участие населения в создании нормативных правовых актов.¹⁹⁴ Фактически продолжает реализовываться идея А. В. Мицкевича с коррективами, обусловленными сменой общественно-экономической формации и связанной с ней идеологии.

Большое внимание вопросам правотворчества уделено в докторской диссертации А. В. Мицкевича, так как рассматриваемые в этой работе акты органов государства формировались именно в процессе правотворческой деятельности. Это подчеркивал и сам ученый: «именно общесоюзным законодательства и правительственными актами устанавливаются важнейшие нормы советского права»¹⁹⁵. В связи с этим правотворчеству посвящен первый раздел докторской диссертации, в частности, входящие в него первые две главы.

Во введении к диссертации ученый достаточно подробно поясняет свой интерес к правотворчеству. По его мнению, нормативный акт «вплетается» в ткань правотворческой деятельности, отражает ее черты, характеризуется как форма закрепления самого правотворческого решения. «Закон как правовой документ, содержащий правовые нормы, в то же время является выражением действий законодательства, выражением

¹⁹³ Сиотокова М. В. Основные принципы российского правотворчества // Государство и право в XXI веке. – 2014. – № 1. – С. 11.

¹⁹⁴ Давыдова М. Л. Демократизация правотворчества: принцип здравого смысла в применении технико-юридического инструментария // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 131.

¹⁹⁵ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Автореф. дисс... доктора юрид. наук. – М., 1967. – С. 3.

законотворчества, поэтому необходимо рассмотреть нормативные акты прежде всего как формы закрепления правотворческих решений в связи с их ролью источников права»¹⁹⁶. Поэтому исследование нормативных правовых актов невозможно без обращения к проблемам теории и практики правотворчества, решение которых предложено в диссертации.

В первой главе ученый исследует вопросы формирования права и их воздействие на правотворчество. Он говорит о разных группах факторов, влияющих на формирование права. В число главных факторов, влияющих на правотворчество, ученый в соответствии с постулатами марксизма включил волю классов. В то же время применительно к советскому государству он акцентировал внимание на роли государства, которое аккумулирует и выражает волю всего советского народа. Поэтому, признавая роль экономических факторов как объективной основы и первопричины формирования права, А. В. Мицкевич полагал, что непосредственно экономические отношения не порождают право. Государство выступает главным орудием политики господствующего класса. Только тот класс, который стоит у власти, имеет реальные возможности проводить свою политику в форме права и выражать ее в виде законов. Поэтому, в отличие от всех факторов формирования права, «именно государственная власть выступает непосредственной правотворческой силой»¹⁹⁷.

По мнению ученого, следует отличать правотворчество от социального процесса формирования права. Он предлагает понимать правотворчество как завершающую стадию данного процесса. Определение, которое ученый приводит данной работе, гласит, что правотворчество - это форма деятельности государства, непосредственно направленная на создание

¹⁹⁶ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. X.

¹⁹⁷ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс.... доктора юрид. наук. — С. 16.

правовых норм¹⁹⁸. При этом ученый умалчивал, что порой имеет место не создание, а санкционирование норм, сложившихся в обществе, например, в ситуации с правовым обычаем. С учетом этого, предлагаем авторское определение правотворчества: правотворчество – это деятельность по созданию права, осуществляемая уполномоченными органами государства на основе выявляемых общественных интересов, либо осуществляемая самим обществом и санкционируемая государством. Такое определение в большей мере ориентировано на роль самого общества в правотворчестве, учет его интересов при принятии новых нормативных правовых актов.

А. В. Мицкевич критикует некоторые иные позиции, высказанные в советской теории права. По его мнению, нельзя согласиться с теми, кто понимает под правотворчеством не только деятельность государства, но и процесс формирования правосознания. В этом случае в правотворчество включается деятельность широких масс трудящихся и общественных организаций, что имеет тесную связь с правосознанием. По мнению Мицкевича, такой подход уводит от четкого понимания правотворчества как государственной деятельности. «Само по себе правосознание масс, мнение их общественных организаций вне установленных законов организационных форм правотворческой деятельности не может привести к созданию норм права»¹⁹⁹. Общественным продуктом правосознания является не нормой права, а правовые идеи, которые могут воплотиться в нормах только тогда, когда они пройдут через индивидуальное сознание лиц, составляющих правотворческой орган государства, или тех, кто уполномочен властью на установление общеобязательных норм. Правосознание, по мнению Мицкевича, это предпосылка правотворческой деятельности государства как особой стадии формирования права.

¹⁹⁸ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Автореф. дисс... доктора юрид. наук. – М., 1967. – С. 6.

¹⁹⁹ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Автореф. дисс... доктора юрид. наук. – М., 1967. – С. 6.

В современной доктрине в этом вопросе найден определенный компромисс с помощью нового понятия – «правообразование». Например, В. В. Трофимов дает следующее определение: «Правообразование в современном обществе можно определить как осуществляющийся под воздействием актуальных факторов общественного развития, получающих преломление в юридически значимых социальных интересах и, если доминирует «рациональное» начало, последующее отражение в правовых идеях, двуединый процесс спонтанного (естественно-социального) и планомерно-сознательного формирования правовых норм, обеспечивающих упорядоченность и стабильность отношений в социальных системах»²⁰⁰. При таком подходе представляется возможным синтезировать социальные процессы, включая интересы, с процессами психического характера, что в итоге связано с правосознанием (пусть на нем в приведенном определении и не акцентируется внимание) и находит выражение в последующем правотворчестве. Взгляды А. В. Мицкевича в определенной мере предшествовали данному подходу. Не случайно ученый в разные периоды своего научного творчества обращался к проблематике правосознания, в том числе и в контексте взаимосвязи правосознания с правотворческой деятельностью.

Воззрения А. В. Мицкевича на роль правосознания в правотворчестве критиковались во время защиты им докторской диссертации. Например, в отзыве профессора Н. Г. Александрова констатируется согласие с Мицкевичем в том, что правотворчество составляет специфическую функцию государственного руководства обществом и оно не свойственно правосознанию. Но вместе с тем А. В. Мицкевич рассматривает правосознание как ступень в формировании права. По мнению Александрова, «правосознание формирует не право, а правовые идеи, в частности, правовые идеи о том, что должно стать правом, или о том, что

²⁰⁰ Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: актуальные аспекты теории и методологии // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5. – С. 53.

желательно увидеть в виде права»²⁰¹.

Как отмечалось выше, в 1968 г. был издан фундаментальный коллективный учебник «Теория государства и права» под редакцией Н. Г. Александрова²⁰². А. В. Мицкевич написал в него только одну главу, посвященную соотношению права, морали и правосознания в социалистическом обществе. Он констатировал сближение права и морали, переплетение правовых и моральных регуляторов. В качестве главной черты социалистического правосознания ученый назвал сознательное отношение трудящихся к исполнению законов: «чем выше развито правосознание людей, тем крепче правопорядок и законность, тем лучше и точнее выполняются законы государства»²⁰³. В этом проявилась широта взглядов ученого, который уже в тот период господства нормативизма в праве обращался к морали и правосознанию как важным факторам правообразования.

Разрабатывая вопросы теории правотворчества, А. В. Мицкевич снова не мог пройти мимо понятия источника права, которому всегда уделял достаточно много внимания. Он констатировал, что советские юристы опираются на марксистское понимание права как надстройки над экономическим базисом. Поэтому они нередко пишут об источнике права в материальном смысле, под которым понимаются материальные условия жизни общества, прежде всего господствующий способ производства материальных благ. Наряду с этим выделяется понятие источника права в юридическом или формальном смысле, под которым имеются в виду те способы, с помощью которых выражается и становится правом воля господствующего класса. В качестве примера такой позиции А. В. Мицкевич

²⁰¹ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 31.

²⁰² Теория государства и права / отв. ред. Н. Г. Александров. – М.: Юрид. лит., 1968. – 640 с.

²⁰³ Там же. – С. 429.

ссылается на труды С. Ф. Кечекьяна²⁰⁴.

Ученый справедливо отмечал, что в советской юридической науке возникло двойное понимание термина источник права: в материальном и формально-юридическом смысле. Стоит отметить, что такая ситуация сохраняется и в современных условиях, когда ученые, говоря об источнике права, вынуждены уточнять, в каком именно значении они используют данное понятие²⁰⁵.

Сам А. В. Мицкевич, как уже отмечалось выше, предпочитал говорить об источнике формирования права, то есть порождающей его непосредственной силе, под которой он понимал «правотворческую деятельность государства, обусловленную материальными условиями жизни классового общества, идеологией господствующего класса, соотношением классовых сил в данном обществе, т.е. факторами, определяющими волю господствующего класса (или народа, стоящего у власти), возведенной государством в общеобязательные правила поведения»²⁰⁶. В этом отношении его позиция, с некоторыми корректировками, была близка к позиции Н. Г. Александрова.

А. В. Мицкевич не мог пройти мимо тех дискуссий о сущности права и правотворчества, которые были характерны для юридической доктрины середины XX века. Его взгляды на содержание правотворчества определялись представлением о том, что правотворчество есть заключительная стадия формирования правовых норм, которая состоит в самом установлении нормы права, в сообщении правилам поведения, создаваемым государством, общеобязательной юридической силы.

Применительно к содержанию правотворчества ученый полагал, что

²⁰⁴ Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116: Труды юридического факультета. Книга вторая / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – М., 1946. – С. 3–25.

²⁰⁵ См.: Марченко М. Н. Источники права. – М.: Проспект, 2004.

²⁰⁶ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. – М., 1967. – С. 21–22.

его надо рассматривать шире, чем просто «установление норм права путем принятия нормативных актов, признания правового обычая и прецедента»²⁰⁷, и включать в правотворчество всю подготовительную техническую работу, а также работу по последующему упорядочению правовых норм, включая признание актов утратившими силу. В рамках этой концепции ученый выдвинул тезис о вспомогательных и совещательных функциях правотворчества, которые отличаются от функций решающих, проявляющихся в создании правовых норм. Такой подход, по мнению ученого, с наибольшей полнотой отражал демократические черты советского правотворчества, в том числе участие трудящихся масс и общественных организаций. Но чрезмерное расширение понятия правотворчества, по его мнению, могло привести к существенным заблуждениям в данном вопросе.

В аспекте вспомогательных функций правотворчества А. В. Мицкевич высказал ряд ценных замечаний. Прежде всего, он предложил не рассматривать подготовку законопроекта как особую стадию правотворчества, поскольку эта работа происходит на всех стадиях подготовки проекта и его обсуждения. Подготовку, разработку и доработку законопроекта он предложил считать не стадиями правотворчества, а законодательными техническими функциями государственных органов, которые неразрывно связаны с правотворчеством. В то же время ученый подчеркивал необходимость четкой организации этой вспомогательной функции правотворчества, поскольку именно здесь готовятся все детали юридического оформления будущего нормативного акта. И потому именно здесь особенно необходимо знание всех тонкостей юридической природы нормативных актов и технических правил их оформления²⁰⁸.

Кроме того, по мнению ученого, подготовку проектов нормативных

²⁰⁷ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Автореф. дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 6.

²⁰⁸ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 37.

актов не стоит принципиально отличать от самого процесса правотворчества. Подготовку и предварительное обсуждение проекта Мицкевич оценивает как функцию правотворчества, но не решающую, а совещательную и вспомогательную. Он отмечает важность данной функции правотворчества, поскольку именно здесь подготавливаются все детали будущего нормативного акта, и именно здесь необходимо знание всех тонкостей и их юридической природы, а также технических правил оформления. К числу вспомогательных функций А. В. Мицкевич относит и функции подготовки проектов перечней актов, утративших силу, и необходимых изменений в законодательство. В современных условиях точка зрения, высказанная Мицкевичем по поводу вспомогательной функции правотворчества, в современных условиях не может быть поддержана, и подготовку проекта нормативного правового акта можно в полной мере отнести к правотворческой деятельности.

Раскрывая содержание правотворчества, ученый отмечал, что это конкретная деятельность государства, завершающая социальный процесс формирования правовых норм, отражающая экономические, политические и идеологические факторы этого процесса и воплощающая волю господствующих классов или всего народа. В советском обществе правотворчество, по мнению А. В. Мицкевича, происходит главным образом в форме издания нормативных актов, что непосредственно связано со вспомогательными функциями разработки проектов таких актов и их последующего упорядочения.

Ученый сформулировал концепцию способов и юридических форм правотворчества, имеющих важное практическое значение для создания и официального закрепления конкретных правовых норм. Под способами или видами правотворчества он понимал различные виды правотворческой деятельности и различные пути создания правовых норм. В их число он включал первоначальное санкционирование государством обычая и возникновении на этой основе обычного права, а затем установление права

путем актов, принимаемых государством для защиты отдельных отношений, что породило судебный прецедент. Наконец, способом правотворчества стало установление государством новых правил путем издания актов общего значения, что привело к появлению законотворчества.

Способы и юридические формы правотворчества взаимосвязаны. В то же время следует различать конкретные виды действий, порождающих нормы права, и конкретные формы закрепления правотворческих действий. В первом случае имеются в виду такие действия, как принятие нормативного акта, санкционирование обычая, возникновение прецедента. Во втором случае имеются в виду непосредственно нормативные акты, юридические обычаи и судебные прецеденты.

Взгляды А. В. Мицкевича, высказанные им в связи с осмыслением соотношения правотворчества и иной правовой деятельности, в том числе правотолкования, сохраняют актуальность и в современных условиях. Ученый предостерегал от смешения актов правотворчества и актов толкования, констатируя, что право давать разъяснения неравнозначно праву устанавливать правила. Акты разъяснения и толкования в ряде случаев могут иметь обратную силу, что неприменимо в случае нормативного акта. Установление нового специального правила нельзя смешивать с толкованием общего смысла правовой нормы, которое не является установлением специального права. А. В. Мицкевич писал, что понимание разъяснений Пленума Верховного Суда СССР в качестве одной из форм подзаконного правотворчества, направленного на конкретизацию закона, представляется неверным²⁰⁹. Такая позиция ведет к тому, что орган, призванный обеспечивать лишь правильное применение закона, сам разрешает неурегулированные законом вопросы. Судам не предоставлено право самостоятельно устанавливать подзаконные правила по вопросам отправления правосудия. Сложно согласиться с тем, что акты официального

²⁰⁹ Таковую позицию высказывал А. С. Пиголкин. См.: Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 121–126.

нормативного разъяснения хотя и не устанавливают самостоятельных правовых норм, все же должны считаться источниками права, так как содержат общие предписания и являются обязательными для судов. Такую позицию А. В. Мицкевич характеризует как весьма противоречивую, так как в этом случае всякий общий правовой акт понимается как нормативный. Необходимо различать не только общие и индивидуальные акты, но и «категории актов, соответствующие формам осуществления государственных функций, то есть акты правотворчества оперативного исполнения юрисдикции и надзора. В отличие от актов правотворчества общие акты разъяснения правовых норм не направлены на создание, изменение или отмену правовых норм. Они призваны лишь раскрыть содержание нормы с целью обеспечить ее правильное применение, устранить и предупредить ошибки, трудности, возникающие в правоприменительной практике»²¹⁰. Это назначение разъяснения закона судами совпадает с целями надзора и контроля, который надо отличать от целей правотворчества, оперативного исполнения или юрисдикции.

В современных условиях вопрос об актах толкования, принимаемых высшими судебными органами, ученые продолжают интерпретировать по-разному. Высказываются позиции, позволяющие отдельным авторам характеризовать соответствующие акты судебных органов как акты правотворчества²¹¹ и на этом основании утверждать о наличии в российской правовой системе судебного прецедента, который часто именуют прецедентом толкования²¹². В этом вопросе позиция, высказанная А. В. Мицкевичем, представляется более взвешенной, что подтверждается мнением тех ученых, которые настаивают на отсутствии в России судебного прецедента, на правоприменительном характере деятельности отечественных

²¹⁰ Мицкевич А. В. Правотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. — 1965. — № 11. — С. 55.

²¹¹ Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. — М.: Проспект, 2008. — С. 406.

²¹² Понятие «прецедент толкования» употреблял, например, А. Б. Венгеров. См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права. — М.: Юриспруденция, 2000. — С. 353.

судов, на необходимости различать акты правотворчества и акты толкования права²¹³.

А. В. Мицкевич акцентировал внимание на особенностях советского правотворчества. Он полагал, что в социалистическом обществе правотворчество, несмотря на разнообразие его государственных и общественных форм, по своему содержанию всегда остается выражением государственной воли советского народа. В правотворчестве получает выражение воля не только государственных органов, но и общественности, но лишь при наличии соответствующего государственного закона и по тем вопросам, которые, по признанию государства, имеют юридическое и государственное значение²¹⁴.

Резюмируя свои взгляды на сущность правотворческой деятельности, А. В. Мицкевич констатировал, что ей присущи следующие черты:

Во-первых, правотворчество — это конкретная деятельность государства, а в социалистическом обществе — еще и уполномоченных общественных организаций;

во-вторых, правотворчество — это завершающий этап социального процесса формирования правовых норм, в ходе которого воля господствующих классов, обусловленная еще и экономическими политическими и идеологическими факторами, трансформируется в общеобязательные правила поведения;

в-третьих, в современных условиях правотворчество осуществляется главным образом в форме издания нормативных актов, но при этом неразрывно связано со вспомогательными функциями разработки проектов

²¹³ См. напр.: Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 432 с.; Пашенцев Д. А. Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. — 2011. — № 4. — С. 77–80.

²¹⁴ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дис... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 20.

таких актов и их последующего упорядочения²¹⁵.

Во второй главе докторской диссертации А. В. Мицкевич рассматривает принципы советского правотворчества. К их числу он относит непосредственное и решающее участие широких масс трудящихся в процессе правотворчества, начала социалистического демократизма и интернационализма, последовательное осуществление полномочия советов, демократический централизм и законность правотворчества, руководство Коммунистической партией правотворческой деятельностью, научную обоснованность правотворчества, как в целом, так и в каждом конкретном случае. Отдельное внимание уделяется в главе актам референдума как непосредственного правотворчества народа, а также раскрывается вопрос о роли правовых обычаев в формировании норм советского права. Фактически А. В. Мицкевич, прежде чем исследовать акты органов государства, высказывает собственное развернутое и обоснованное мнение по ключевым вопросам теории правотворчества. Его большой вклад именно в теорию правотворчества был отмечен в отзыве официального оппонента на докторскую диссертацию С. С. Алексеева²¹⁶. По мнению ученого, подробное исследование вопросов правотворчества составляет одно из достоинств докторской диссертации А. В. Мицкевича. В то же время, как отмечает Алексеев, понятие правотворчества определено автором недостаточно точно. Мицкевич полагает и пишет в диссертации, что подготовка проекта нормативного акта, его создание и доработка не входят в содержание правотворчества, не являются его особой стадией. Подготовку проекта, по мнению А. В. Мицкевича надо принципиально отличать от самого процесса правотворчества как деятельности уполномоченных государственных органов по возведению воли народа в закон²¹⁷. Но далее А. В. Мицкевич

²¹⁵ Мицкевич А. В. Указ. соч. — С. 38.

²¹⁶ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 52.

²¹⁷ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 36.

утверждает, что подготовка проекта представляет собой функцию правотворчества, которую он характеризует как совещательную или вспомогательную. По мнению Алексеева, налицо явное противоречие: «трудно понять, каким образом подготовка проекта может быть функцией правотворчества, но не охватываться понятием правотворчества»²¹⁸.

С. С. Алексеев отмечал в своем официальном отзыве о докторской диссертации Мицкевича, что реальные правотворческие процессы не позволяют исключить подготовку проектов нормативных юридических актов из понятия правотворчества. Нужно только строго различать неофициальную и официальную подготовку. Если неофициальная подготовительная работа, какой бы авторитетной она ни была, не входит в правотворчество, то официальная подготовка проекта — это уже начало правотворчества. И это — юридический акт, с которого начинается официальный правотворческий процесс. Его можно квалифицировать как решение о необходимости правового урегулирования какого-либо вопроса, то есть решение о необходимости издания, изменения, или отмены нормативного правового акта²¹⁹. Применительно к данному аспекту предлагаем согласиться именно с позицией С. С. Алексеева и рассматривать подготовку проектов нормативных правовых актов как полноценную составную часть правотворческой деятельности. В данном случае правотворчество в его теоретическом понимании получает необходимую завершенность и целостность.

Несмотря на то, что не теория правотворчества, а источники права являлись главным предметом исследования в докторской диссертации, ее научная обстоятельность, типичная для автора, позволила ему внести большой вклад и в теорию правотворчества, раскрыв целый ряд ее положения принципиального характера. Эту проблематику он развивал и в более поздние периоды своего научного творчества.

²¹⁸ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 58.

²¹⁹ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 59.

В 1974 году под редакцией А. В. Мицкевича была подготовлена и опубликована коллективная монография «Правотворчество в СССР»²²⁰. В этой работе, обобщившей итоги многолетнего труда коллектива Института по проблемам правотворческой деятельности, А. В. Мицкевич не только выступил редактором книги, но и стал автором обширного материала – первой главы и шести параграфов во второй и третьей главах. Содержание этих материалов посвящено таким основополагающим для теории правотворчества вопросам, как социальные факторы формирования права, понятие правотворчества, источники права, правотворчество советского государства. При написании данных разделов ученый, к тому времени уже ставший доктором наук, получил возможность систематизированно изложить свои взгляды на важные теоретические вопросы, без решения которых невозможна концептуальная разработка целостной теории правотворчества. При этом он опирался на собственный опыт участия в законотворческой деятельности.

Страницы, написанные А. В. Мицкевичем в данной монографии, показывают, что он рассматривал правотворчество как сознательную деятельность людей, которая, в то же время, осуществляется не произвольно, а детерминирована совокупностью различных факторов. Таким образом, ученый ушел от прежнего понимания правотворчества как деятельности только государства, встал на позиции более широкого понимания правотворческой деятельности по сравнению со своими взглядами советского периода.

Оценивая социальные факторы в качестве предпосылки правотворчества, ученый относил к их числу факторы экономические, идеологические, политические. Непосредственной силой, создающей право, он считал деятельность государства, через которую и получают выражение факторы правотворчества. Такая деятельность государства, рассматриваемая как материальный источник права, детерминирована «материальными

²²⁰ Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. – М.: Юрид. лит., 1974. – 319 с.

условиями жизни классового общества, интересами и идеологией господствующего класса, соотношением классовых сил в данном обществе...»²²¹.

Характеризуя понятие правотворчества, А. В. Мицкевич пишет, что это – деятельность, «результатом которой является установление в обществе действующего права. Дальнейшее раскрытие понятия правотворчества зависит от того, что понимается в обществе под действующим правом»²²². Таким образом, ученый высказывает ту же позицию, которую ранее обосновал в монографии об актах государства, что вполне логично. Действительно, понятие правотворчества является производным от понятия права, и принятый тип правопонимания определяет и формулировку понятия правотворчества, а также ее содержательное раскрытие.

А. В. Мицкевич в указанной монографии дает определение правотворчества как особой формы или вида деятельности государства, состоящей в установлении, а также изменении и отмене правовых норм. Он полагает, что социальной силой, непосредственно создающей право, выступает государство, поэтому государственную власть можно считать социальным источником формирования права. Содержание правовых норм определяется политикой государства. В то же время, «правотворчество – не только содержание, но и организационно-правовая форма деятельности государства»²²³. Отсюда вытекает еще одно определение, сформулированное ученым в данной работе: правотворчество «представляет собой официальную организационно оформленную деятельность органов государства, направленную на создание правовых норм»²²⁴.

Ученый критикует распространенное в советской юридической литературе понимание правотворчества как деятельности по разработке и изданию нормативных правовых актов. Он отмечает, что в случае принятия

²²¹ Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 26.

²²² Правотворчество в СССР. – С. 29.

²²³ Правотворчество в СССР. – С. 35.

²²⁴ Правотворчество в СССР. – С. 35.

такого подхода вне рамок правотворчества окажутся такие его формы, которые не существуют в советском государстве, но развиты в ряде зарубежных стран и имели место в истории, как судебный прецедент и правовой обычай.

Наконец, еще одним важным аспектом стала обоснованная А. В. Мицкевичем взаимосвязь между способами правотворчества и источниками права в юридическом смысле, под которыми он понимал официальные формы установления и выражения правовых норм. К способам правотворчества, кроме принятых в советском государстве издания законов и подзаконных нормативных актов, он относил также санкционирование обычаев и признание прецедентов, а также заключение договоров с нормативным содержанием. Выделение официально признаваемых форм правотворчества представлялось А. В. Мицкевичу очень важным, так как выступало объективной необходимостью для осуществления правотворческой деятельности и правового регулирования общественных отношений.

Таким образом, вопросы теории правотворчества занимают важное место в научном наследии Алексея Валентиновича Мицкевича. Особенности его взглядов на эти вопросы определялись принадлежностью ученого к советской юридической науке, что означало отсутствие выбора применяемой методологии и ориентацию исключительно на марксизм в его советской интерпретации. Следствием стала трактовка правотворчества исключительно как деятельности государства, выражающей его волю. Такая деятельность оказывается социально детерминирована, определяется расстановкой классовых сил в обществе, то есть господствующей моделью производственных отношений. В последний период научного творчества ученый стал придерживаться более широкого подхода к пониманию правотворчества, не сводя соответствующую деятельность только к государству.

С современных позиций подход А. В. Мицкевича к пониманию

правотворчества, сформировавшийся в советский период, представляется слишком узким. Он соответствует общей линии советской юридической науки и практике советского государства, но не учитывает реалий некоторых принципиально иных правопорядков. Сегодня такая точка зрения стала объектом критики представителей самых разных направлений: социологической теории права, юснатурализма, либертарно-юридической теории и других. Исследователи отмечают, что в рамках такого подхода невозможно объяснить, например, особенности развития мусульманского права, феномен цыганского права, некоторые иные явления правовой реальности²²⁵.

Вместе с тем А. В. Мицкевич в своих работах не ограничивался только советской моделью правотворчества с присущими ей специфическими чертами. Он призывал учитывать наличие иных форм правотворческой деятельности, в том числе, существовавших исторически, а также принятых в зарубежных странах, включая, например, судебный прецедент. Это представляется вполне обоснованным, учитывая, что общая теория права призвана выявлять и изучать именно общие закономерности, не ограничиваясь спецификой права конкретного государства.

Конкретный вклад ученого в теорию правотворчества состоит в разработке и обосновании собственного подхода к ее научному определению, к пониманию фактов, детерминирующих правотворческую деятельность, к раскрытию взаимосвязи теории правотворчества и типов понимания права. Точка зрения ученого по поводу того, что правотворчество предполагает не только принятие, но также отмену или изменение правовых норм, введение их в действие, приостановление или распространение их действия, в современных условиях стала общепринятой. В целом, А. В. Мицкевича

²²⁵ См., напр.: Муромцев Г. И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Известия вузов. Правоведение. – 1992. № 2. – С. 25–27; Фридман Д., Лисон П., Скарбек Д. Правовые системы, сильно не похожие на нашу. – Челябинск: Социум, 2024. – 454 с.

можно считать одним из тех ученых, чьими усилиями была сформирована передовая отечественная школа правотворчества, которая и сейчас продолжает развиваться и реагировать на новые вызовы времени.

Таким образом, центральное место в научном творчестве А. В. Мицкевича занимал вопрос об актах государственных органов, который решался ученым в рамках широкого, взаимосвязанного и взаимозависимого предметного поля.

Прежде всего, концепция органов государства опиралась на общетеоретические подходы к пониманию нормативного правового акта, разработанные А. В. Мицкевичем. Важным вкладом в юридическую науку стало обоснование признаков нормативного правового акта, а также его отличия от актов ненормативных. Не ограничившись этим, ученый пошел дальше и сформулировал концепцию типичных и нетипичных нормативных правовых актов.

Кроме того, в связи с тем, что нормативный правовой акт А. В. Мицкевич рассматривал как один из важных источников права, логика научного исследования побудила его к тому, чтобы сформулировать собственный подход к пониманию источника права и его соотношения с формой права. При этом такой подход был в существенной степени оригинальным, не совпадал с теми взглядами, которые были присущи большинству теоретиков права того времени.

Исследование источников права и актов государственных органов определило необходимость обращение к их принятию и затем к общим проблемам правотворческой деятельности государства. Такой подход придал теоретико-правовым концепциям А. В. Мицкевича комплексный характер и определенную завершенность, стал важным свидетельством большого вклада ученого в теоретико-правовую науку. В современных условиях концепция актов государственных органов и, шире, нормативных правовых актов, разработанная А. В. Мицкевичем, остаётся основой соответствующих теоретических построений и практического нормотворчества. Она может

быть использована при формировании концепции упорядочения и развития нормативных правовых актов в условиях цифровизации.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРЕДПИСАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА

3.1. Нормативно-правовое предписание: концепция А. В. Мицкевича и последующая практика использования

Основу или догму теории государства и права составляет система научных понятий, по поводу которых учеными был достигнут определенный консенсус. Любые попытки привнести новое, ранее не употреблявшееся понятие, встречаются научной общественностью с известной настороженностью, и это не случайно. Такой консерватизм предохраняет юридическую науку от «размывания», от утраты своей сути и подлинной научности. Поэтому ученые, которым удается обосновать введение нового понятия в теорию государства и права, встречаются не так часто. А. В. Мицкевичу удалось доказать правомерность использования понятия «нормативно-правовое предписание» в новом, сугубо теоретическом значении. Как полагает М. Л. Давыдова, для этого сложились определенные объективные предпосылки, появилась потребность «заполнить своеобразный пробел, образовавшийся в понятийном аппарате науки»²²⁶.

Понятие нормативно-правового предписания впервые было введено в научный оборот А. В. Мицкевичем, именно с его подачи оно стало использоваться как самостоятельный термин. Под ним ученые понимал «самый текст статей пунктов или других грамматически и логически завершённых частей нормативных актов»²²⁷. Нормативно-правовое предписание — это то или иное логически завершённое положение, которое

²²⁶ Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание в теории права. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 3.

²²⁷ Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. — М.: Юрид. лит., 1967. — С. 34.

прямо сформулировано в тексте акта, принятого государственным органом, и содержит обязательное решение государственной власти²²⁸. Для нормативно-правового предписания характерно наличие определенного властного веления, грамматического закрепления в тексте правового акта и логической завершенности. До А. В. Мицкевича понятие нормативно-правового предписания обычно использовалось в качестве синонима правила, содержащегося в правовой норме, он же стал использовать его в качестве первичного элемента права.

А. В. Мицкевич отмечал, что большинство правовых предписаний совпадает со статьей, пунктом или абзацем статьи либо пункта юридического акта. Но правовые предписания могут быть выражены и во вводной части акта, а также в приложениях к нему. В качестве примера он называл перечень товаров, в отношении которых установлен определенный порядок утверждения цен. В итоге, как полагал А. В. Мицкевич, правовое предписание выделяется для того, чтобы определить нормативность текста акта и является важным вопросом для практики систематизации законодательства. Следовательно, введение его в юридическую теорию было действительно важным и нужным событием, значение которого удалось в полной мере оценить не сразу.

Введение в научный оборот понятия нормативно-правового предписания было вызвано дискуссиями теоретиков о норме права. К этому моменту сложились представления о том, что норма права состоит из трёх структурных элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. Такая структура нормы права до сих пор представлена практически во всех профильных учебниках. Вместе с тем возникали и продолжают возникать сложности, связанные с различием нормы права и статьи закона. Как правило, норма права никогда не совпадает с одной статьёй. В результате норма права стала

²²⁸ Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. — М.: Юрид. лит., 1967. — С. 34.

неким абстрактным понятием, которые было не всегда соотносимо с реальной системой права и ее элементами. Получалось, что норма права рассредоточена по различным статьям нормативного правового акта, а иногда даже по различным актам. В итоге существовала потребность выделения какой-либо минимальной и неделимой части, которую можно было бы рассматривать как единый элемент системы права, не разбросанный по разным актам. Кроме того, целый ряд правовых норм, таких как нормы-принципы, нормы-декларации, нормы-определения, коллизионные нормы не имеют классической структуры и не могут состоять из трех элементов. В итоге возникла потребность в усовершенствовании теории права для решения двух возникших проблем: несоответствия структуры нормы права тексту нормативного правового акта и «проблемы определения юридической природы государственно-властных велений, выходящих за рамки понятия» правовой нормы²²⁹. В связи с этим А. В. Мицкевич предложил использовать понятие нормативно-правового предписания, которое помогло бы выйти из столь затруднительной ситуации.

Нормативно-правовое предписание представляет собой небольшую и относительно обособленную частицу права. Оно не сводится к одному из структурных элементов правовой нормы, так как такие элементы не обладают логической завершенностью. При этом, будучи самостоятельным велением, нормативно-правовое предписание выступает в качестве составной части более сложных элементов системы права.

По мнению А. В. Мицкевича, для установления нормативности предписаний, различия между нормой как содержанием, то есть собственно предписанием, и формой ее выражения, то есть текстом статьи закона, не является существенным. Типичные предписания, содержащиеся в нормативном правовом акте, вполне можно назвать нормой в том смысле, что в таком предписании сама нормативность непосредственно вытекает из

²²⁹ Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание в теории права. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 5.

текста закона. Но общий характер предписаний государственных органов не всегда так очевиден. В актах государственных органов встречаются такие предписания, содержание которых не позволяет установить, применимы ли они к общественным отношениям в целом или только к какому-то отдельному отношению. В качестве примера ученый приводил различные акты, а также статьи таких актов, утверждающие структуру единичных государственных органов. Для таких примеров он использует понятие нетипичных предписаний.

А. В. Мицкевич отмечает, что нетипичные предписания не содержат прямого изложения в тексте определенных нормативных правил. Нормативность нетипичных предписаний выражена в их словесной формулировке. «Она вытекает из того, что они связаны с действием правовых норм, сформулированных в других предписаниях, и необходимо должны учитываться при применении этих правовых норм, например, структура органа всегда учитывается при утверждении ему штатного расписания, сметы, при разрешении ведомственных вопросов»²³⁰.

Нетипичные предписания, как полагал А. В. Мицкевич, обладают признаком нормативности наравне с предписаниями типичными. Но в этом случае нормативность вытекает не из самой формулировки текста, а из связи таких предписаний с действием норм, сформулированных в иных предписаниях. В качестве примеров ученый называет такие проявления воли законодателя, как утверждение структуры государственных органов или изменения государственной границы. В данных примерах он усматривает нормативность, понимаемую им как применимость к виду общественных отношений.

Сопоставляя норму права и нормативное предписание, А. В. Мицкевич отмечал, что в большинстве случаев даже типичные нормативные

²³⁰ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. Ч. 1. — С. 270.

предписания не содержат изложение всех трех общепринятых элементов структуры правовой нормы. Такое несовпадение статей нормативного акта с нормами права, по его мнению, вынуждены констатировать все ученые, признающие классическую трехчленную структуру правовой нормы. Например, статьи особенной части Уголовного кодекса ничего не говорят о правах и обязанностях, то есть не содержат диспозиции как составной части правовой нормы. В статьях Гражданского кодекса обычно изложена диспозиция, но при этом в них не содержится санкций. Те ученые, которые стараются доказать, что норма права — это не всегда правило поведения, фактически отождествляют понятие правовой нормы и нормативного предписания, хотя и утверждают обратное. Если учитывать многогранную связь различных предписаний и содержащих их правовых норм, то представляются излишними поиски для каждой нормы своей санкции или гипотезы, а также теряет смысл отрицание структурных элементов для каждой нормы. Разнообразная взаимозависимость норм права, вытекающая из его системного характера, обуславливает, что широкий круг правовых предписаний имеет нормативный характер, не совпадая при этом с содержанием правил поведения, вытекающая из сущности самого права как регулятора общественных отношений. Нормативные предписания могут охватывать лишь определенные условия или последствия поведения, предусмотренного иными предписаниями. Предписания носят нормативный характер и указывают, каков круг действия правовых норм в пространстве, по времени, по кругу лиц.

Развитие А. В. Мицкевичем учения о нетипичных предписаниях приобретает особую актуальность в условиях современного технологического развития, когда усложнение общественных отношений, расширение их пространства приводит к появлению в праве новых нетипичных образований. Одним из них выступают нетипичные (циклические) правовые массивы, концепция которых разрабатывается в Институте законодательства и сравнительного правоведения при

Правительстве Российской Федерации по инициативе директора Института, академика РАН Т. Я. Хабриевой²³¹. Это выступает в качестве еще одного подтверждения актуальности и практической востребованности идей А. В. Мицкевича.

А. В. Мицкевич в докторской диссертации настаивал на том, что понятие нормативно-правового предписания имеет выраженное практическое значение. Он отмечал, что при подготовке проектов нормативных актов всегда необходимо иметь в виду особенности выражения норм в статьях и пунктах нормативных актов. Нельзя, например, считать задачу установления правовой нормы решенной, если в законопроекте сформулировано содержание правила поведения, но не этим проектом, ни другими актами не установлены условия и пределы действия данного правила, а также ответственность за его неисполнение. Несовпадение нормы и статьи закона, по мнению А. В. Мицкевича, ориентирует законодателя на то, чтобы при подготовке проекта полностью решить задачу установления нового правила и обеспечить все необходимые условия для его применения.

Свою концепцию нормативно-правового предписания А. В. Мицкевич использовал для анализа система актов советского государства. В докторской диссертации он особое внимание уделил некоторым видам предписаний, рассмотрев каждый из них в рамках отдельной главы. К их числу относились нормативные предписания с конкретным адресатом; особые предписания организационного руководства хозяйственным и социально-культурным строительством; вспомогательные и производные нормативные предписания. В отдельном параграфе рассмотрены также рекомендательные нормативные предписания.

Представляет научный интерес точка зрения А. В. Мицкевича по поводу вспомогательных и производных нормативных предписаний, так как этот вопрос непосредственно связан с пониманием права, разнообразия его

²³¹ См.: Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–12.

форм и средств, с развитием законодательства и правового регулирования, с правотворческой деятельностью.

«Нормативно-вспомогательные предписания характеризуются тем, что в них нет прямых указаний на условия или содержание правового регулирования. Они непосредственно воздействуют не на общественные отношения, а на определенные свойства тех актов, в связи с которыми они изданы», - писал А. В. Мицкевич в докторской диссертации²³².

Ученый призывал различать вспомогательные и производные предписания, а также акты. Он называл производными только те акты и предписания, которые, в отличие от нормативно-вспомогательных, не просто отсылают к акту, но полностью или частично излагают содержание изменений²³³. В то же время, все эти акты, по мнению ученого, обладают признаками актов правотворчества, а потому должны рассматриваться именно в таком качестве. Кроме того, вопросы о таких актах постоянно решаются в процессе систематизации права.

Вспомогательные и производные нормативные предписания Мицкевич разделил на следующие виды:

- предписания об утверждении нормативных актов;
- поручения об издании нормативных актов;
- предписания об изменении и отмене ранее принятых норм и институтов;
- предписания о распространении действия ранее установленных норм;
- предписания о пределах действия конкретных нормативных актов во времени.

Отдельное внимание уделил А. В. Мицкевич отличиям нормативных предписаний от предписаний индивидуальных. Он отмечал, что для

²³² Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. – М., 1967. – С. 646.

²³³ Мицкевич А. В. Указ. соч. – С. 648.

нормативности предписаний принципиально важно найти именно их внешние признаки, которые показывают, имеет ли данное предписание значение для правового регулирования вида общественных отношений. Опираясь на ранее высказанные отечественными правоведами позиции, А. В. Мицкевич называет конкретные признаки нормативности правовых предписаний, которые отличают их от предписаний индивидуальных. К их числу он относит неконкретность адресата, возможность неоднократного применения предписание, сохранение действия предписания независимо от его исполнения. Практическое значение этих признаков очевидно. Поэтому А. В. Мицкевич оценивает их как внешнее выражение общего характера правовых норм. В качестве примера он приводит все статьи кодексов и Основ законодательства²³⁴.

Одним из признаков нормы права является то, что она распространяет свое действие на неопределенный круг лиц. В то же время, рассуждая о нормативно-правовом предписании, А. В. Мицкевич выделял в советском праве нормы, имевшие конкретного адресата, устанавливавшие правовой статус индивидуально определенных субъектов. К числу таких предписаний он относил статьи Конституции о полномочиях высших органов государственной власти и органов государственного управления союзных и автономных республик, о компетенции местных советов, нормы законов о бюджетных правах Союза и союзных республик и другие. Ученый также выделял предписания, устанавливавшие правовой статус индивидуально определенных субъектов, например статьи Конституции, устанавливавшие полномочия Верховного Совета СССР, Совета министров СССР и так далее. Мицкевич отмечал, что «подобные акты определяют компетенцию одного органа, а не вида субъектов, как это имеет место в типичных нормативных

²³⁴ См.: Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 275—284.

актах»²³⁵. По его мнению, установление нормативности данного вида актов встречает сложности только в теории, поскольку эти акты имеют конкретных адресатов, но на практике нормативность актов о правах и обязанностях единичных органов не вызывает никаких сомнений, так как здесь налицо другие признаки, а именно возможность неоднократного применения и действия независимо от исполнения актов.

Акты о правовом статусе единичных субъектов устанавливают конкретное содержание правил деятельности в отношении данных субъектов и потому не могут рассматриваться как акты, имеющие конституционное значение. Их правовая природа неразрывно связана еще и с функциями той конкретной организации, которой адресованы данные нормы. Акты о правовом статусе любого единичного субъекта в одинаковой степени являются нормативными, полагал Мицкевич, поскольку устанавливают исходные начала, права и обязанности, предметы введения, порядок деятельности данного субъекта, что относится к нормативному регулированию.

А. В. Мицкевич отмечал, что в структуре советского государства немало таких органов, к которым не применимы типовые положения, в связи с чем возникает необходимость установления индивидуальных предписаний, определяющих условия и порядок формирования и деятельности данных органов. Принимаемые в связи с этим нормы права имеют конкретного адресата, но это не влияет на нормативное значение соответствующих актов.

Стоит отметить, что понятие нормативно-правового предписания в его интерпретации Мицкевичем вызвало возражения у отдельных ученых. Сергей Сергеевич Алексеев, выступая официальным оппонентом на защите докторской диссертации А. В. Мицкевича, остановился в своем отзыве на этом вопросе достаточно подробно. По его мнению, в диссертации Мицкевича недостаточно учтено одно из ключевых положений современной теории права, а именно положение о системности юридических норм. По

²³⁵ Мицкевич А. В. Указ. соч. – С. 562.

мнению С. С. Алексеева, недостаточный учет А. В. Мицкевичем положения о системности права проявился, прежде всего, при характеристике им структуры правовой нормы. Сконструировать норму права, состоящую из трех элементов, можно лишь тогда, когда мы признаем взаимосвязь между такими нормами, писал А. В. Мицкевич. В силу логической взаимосвязи между нормами права гипотеза одной нормы может одновременно служить гипотезой или даже диспозиции другой нормы. Об этом Мицкевич пишет на странице 274 своей диссертации²³⁶. По мнению С. С. Алексеева, это и есть признание того, что между нормами произошла своего рода специализация, что выделились охранительные, закрепительные и другие разновидности норм, которые действуют в сочетании и взаимодействия. Но А. В. Мицкевич, по мнению оппонента, не замечает того, что все эти качества, присущие нормам, проявляются именно в системе норм, а не в каждой отдельно взятой норме. В связи с этим А. В. Мицкевич не использует абстрактное построение, каковым является норма с тремя элементами, но вместо понятия нормы вводит новое понятие - правовое предписание. Под правовым предписанием Мицкевич понимает «то или иное логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательные для других субъектов решения государственной власти»²³⁷. По мнению С. С. Алексеева, таким образом, понимаемое нормативное предписание — это и есть норма права. И в диссертации, там, где по ходу изложения нужно использовать понятие нормы права, А. В. Мицкевич говорит главным образом о нормативных предписаниях²³⁸.

Стоит отметить, что в дальнейшем С. С. Алексеев, по всей видимости, признал перспективность понятия нормативно-правового предписания, так

²³⁶ Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — С. 274.

²³⁷ Там же. — С. 267.

²³⁸ Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Л. 60.

как стал использовать и развивать его в своих работах²³⁹. Он подчеркивал, что в нормативно-правовом предписании выражается единство формы и содержания права, так как оно содержит и властное веление, и минимальный текстовый элемент права²⁴⁰. В то же время, в отличие от Мицкевича, понимавшего под нормативно-правовым предписанием минимальную единицу текста правового акта, С. С. Алексеев трактовал данное понятие как элемент содержания права.

Несмотря на критику, предложенная А. В. Мицкевичем трактовка нормативно-правового предписания была признана многими учеными, в том числе, работавшими в ВИЮН и затем ВНИИСЗ. Более того, она «положила начало сразу нескольким научным дискуссиям, сохраняющим свою актуальность до сих пор: дискуссиям о типичных и нетипичных нормативно-правовых предписаниях, о соотношении предписания и нормы права, о взаимосвязи нормативного предписания с системой права и системой законодательства»²⁴¹. Само явление нетипичности в праве, которому уделяется не так много внимания в современной научной литературе, заслуживает самого пристального внимания ученых.

В ходе научных дискуссий сложилось две основных позиции применительно к понятию нормативно-правового предписания, обоснованного А. В. Мицкевичем. Первая точка зрения основана на том, что нормативно-правовое предписание можно считать минимальной структурной частью текста нормативного акта. Вторая точка зрения основана на том, что нормативно-правовое предписание можно признать исходным элементом системы права или системы законодательства. В конечном итоге эти две позиции разделяет принципиальный подход - признать нормативно-правовое предписание элементом формы либо элементом содержания права.

²³⁹ См.: Алексеев С. С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 81–118.

²⁴⁰ Алексеев С. С. Указ. соч. – С. 83.

²⁴¹ Давыдова М. Л. А. В. Мицкевич – основоположник теории нормативно-правового предписания // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых–юристов. – М.: ИЗиСП, 2011. – С. 101.

По мнению М. Л. Давыдовой, обстоятельно исследовавшей данный вопрос, перенос нормативно-правового предписания в систему права фактически приводит к отождествлению нормы и предписания, которое в свою очередь заимствует у нормы трехчленную структуру либо вытесняет норму с положения первичного элемента системы права²⁴². В результате подобный подход оказывается достаточно бесплодным в научном плане. В этом случае выделение нормативно-правового предписания как отдельного понятия ничего в итоге не дает для развития теории права. Позволим себе согласиться с данной точкой зрения, которая соответствует изначальной идее А. В. Мицкевича о нормативно-правовом предписании.

Норма право – это всегда определенное правило поведения. Но существуют и нетипичные нормы, которые не содержат такого правила: нормы-принципы, нормы-дефиниции, бланкетные нормы и т. д. Нормативно-правовое предписание является не правилом поведения, а элементом структуры правового текста. При таком понимании оно позволяет оставить норму только правилом поведения, а для нетипичных норм, обозначенных выше, использовать именно это понятие. В данном случае решается одно из важных теоретических противоречий, которое ставит под сомнение принятые представления о норме права, позволяет и дальше использовать понятие нормы в данном значении.

Напротив, если следовать первому подходу, то использование понятия нормативно-правового предписания как первичного элемента системы законодательства позволяет предпринять попытку дальнейшего выстраивания правовой теории и ее развития.

А. В. Мицкевич ставил вопрос о разграничении типичных и нетипичных правовых предписаний. Большое значение в данном контексте он придавал нормативности как одному из важнейших признаков нетипичных предписаний. Их нормативность, по мнению ученого, вытекала из того, что

²⁴² Давыдова М. Л. А. В. Мицкевич – основоположник теории нормативно-правового предписания. – С. 103.

они связаны с действием правовых норм, сформулированных в других предписаниях, и должны учитываться при применении этих норм. В качестве типичных он рассматривал такие предписания, у которых есть все признаки нормативности, то есть возможность неоднократного применения, сохранение своего действия и неконкретность адресата. Такими признаками обладают нормы права, которые и можно считать типичными предписаниями.

В целом учение А. В. Мицкевича о нормативно-правовом предписании стало с одной стороны, логичным продолжением его концепции актов государственных органов, с другой стороны, частью его учения об этих актах, так как именно в таких актах и содержатся нормативно-правовые предписания. Поэтому целостность теоретико-правовой концепции А. В. Мицкевича достигается, в числе прочего, синтезом различных ее структурных частей, неразрывно соединенных общим предметом и методами исследования, общей ролью в правовом регулировании общественных отношений.

Важность для науки предложенного А. В. Мицкевичем понятия нормативно-правового предписания определяется, в числе прочих аргументов, тем, что целый ряд теоретиков права в своих работах, в том числе диссертационных исследованиях, предпринял попытку не просто использовать, но и развить его. Ученые исследовали понятие нормативно-правового предписания, его виды²⁴³, роль таких предписаний в формировании законодательства, критерии разграничения нормативных и ненормативных предписаний²⁴⁴. Например, А.С. Пиголкин и Н.Н. Вопленко отмечали, что анализ содержания нормативных правовых актов должен основываться на четком понимании тех предписаний, которые составляют его

²⁴³ Парфентьев А. Л. Нормативно-правовое предписание и его виды. Дисс... канд. юрид. наук. – М., 1980; Пиголкин А. С., Вопленко Н. Н. Основные виды правовых предписаний в советском законодательстве // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. – Вып. 16. – М., 1979.

²⁴⁴ Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 1991.

структуру. Они констатировали, что понятие правового предписания получает все большее признание, ссылаясь при этом как на работу Мицкевича, так и на труды его последователей. По мнению указанных авторов, в понятии нормативного правового предписания «следует выделить два основных аспекта: логически завершенное государственно-властное веление общего характера; текстуальное выражение государственного веления в виде знаков письменной речи, составляющих содержание конкретных правовых актов»²⁴⁵. Не любая мысль законодателя, даже логически вполне законченная, выступает в виде правового предписания, поскольку таковым является только государственно-властное веление. С точки зрения внутреннего содержания правовое предписание всегда несет в себе государственный императив, который выражен в той или иной допустимой форме. Направленность на регулирование общественных отношений сообщает предписанию конкретные черты, характерные для той или иной его разновидности. Поэтому правовые декларации, определения, принципы и нормы-правила поведения являются лишь различными способами выражения государственно властных велений.

Опираясь на понятие нормативного правового предписания, указанные авторы проанализировали природу и значение правовых деклараций и правовых определений, правовых принципов, остановились на нормах-целях. Таким образом, понятие нормативного правового предписания сыграло важную методологическую роль, помогло решить конкретные исследовательские задачи по осмыслению структуры права. Например, правовые определения рассмотрены учеными как разновидность нормативно-правовых предписаний, которая представляет собой четкие и логичные суждения законодателя о сущности тех или иных правовых понятий, фиксируют их основные признаки. «Наиболее важные и сложные понятия

²⁴⁵ Пиголкин А. С., Вопленко Н. Н. Основные виды правовых предписаний в советском законодательстве. – С. 12.

права формируются законодательно в виде определений»²⁴⁶. Они могут быть сформулированы в виде части или отдельной статьи нормативного акта.

В рассматриваемой статье получила подтверждение и развитие высказанная А. В. Мицкевича мысль о том, что правовые декларации, определения и принципы, которые закреплены законодательно, способствуют обеспечению единых основ правового регулирования. При этом они непосредственно сами не регулируют поведение людей и конкретные виды отношений, их не применяют субъекты права. Тем не менее, эти положения тоже представляют собой юридические явления и могут быть отнесены к нормативно-вспомогательной части права, они обслуживают процессы подзаконного правотворчества и реализации права.

Помимо указанных авторов, идею А. В. Мицкевича о нормативно-правовом предписании восприняли и другие советские теоретики, исследовавшие структуру права и правовой нормы. Они стали активно использовать данное понятие именно в том значении, в каком предложил это делать А. В. Мицкевич, опираться на его аргументы при выстраивании логики своих научно-теоретических рассуждений²⁴⁷. Дискуссия развернулась по вопросу о том, считать ли нормативно-правовое предписание первичным элементом системы законодательства или системы права. М. Л. Давыдова справедливо полагает, что в основе данной дискуссии лежит диалектическое противоречие формы и содержания. По ее мнению, развернувшиеся дискуссии свидетельствуют о том, что нормативно-правовое предписание символизирует единство формы и содержания, это «и есть само право, его нерасчлняемый минимальный элемент»²⁴⁸.

²⁴⁶ Пиголкин А. С., Вопленко Н. Н. Указ. соч. – С. 16.

²⁴⁷ См. напр.: Апт Л. Ф., Кененов А. А. К вопросу об элементах и структуре советского права // Вестник МГУ. Серия 11. 1973. № 3; Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. – М.: Наука, 1987; Розин Л. М. Вопросы теории актов советского государственного управления и практика органов внутренних дел. – М.: Акад. МВД СССР, 1974 и др.

²⁴⁸ Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание в теории права. – Волгоград: Изд-во ВлГУ, 2003. – С. 8.

Процитированная выше М. Л. Давыдова внесла существенный вклад в дальнейшую разработку понятия нормативного правового предписания, посвятив ему специальную монографию²⁴⁹. Достоинством данной работы является то, что она, с одной стороны, опирается на концепцию А. В. Мицкевича, приводит дополнительные ее обоснования, с другой стороны, развивает его идею о нормативно-правовом предписании, выделяя типы предписаний, составляющих нормативно-вспомогательную часть права.

На основе тщательного анализа представленный в отечественной юридической литературе концепций нормативного правового предписания М. Л. Давыдовой сделан вывод, что данным понятием можно оперировать при решении целого ряда теоретико-правовых задач. К их числу цитируемый автор относит следующие: исследуя систему права для определения ее минимального начального элемента; исследуя исходную структурную единицу нормативно-правового акта; «изучая проблему единства, целостности, согласованности законодательства как системы»; используя данное понятие в качестве категории законодательной техники; рассматривая его как категорию правовой науки²⁵⁰.

Подчеркивая значение вклада А. В. Мицкевича, М. Л. Давыдова отмечает, что ему при формулировании определения нормативно-правового предписания удалось подчеркнуть самые важные, основополагающие черты данного понятия: логическая завершенность, грамматическая выраженность, общеобязательность, воля государства. В совокупности указанные признаки характеризуют и формальные и содержательные черты нормативно-правового предписания. В связи с этим, последующие в разработке данной проблематики авторы, как правило, не стремились давать собственных определений, опираясь на понятие, сформулированное и обоснованное Мицкевичем. Исключением стал С. С. Алексеев, который в работе

²⁴⁹ Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание в теории права. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 214 с.

²⁵⁰ Давыдова М. Л. Указ. соч. – С. 21.

«Структура советского права» сформулировал собственное определение нормативно-правового предписания, в котором к признакам, ранее обозначенным А. В. Мицкевичем, добавил еще три: цельность; нормативный характер; элементарный характер²⁵¹.

Позднее в учебнике под редакцией В. В. Лазарева появилось еще одно определение нормативно-правового предписания. Оно трактовалось как государственно-властное веление, получающее логически завершенное, формально определенное закрепление в официальном тексте²⁵². Таким образом, авторы учебника к признакам нормативного правового предписания добавили формальную определенность, которая обычно указывается в числе признаков правовой нормы. Представляется, что в данном случае несколько стирается грань между правовой нормой и нормативно-правовым предписанием, и потому такой подход нуждается в дополнительном обосновании.

В научной литературе предпринимались и иные попытки развивать предложение А. В. Мицкевича по поводу использования понятие «нормативно-правовое предписание», разрабатывает его новые признаки. Наиболее полно такие предложения обобщены в монографии М. Л. Давыдовой²⁵³. Все они свидетельствуют о восприятии научным сообществом идеи А. В. Мицкевича, которая оказалась перспективной в контексте дальнейшего развития теории права в русле углубления понимания первичных элементов права и их признаков. О перспективности данного понятия в контексте разработки системных представлений о законодательстве писал, в частности, А. П. Заец²⁵⁴.

Исследование научной полемики по поводу понимания нормативно-правового предписания и его соотношения с нормой права показывает, что в

²⁵¹ Алексеев С. С. Структура советского права. — М.: Госюриздат, 1975. — С. 81.

²⁵² Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — С. 201.

²⁵³ Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание в теории права. — С. 23–25.

²⁵⁴ Заец А. П. Система советского законодательства: Проблемы согласованности / АН УССР, Ин-т государства и права. — Киев: Наук. думка, 1987. — 97 с.

наибольшей степени данное понятие разработано и обосновано применительно к существующим проблемным вопросам теоретико-правовой науки в работах М. Л. Давыдовой. Полагаем, что именно такое понимание нормативно-правового предписания является наиболее перспективным в теоретико-правовом отношении. Во-первых, оно развивает саму идею Мицкевича, показывает не только ее жизнеспособность, но и перспективы для дальнейших теоретико-правовых исследований. Во-вторых, оно может быть использовано при анализе текстов нормативных правовых актов, вычленения элементов их структуры, а также для структурирования текста при подготовке проектов новых актов.

Развивая идею А. В. Мицкевича о нетипичных правовых предписаниях, М. Л. Давыдова разработала типологию правовых предписаний, составляющих нормативно-вспомогательную часть права. К их числу она отнесла правовые декларации, правовые принципы, правовые дефиниции. Проведенное М. Л. Давыдовой исследование, отразившееся в успешной защите соответствующей докторской диссертации, убедительно свидетельствует о том, что предложенное и обоснованное А. В. Мицкевичем понятие нормативно-правового предписания оказалось востребованным теоретико-правовой наукой и послужило основой для ее дальнейшего развития.

Таким образом, А. В. Мицкевич первым в отечественной юридической науке предложил использовать понятие нормативно-правового предписания в качестве исходной единицы структуры права, дал его определение и обосновал основные признаки: логическую завершенность, грамматическую выраженность, общеобязательность, волю государства. Также он разграничил типичные и нетипичные нормативные предписания, обосновал правомерность существования последних. Идеи А. В. Мицкевича о нормативно-правовом предписании были восприняты учеными-правоведами, они послужили основой для дальнейшего развития теоретико-правовой

науки, в том числе, для решения проблемы несоответствия правовой нормы и статьи закона.

В настоящее время правовая категория «нормативно-правовое предписание» играет важную роль в исследованиях системы права, ее соотношения с системой законодательства, структуры нормативного правового акта. Также она представляется перспективной для исследования вопросов совершенствования законодательной техники. Использование данного понятия в теоретико-правовых исследованиях позволяет развивать учение о нормах права, их структуре, а также сформировать новые положения о правовом тексте как важном элементе структурирования правовой реальности. Представления А. В. Мицкевича о нормативно-вспомогательной части права сохраняют свою актуальность для понимания сущности и природы права, механизма его воздействия на общественные отношения. Они помогают понять соотношение основных и вспомогательных норм и актов, на этой основе глубже понять природу права, которое включает в себя не только нормы, но и вспомогательные элементы. Таким образом, концепция нормативно-правовых предписаний, разработанная А. В. Мицкевичем, открывает дорогу для новых теоретико-правовых исследований.

3.2. Разработка концептуальных вопросов системы права и систематизации законодательства

Вопросы систематизации законодательства занимали важное место в деятельности ВНИИСЗ, поэтому в их научно-теоретическом обосновании принимал активное участие и А. В. Мицкевич. Кроме того, по мнению самого ученого, эти вопросы были тесно связаны с его главной тематикой – с актами государственных органов. А. В. Мицкевич писал: «Наиболее тесно учение о нормативных актах связано с практикой систематизации законодательства, а последнее в свою очередь непосредственно обогащает

научные положения и выводы о природе нормативного акта»²⁵⁵. Начальным этапом систематизации, отмечал ученый, является отбор нормативных актов из всей массы актов государственных органов, поэтому для решения данной задачи важнейшее значение имеет правильное определение понятия «нормативный правовой акт». Поэтому А. В. Мицкевич, много лет посвятивший исследованию нормативных правовых актов, активно включился и в исследование систематизации права.

Главную роль в разработке вопросов систематизации законодательства, как в теоретическом отношении, так и применительно к практике, играли И. С. Самощенко, С. Н. Братусь, другие ученые, работавшие в 1960-70-е годы в Институте²⁵⁶. Под редакцией И. С. Самощенко и С. Н. Братуся был издан ряд работ, которые фактически сформировали советскую теорию систематизации и позволили приступить к практической подготовке Свода законов СССР²⁵⁷. Вклад И. С. Самощенко вообще сложно переоценить: «Ученый стоял у истоков нового направления в юридической теории и практике. Его работы позволили впервые представить систематизацию как определенную государственную функцию»²⁵⁸. В трудах, выходявших под его редакцией, теория систематизации была выведена на новый теоретический уровень, сформирован ее понятийный аппарат. Впервые было разработано господствующее сегодня представление о видах систематизации: консолидация, инкорпорация, кодификация²⁵⁹.

²⁵⁵ Мицкевич А. В. Нормотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. — 1965. — № 11. — С. 49.

²⁵⁶ Подобно участие Института в правосистематизационной деятельности раскрыто в издании: Летопись российской юридической науки в 5 тт. / под ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: Юриспруденция, 2023.

²⁵⁷ См., напр.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. — М.: Юридическая литература, 1962.

²⁵⁸ Вопросы теории права в трудах ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: Юриспруденция, 2025. — С. 63—64.

²⁵⁹ Теория систематизации законодательства: в 2 т. Т. 1: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. Репр. изд. — М.: Юриспруденция, 2023. — С. 31.

А. В. Мицкевич несмотря на то, что не занимал лидирующих позиций в теории систематизации, сумел внести в ее свой весомый вклад, причем сразу по нескольким направлениям.

Первым таким направлением стал вопрос о соотношении системы права и системы законодательства, имеющий непосредственное значение для теории и практики систематизации и потому продолжающий привлекать активное внимание ученых. В 1967 г. А. В. Мицкевич посвятил этому вопросу специальную статью, в которой высказал собственный обоснованный взгляд на проблему, причем весьма новый для того времени. Он писал, что «...нормы права “не распределяются” на отрасли», но «законодатель распределяет нормы права по отраслям либо путем кодификации, либо установлением связи между ними в другой форме», добавляя при этом, что «система права складывается... в результате законодательной деятельности государства и существует в рамках определенной системы законодательства... а не вне и независимо от нее»²⁶⁰.

А. В. Мицкевич полемизировал с О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским, которые исходили из первичности системы права по отношению к системе законодательства. Вслед за С. М. Корнеевым ученый настаивал, что объективными и первичными по отношению и к системе права, и к системе законодательства выступают общественные отношения. В то же время «вне законотворческой деятельности, без наличия нормативных правовых актов как основного источника права невозможно говорить о системе права и его отраслях»²⁶¹.

Вслед за другими советскими теоретиками А. В. Мицкевич признавал важную особенность советского права, которую он справедливо усматривал в отсутствии его деления на частное и публичное. При этом ученый отмечал специфику советского права, которое уделяло «большое внимание решению

²⁶⁰ Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 11. — 1967. — С. 10.

²⁶¹ Там же. — С. 11—12.

социальных проблем, что выразилось в выделении отраслей трудового, семейного права, права социального обеспечения...»²⁶². Таким образом, ученый обратил внимание на роль государства в выделении определенных отраслей права, и связал эту роль с интересами господствующего класса, заинтересованного в данном случае в социальном развитии общества.

Общепризнанным для советской юридической науки стало признание двух критериев, применявшихся для выделения и разграничения отраслей права: предмета и метода. Мицкевич присоединился к тем авторам, которые предлагали использовать также и третий критерий для выделения отраслей, а именно интерес господствующего класса в выделении данной отрасли права²⁶³. Сегодня в связи с изменившейся политико-идеологической ситуацией данный критерий, основанный на присущей марксизму классовой теории, не применим для дальнейшего развития теории отраслей права. В то же время вопрос о дополнительных критериях представляется очень важным в связи с ростом количества отраслей как следствием усложнения общественных отношений. В современной ситуации, когда ученые предлагают выделять все новые и новые отрасли права (спортивное, транспортное, энергетическое, трубопроводное и т. д.)²⁶⁴, вопрос о критериях такого выделения уже не укладывается в традиционные рассуждения о предмете и методе, нуждается в дополнительном обосновании. Игрет свою роль и появление циклических правовых массивов, которые могут аккумулировать достаточно большое количество норм, но при этом не входят

²⁶² Мицкевич А. В. О научных основах становления и развития системы отраслей российского федерального законодательства // Тезисы докладов и сообщений на научной конференции «Российское законодательство: проблемы и перспективы», посвященной 70-летию ИЗиСП / гл. ред. Л. А. Окуньков. — М.: ИЗиСП, 1995. — С. 3.

²⁶³ Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства. — С. 15. См. также: Вопросы теории права в трудах ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: Юриспруденция, 2025. — 192 с.

²⁶⁴ См., напр.: Гордов О.А. К понятию энергетического права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. — 2010. Вып. 1. — С. 26–38.

ни в одну отрасль права²⁶⁵. Поэтому на повестке дня стоит задача модернизации существующей системно-правовой теории. Соответствующие вопросы обсуждались на Общероссийском годовом собрании теоретиков права в 2025 г.²⁶⁶. Позиции, предлагавшиеся А. В. Мицкевичем, пусть и не в полной мере отвечают современным представлениям, но могут быть использованы в контексте соответствующих научных дискуссий, послужить основанием для дальнейшего поиска новых решений, ориентированных на практику.

А. В. Мицкевич обратил внимание на проблему так называемых «комплексных» отраслей. Он полагал, что одним из критериев выделения самостоятельных отраслей следует рассматривать «неприменимость к отношениям, регулируемым данной отраслью права, норм... других отраслей права»²⁶⁷. Поэтому комплексные отрасли – это «несамостоятельные области законодательства»²⁶⁸, для их полноценного действия необходимо применение норм, принадлежащих к различным отраслям права.

Как отмечает ученица А. В. Мицкевича Н. В. Путило, ученый, рассуждая о комплексных массивах в праве, особо выделял комплексный массив социального права, в котором предлагал соединить регулирование всех вопросов, относившихся к социальному обеспечению, здравоохранению, образованию²⁶⁹. Эта идея представляется перспективной и в современных условиях в контексте развития и реализации конституционного положения о социальной государственности, возрастания количества таких норм в российской правовой системе.

²⁶⁵ См.: Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18.

²⁶⁶ См.: Лазарев В. В. От устоявшихся концепций к современным новациям в работах по систематизации законодательства // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29. – № 6. – С. 5–14.

²⁶⁷ Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве. – С. 17.

²⁶⁸ Там же. – С. 18.

²⁶⁹ Путило Н. В., Пашенцев Д. А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 6. – С. 156.

Вопросы, связанные с системой права и системой законодательства, А. В. Мицкевич продолжал исследовать и в постсоветский период. В 1995 г. он выступил с докладом на конференции «Российское законодательство: проблемы и перспективы», посвященной 70-летию Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Доклад А. В. Мицкевича был посвящен научным основам становления и развития системы отраслей российского федерального законодательства. Ученый отметил, что законодательство всегда стремится к упорядочению и системе, а в переходный период, связанный со становлением советского государства, в данной сфере наблюдается определенный «беспорядок».

Характеризуя соответствующие представления, характерные для советской юридической науки, А. В. Мицкевич писал: «В советской правовой науке сложились представления о принципиальном отличии системы права, которая признавалась складывающейся объективно, от системы законодательства, которая признавалась "логической системой", создаваемой при систематизации законодательства по различным признакам, совпадающим не только с признаками отраслей права, но и с комплексными массивами (отраслями), создаваемыми якобы для удобства пользования законами»²⁷⁰.

Названная характеристика, по мнению ученого, происходила из постулируемого марксизмом приоритета объективного над субъективным. Однако система правовых норм, отмечал А. В. Мицкевич, «не может рассматриваться как объективный фактор по отношению к законодательству. Право в его позитивном, юридическом смысле — содержание законодательства (как и других источников права)»²⁷¹.

²⁷⁰ Мицкевич А. В. О научных основах становления и развития системы отраслей российского федерального законодательства // Тезисы докладов и сообщений на научной конференции "Российское законодательство: проблемы и перспективы", посвященной 70-летию ИЗиСП / гл. ред. Л.А. Окуньков. — М.: ИЗиСП., 1995. — С. 3.

²⁷¹ Там же. — С. 4.

Система законодательства, по мнению ученого, представляет собой продукт юридической науки. Она создается на основе научного изучения системы права с учетом реальных потребностей общества. На нее влияют как общественные отношения, так и потребности юридической практики.

Ученый обосновал взаимосвязь между системой законодательства и особенностями регулирования экономики. Он отмечал, что структура основных отраслей советского законодательства 1920-х годов в значительной мере совпадала с системой законодательства государств континентальной Европы. Имелись и принципиальные отличия. Первое из них заключалось в отрицании советскими юристами деления права на публичное и частное. На практике это привело к огосударствлению правовых основ регулирования хозяйства, к расширению государственных полномочий и даже к репрессиям по отношению к инакомыслящим.

Второе отличие состояло в том, что советское право было в гораздо большей степени ориентировано на решение социальных проблем. Это повлекло за собой выделение таких отраслей, как трудовое, семейное право и право социального обеспечения. Еще одним следствием стал контроль за уровнем потребительских доходов граждан, а также за супружескими отношениями.

А. В. Мицкевич и в этот сложный период был далек от того, чтобы критиковать советский юридический опыт. Он подчеркивал, что в советском государстве, несмотря на его декларируемую социалистическую природу, сложилась, в основном, «общепризнанная для европейской континентальной правовой семьи система отраслей права и моноотраслевого законодательства. В целом система права не была порочной, и в своей основе сохраняет свое значение и сегодня»²⁷².

Ученый несколько смягчил свою прежнюю позицию по отношению к комплексным отраслям. Он писал, что «в отличие от обособленных отраслей права комплексные массивы отражают необходимые в современных

²⁷² Там же. – С. 4.

условиях процессы интеграции социальных институтов или подотраслей, нормы которых не должны противоречить нормам отраслевого законодательства, но обладают правом применения в соответствующей сфере по принципу "специальный закон отменяет общий закон"²⁷³.

А. В. Мицкевич полагал, что комплексные массивы нормативных актов по мере развития и усложнения общественных отношений играют возрастающую роль, в том числе в количественном отношении. Они «находят свое самостоятельное место» в общей системе законодательства, которое определяется с учетом существования и роли основных обособленных отраслей права. Данная идея получила свое развитие в концепции циклических правовых массивов, которые также существуют параллельно основным отраслям законодательства и вызваны к жизни усложнением общественных отношений²⁷⁴. Поэтому теория циклических правовых массивов, разрабатываемая в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации²⁷⁵, в определенной мере является развитием идей Мицкевича о системе права и системе законодательства, сочетанием объективного и субъективного в их контурах и структуре.

Размышления А. В. Мицкевича о системе права и системе законодательства имели непосредственный практический выход на проблемы систематизации, типичные для 1990-х годов. По его мнению, с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года открылись возможности не только для последующего развития системы законодательства, но и для

²⁷³ Там же. — С. 4–5.

²⁷⁴ Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. — 2019. № 12. — С. 5–18.

²⁷⁵ См., напр.: Абдиева Д. А. Циклические правовые массивы как нетипичные образования в системе права шестого технологического уклада // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. — 2024. № 2. — С. 68–77; Залоило М. В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государствоведение. — 2019. № 1. — С. 16–24 и др.

систематизации. Например, ученый приветствовал работы по кодификации семейного и трудового права, ставил вопрос о систематизации в таких основных отраслях публичного права, как уголовное, уголовно-исполнительное, административное и некоторые другие. В то же время он отрицал наличие в новых условиях самостоятельного предмета регулирования у хозяйственного права, так как «отношения в области хозяйства (предпринимательства) регулируются ныне административным или финансовым правом, а экономические – гражданским»²⁷⁶. По мнению А. В. Мицкевича, предпринимательское, или хозяйственное, законодательство будет развиваться как комплексный массив с учетом необходимости государственного регулирования экономики, но с приоритетом при этом гражданско-правовых норм. Современная правовая практика подтверждает данное предположение.

Также ученый в очередной раз поставил вопрос о целесообразности выделения права социального обеспечения в самостоятельную отрасль. Он писал о социальном праве как комплексном массиве, призванном интегрировать широкий спектр норм, относящихся к социальному обеспечению населения, а также сферам образования и здравоохранения. В последующем данная идея получила развитие при разработке и принятии ряда социальных кодексов в субъектах федерации и в подготовке проекте Социального кодекса на федеральном уровне²⁷⁷. Несмотря на то, что Социальный кодекс в России так и не был принят, его идея продолжает существовать, в том числе и потому что она основана на определенных закономерностях развития социального законодательства и изменением его места в системе российского законодательства, о чем в начале 1990-х справедливо писал А. В. Мицкевич. Стоит отметить, что примерно в это же

²⁷⁶ Мицкевич А. В. О научных основах становления и развития системы отраслей российского федерального законодательства. – С. 5.

²⁷⁷ См.: Аристов Е. В. Концепция проекта социального кодекса Российской Федерации // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. – 2018. – Т. 43, № 3. – С. 509–518.

время Ю. А. Тихомиров выдвинул предложение о разделении права на публичное, частное и социальное, тем самым также признавая особую роль массива социальных норм²⁷⁸.

Вклад А. В. Мицкевича в теорию и практику систематизации вовсе не ограничивался его работами по системе права и системе законодательства. В 1969 г. была издана коллективная работа «Подготовка и издание систематических изданий действующего законодательства»²⁷⁹. А. В. Мицкевич принял в ней активное участие, выступив автором двух глав – третьей и четвертой.

Третья глава книги посвящена историческому опыту составления действующих собраний законодательства в советском государстве. Изучение данного опыта имело большое значение для последующей практической систематизации. Работы по созданию Свода законов СССР должны были опираться на предшествующий опыт, учитывать его закономерности и ошибки. Такая практика соответствовала и дореволюционной систематизационной деятельности, когда собирался, изучался и использовался обширный ранее накопленный материал. А. В. Мицкевич не мог пройти мимо такого колоссального для теории и практики систематизации события, как деятельность под руководством М. М. Сперанского, которая привела к созданию Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи. Отметим, что этот опыт, который ценил и адекватно оценивал Мицкевич, востребован и сегодня, как востребован поиск новых эффективных форм и способов систематизации. Об этом, в частности, говорит факт проведения Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве

²⁷⁸ См.: Тихомиров Ю. А. Российское законодательство: внутренние связи и коллизии // Тезисы докладов и сообщений на научной конференции «Российское законодательство: проблемы и перспективы», посвященной 70-летию ИЗиСП / гл. ред. Л. А. Окуньков. – М.: ИЗиСП, 1995. – С. 8.

²⁷⁹ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / Под ред. А. Н. Мишутина; Юрид. комис. при Совете Министров СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства. – М.: Юрид. лит., 1969. — 342 с.

Российской Федерации в 2022 г. IX Общероссийского годового собрания теоретиков права «Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность», приуроченного к 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского. Как отмечает академик РАН Т. Я. Хабриева, «Философские и социально-политические воззрения М. М. Сперанского, касающиеся фундаментальных основ общественного уклада в России, свободы и справедливости, до сих пор служат ориентиром при осмыслении самобытности российской правовой традиции, истории, а также перспектив развития отечественного государства и права»²⁸⁰.

В советский период право с самого начала формировалось в кодифицированном виде, первые два советских кодекса (Кодекс законов о записи актов гражданского состояния брачном семейном и опекуном праве и Кодекс законов о труде) были приняты уже в 1918 г.²⁸¹, а в 1922–1923 гг. последовала масштабная кодификация – было принято семь кодексов. Работа была проделана колоссальная, и этот опыт обобщил А. В. Мицкевич в контексте тех проблем, которые остро встали в его время в данной сфере.

Особое внимание обратил А. В. Мицкевич на инкорпорацию в контексте опыта создания систематических собраний действующего законодательства СССР. Он подчеркивал, что издание «Систематического собрания рассматривалось как часть подготовительных работ по разрешению «сложных задач систематизации общесоюзного законодательства и имело целью привлечь к вопросам систематизации законодательства общественное мнение страны...»²⁸². Ученый высоко оценивал опыт составления Систематического собрания законодательства СССР в 1926—1927 гг.,

²⁸⁰ Хабриева Т. Я. К читателю // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей / под ред. В. В. Лазарева. – М.: ИЗиСП, 2024. – С. 7.

²⁸¹ Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. – 2018. – № 11. – С. 7.

²⁸² Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 53.

который, по его мнению, дал толчок к дальнейшему развитию предметной систематизации законодательства СССР и законодательства ряда союзных республик»²⁸³.

Изучение А. В. Мицкевичем исторического опыта подготовки систематизированных собраний законодательства пригодилось на практике, когда ученый был назначен членом рабочей комиссии, созданной согласно распоряжению мэра Москвы Ю.М. Лужкова от 4 августа 1998 г. № 799-РМ «О подготовке и издании Собрания действующего законодательства города Москвы».

Особое внимание в данной главе, по сути, имеющей историко-правовой характер как по содержанию, так и по использованной методологии, А. В. Мицкевич обратил на подготовку Свода законов СССР. Он выявил причины начала соответствующей деятельности, уделил внимание составу комиссии и порядку ее работы. Первым этапом работы над Сводом, как отмечал А. В. Мицкевич, стал сбор воедино всего законодательного материала и устранение из него всех утративших силу актов. Несложно заметить здесь определенную аналогию с теми работами по систематизации законодательного массива, которые в первой трети девятнадцатого столетия проводил М. М. Сперанский. В то время речь также шла первоначально о собрании и опубликовании всего имевшегося законодательства, а затем консолидации тех актов, которые являлись действующими. Стоит заметить, что А. В. Мицкевич также исследовал опыт систематизации М. М. Сперанского, посвятив данному вопросу отдельную статью²⁸⁴. Его исследование «основных путей» систематизационной работы М. М. Сперанского логично ложились в общее русло научных и практических интересов ученого, который в поздний период своей деятельности придавал исследованию систематизации важное значение,

²⁸³ Там же. — С. 57.

²⁸⁴ Мицкевич А. В. Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. — 2001. — № 5. — С. 154–160.

понимая ее роль в Российской Федерации и признавая необходимость учета имевшегося богатого исторического опыта.

Изучая составление Свода законов СССР, А. В. Мицкевич подчеркивал, что комиссия стремилась ограничиться внесением в текст законов только минимальных изменений, связанных с устранением противоречий и коллизий. Перед ней не стояла задача серьезным образом изменить действовавшее законодательство. Таким образом, речь шла не столько о правотворчестве, сколько именно о систематизации. Однако в реальности в процессе данной деятельности происходило и создание новых кодексов. В частности, по словам А. В. Мицкевича, был создан Акцизный кодекс, включивший 88 ранее принятых акта, и Положение о местных финансах, объединившее 83 акта о местных налогах²⁸⁵. При этом речь не шла о полноценной кодификации, так как комиссия старалась объединять уже имевшиеся акты, не внося в них каких-либо серьезных изменений, то есть не занимаясь правотворчеством, что обязательно при кодификации. Скорее, в данном случае можно вести речь о консолидации как уже известной в тот период и важной форме систематизации.

С точки зрения А. В. Мицкевича, интересной и богатой по содержанию представляется работа над системой Свода. Ученый справедливо полагал, что «наиболее важным для нас теперь является не столько сама система, сколько то глубокое и всестороннее обоснование методологии ее построения, которое было дано комиссиями по составлению и проверке Свода. Конечно, и обоснование не может быть во всем приемлемым для нас сейчас, но изучение его представляется чрезвычайно важным»²⁸⁶.

Соглашаясь с ученым, отметим, что в контексте настоящего исследования также представляется важным отметить, что Мицкевич старался искать ответы на методологические вопросы

²⁸⁵ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. — М.: Юрид. лит., 1969. — С. 61.

²⁸⁶ Там же. — С. 63.

правосистематизационной деятельности в историческом опыте, признавая, что и в изменившихся обстоятельствах сохраняются некоторые общие закономерности и единые методологические подходы, которые можно использовать на практике, пусть и с определенными поправками. Таким образом, будучи теоретиком права, А. В. Мицкевич закономерно обращался к историко-правовому знанию, признавал его важность, успешно работал с материалом и источниками историко-правового характера.

Исследуя процесс подготовки Собрания законодательства союзных республик, А. В. Мицкевич уделил внимание тому вопросу, который не упускал из виду и раньше, а именно соотношению системы права и системы законодательства. Он отмечал, что принятая комиссией система классификации законодательства ориентировалась на определенные области государственной деятельности, которые лишь иногда совпадали с отраслями права. В результате, по мнению А. В. Мицкевича, применявшиеся подходы к классификации сложно признать удачными, они по некоторым позициям противоречили даже критериям формальной логики. Вывод, который сделал из этого ученый, в очередной раз подтверждает взаимосвязь теории и практики в вопросах систематизации: «И это только лишний раз подтверждает необходимость теоретической разработки вопроса о системе права для правильного и эффективного проведения систематизации законодательства»²⁸⁷.

Оценивая работы по систематизации, проводившиеся в довоенный период, А. В. Мицкевич наиболее высокую оценку давал предметной систематизации советского законодательства конца 1920-1930-х годов. Она давала возможность упорядочения возрастающего объема нормативно-правового материала, облегчала практическое использование законов. Она имела определенные преимущества по сравнению с хронологической систематизацией, хотя и была более сложной в плане подготовки.

²⁸⁷ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. — М.: Юрид. лит., 1969. — С. 75.

Предметная систематизация позволила перейти к «более высоким формам официальной инкорпорации, приобретающей уже не вспомогательное, а самостоятельное значение для обеспечения правоприменительной практики и вместе с тем содействовавшей решению некоторых задач правотворчества — улучшению и объединению законодательных актов, устранению омертвевших норм, отдельных несогласованностей между ними и т. п.», - писал ученый²⁸⁸. Но в последующие годы соответствующих по масштабу работ по предметной систематизации на союзном уровне практически не проводилось, в связи с чем А. В. Мицкевич призывал вернуться к данному опыту, представлявшему, по его мнению, несомненный интерес для юридической практики.

Четвертая глава указанной книги, также написанная А. В. Мицкевичем, посвящена вопросам, связанным со схемой систематического собрания действующего законодательства. Этот вопрос, имеющий практическую направленность, ученый рассматривает на основе рассуждений теоретического характера, раскрывая различные возможные подходы к выстраиванию такой схемы. Он дает характеристику распределению законодательства по его содержанию в том или ином сочетании с формальными критериями, оценивая такой способ как наименее совершенный, типичный для «примитивно-утилитарных» систем. Алфавитный принцип возможен, но обладает определенными недостатками: «Алфавитное расположение разделов отрывает систему законодательства от существующей в обществе системы общественных отношений, а потому не в состоянии дать стройную картину общей системы законодательства»²⁸⁹.

А. В. Мицкевич констатировал, что в практике инкорпорации законодательства большинства государств преобладает построение схемы собрания на основе распределения нормативных актов по их содержанию, но

²⁸⁸ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. — М.: Юрид. лит., 1969. — С. 95.

²⁸⁹ Там же. — С. 98.

и такое распределение может осуществляться по различным основаниям. По его мнению, более правильной основой для построения схемы Собрании является классификация законов по свойствам общественных отношений и способам их правового регулирования.

В упоминавшейся выше и ставшей классической работе, посвященной Своду законов советского государства, А. В. Мицкевич выступил автором параграфа, в котором раскрывалась система советского законодательства и схемы Свода законов СССР и союзных республик. Он детально проанализировал внутреннее строение Свода законов СССР и отметил неоднородность глав по содержанию и объему. Часть глав построена по отраслям законодательства, которые соответствуют таким же отраслям советского права. Эту часть материала ученый охарактеризовал как «однородно-отраслевую». Но также он отметил в схеме Свода законов главы, охватывающие однородные по своему содержанию, предмету и методу регулирования подотрасли или даже отдельные институты советского права. При этом ученый констатировал, что «отнесение тех или иных отраслей к однородным и обособленным друг от друга отраслям права и соответствующим им отраслям законодательства далеко не абсолютно точно»²⁹⁰.

Отмечая наличие в Своде законов разделов и глав, выделяемых на основе комплексно-отраслевой структуры советского права, А. В. Мицкевич писал, что это отвечает сложному полиструктурному характеру системы советского права, обусловленному объективно существующими тенденциями развития общественных отношений. При этом он подчеркивал, что существование комплексных отраслей в советском праве признается далеко не всеми юристами, многие предпочитают говорить о комплексных отраслях законодательства, рассматривая их не как объективно складывающееся

²⁹⁰ Теория систематизации законодательства: в 2 т. Т. 2: Свод законов советского государства: теоретические проблемы (репринтное издание) / под ред. И. С. Самощенко. – М.: Юриспруденция, 2023. – С. 89.

явление, а как избираемую для удобства форму. Ряд советских ученых полагает, что комплексными могут быть лишь отдельные законодательные и иные акты. Мицкевич, признавая важность данного вопроса, уделил большое внимание анализу соответствующих взглядов ученых и в целом выразил согласие с позицией С. С. Алексеева, который полагал, что в системе отраслей советского права можно различать однородные отрасли права и комплексные отрасли, объединяющие нормы различных обособленных отраслей. Соответствующий фрагмент из работы ученого свидетельствует о том, что он понимал тесную взаимосвязь структуры Свода законов с доктринальными представлениями о той структуре права, которую он считал объективно сложившейся. Поэтому решение вопроса о структуре Свода законов как акта систематизации могло осуществляться только на основе предварительного решения вопроса о существующих отраслях права, в том числе комплексных, и отраслях законодательства, а также соотношения между ними. Ученый констатировал, что «теоретические выводы по данным вопросам имеют прямое отношение к обоснованию схемы Свода и формированию материала его разделов и глав»²⁹¹.

На основе исследования схемы построения собраний законодательства в советский период А. В. Мицкевич отмечал, что в ней сочетаются два принципа построения ее разделов: по отраслям советского права и по комплексным отраслям законодательства, регулирующим различные области государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни. Он констатировал, что на практике все чаще при систематизации учитывается развитие взглядов на систему права, как минимум в содержании разделов.

В тот период большинство отечественных ученых, занимавшихся теорией систематизации, полагали, что схема систематизации должна исходить или быть наиболее приближенной к существовавшей и

²⁹¹ Теория систематизации законодательства: в 2 т. Т. 2: Свод законов советского государства: теоретические проблемы (репринтное издание) / под ред. И. С. Самощенко. – М.: Юриспруденция, 2023. – С. 99.

развивавшейся системе права. Помимо Мицкевича, такую точку зрения высказывал, например, С. С. Алексеев²⁹². Сегодня такой подход также не лишен актуальности, с поправкой на то, что единые представления о современной системе российского права и ее динамике у ученых отсутствуют, в частности, подвергаются сомнению традиционные критерии отраслевого деления, констатируется появление новых, нетипичных образований²⁹³. Но это не отменяет значимости самого подхода, позволяющего практические вопросы систематизации решать на основе актуального теоретико-правового знания о существующей системе права и использовать структуру данной системы в качестве одного из важных оснований при расположении нормативного материала.

Указанный подход, который активно разрабатывался А. В. Мицкевичем, воспринят и продолжает использоваться учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации при рассмотрении теоретических проблем кодификации применительно к современным условиям развития права. Например, А. И. Абрамова, исследуя проблемы межотраслевой или комплексной кодификации, которая «состоит в фактическом объединении норм, направленных на урегулирование отношений, возникающих при пересечении предметных сфер регулирования смежных отраслей права и требующих разной отраслевых средств правового воздействия»²⁹⁴, отмечает, что главным в таком объединении является системная интеграция специальных для определенной сферы деятельности разнородных правовых

²⁹² Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. — М.: Госюриздат, 1961. — С. 146.

²⁹³ См., напр.: Радько Т. Н., Головина А. А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. — 2017. — № 2. — С. 34–40.

²⁹⁴ Абрамова А. И. Кодификационные процессы в российском законодательстве: вопросы методологии и практики // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 11. — С. 20.

норм, и ссылается при этом на позицию А. В. Мицкевича²⁹⁵. В данном случае теоретические разработки А. В. Мицкевича оказались полезными и для современной правовой практики.

В начале 2000-х годов А. В. Мицкевич придавал большое значение кодификации в контексте развития им теории систематизации законодательства. В 2000 г. была опубликована коллективная работа «Законотворчество в Российской Федерации»²⁹⁶. Мицкевич выступил в этой работе автором главы 4: «Основные черты кодификации законодательства».

И снова, как и в предыдущих работах, он подошел к исследованию вопросов кодификации как формы систематизации с позиций историко-правовой науки, уделив внимание происхождению и развитию кодификации законодательства в истории государств Европы, а затем в СССР и Советской России. В итоге проблемные вопросы кодификации законодательства в Российской Федерации он показал уже на основе историко-теоретического анализа, во взаимосвязи с сущностными особенностями кодификации и направлениями ее эволюции.

Несмотря на то, что исторический экскурс в систематизацию законодательства оказался достаточно кратким, Мицкевичу удалось показать, что история законодательства континентальной Европы XIX века «заложила прогрессивные черты кодификации законодательства и особенности кодексов нового времени и иных кодифицированных (сводных) актов»²⁹⁷. Характеризуя эти черты, А. В. Мицкевич отмечал следующее:

- во-первых, кодексом называют новые законодательные акты, которые закрепляют основополагающие нормы важнейших отраслей национального права;

²⁹⁵ См.: Мицкевич А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права: сб. статей. — М.: Городец, 2000. — С. 26.

²⁹⁶ Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / под ред. А.С. Пиголкина. — М.: Формула права, 2000. — 608 с.

²⁹⁷ Законотворчество в Российской Федерации. — С. 118.

- во-вторых, кодексы устанавливают предметную систему какой-либо отрасли;
- в-третьих, кодекс сводит воедино и подчиняет себе все или основные нормы в рамках той или иной отрасли;
- кодификация сочетает принятие новых норм с пересмотром старых.

Данные выводы ученый подкрепил ссылкой на суждения выдающихся дореволюционных правоведов: Г. Ф. Шершеневича, Н. М. Коркунова, Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова и других. При этом он констатировал, что в дореволюционной России кодификация так и не получила полноценного развития. В настоящее время данная точка зрения разделяется отечественными историками права, изучающими исторические аспекты систематизации в Российской империи²⁹⁸.

Заметим, что к проблемам кодификации А. В. Мицкевич обращался и раньше, до написания процитированной работы. Например, еще в 1969 г., выступая на научной конференции, посвященной вопросам систематизации советского хозяйственного законодательства, он подчеркнул важную роль кодификации, с помощью которой достигаются как цели обновления законодательства, так и цели его упорядочения. В то же время ученый отметил, что «принятие кодифицированных актов требует много времени и не может полностью исключить текущее правотворчество»²⁹⁹.

Современные ученые, в том числе, работающие в Институте, в определенной мере продолжают развивать идеи о кодификации, обоснованные А. В. Мицкевичем, и рассматривают ее с историко-правовых позиций, выделяя существенные черты, сформировавшиеся именно в процессе исторического развития законодательства и его систематизации. Об этом, в

²⁹⁸ См., напр.: Шатковская Т. В. Соотношение систематизации законодательства и кодификации права в теоретико-историческом измерении // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29. – № 6. – С. 49–65.

²⁹⁹ Мицкевич А. В. Некоторые общие проблемы систематизации хозяйственного законодательства // Вопросы систематизации хозяйственного законодательства в СССР. Тезисы докладов и сообщений научной конференции (26–27 мая 1969 г.). – М.: ВНИИСЗ, 1969. – С. 4.

частности, свидетельствуют работы, помещенные в двух сборниках, подготовленных по итогам проведенных в Институте конференций по истории систематизации законодательства³⁰⁰. Участники конференций подтвердили в своих докладах и статьях мнение А. В. Мицкевича о том, что отечественное законодательство в своем развитии всегда тяготело к систематизации, о чем свидетельствует издание таких крупных памятников права, как Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1649 г. и других³⁰¹. При этом кодификация, первоначально в своих достаточно простых и даже примитивных формах, основанная на казуистическом способе компоновки правовых норм, постепенно развивалась, играя важную роль в формировании контуров всей системы законодательства, о чем писал и А. В. Мицкевич.

В процитированной выше работе А. В. Мицкевич предпринял успешную попытку раскрыть те основные черты и особенности, которые приобрела кодификация в Российской Федерации и которые проявились к 2000-му году, когда была издана книга. Среди них он отметил кодификацию, осуществляемую на уровне субъектов федерации, что поставило вопрос о необходимости приведения регионального кодифицированного законодательства в соответствие с законодательством федеральным.

Характеризуя кодификацию как форму систематизации, А. В. Мицкевич отметил, что «Именно признак создания нового закона, приводящего данный массив, отрасль права в логически стройную, удобную для применения систему законодательства является главным достоинством

³⁰⁰ Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2021. – 250 с.; Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2020. 281 с.

³⁰¹ Хабриева Т. Я. Предисловие // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки. – С. 26.

кодекса или иного нового сводного акта»³⁰². Из этого ученый сделал вывод, что главное значение кодификации следует искать не столько в ее сопоставлении с иными формами кодификации, сколько в сопоставлении с самим процессом правотворчества. Следовательно, для А. В. Мицкевича кодификация была прежде всего не формой систематизации, а правотворческой деятельностью. Развитие данной позиции позволяет сегодня отдельным ученым утверждать, что стоит отойти от сложившегося в советский период понимания кодификации как формы систематизации законодательства, отграничить кодификацию от систематизации. В частности, Т. В. Шатковская пишет: «Восприятие кодификации только как способа упорядочения действующего нормативного массива в процессе его логико-системного упорядочения делает результат кодификации основой правового развития и создает угрозу включения в кодексы «неправовых» норм»³⁰³. Несмотря на всю дискуссионность такой позиции, стоит отметить, что она в определенной мере вытекает из развития идей А. В. Мицкевича о кодификации и систематизации законодательства, получающих новые интерпретации применительно к осмыслению современных процессов в системе права.

Ученые продолжают развивать позицию, поддерживавшуюся А. В. Мицкевичем, о том, что в кодификации доминируют не систематизационные, а правотворческие аспекты: «в отличие от любого собрания действующего законодательства, объединяющего лишь акты, ранее принятые законодателем, кодифицированный акт всегда выступает как новый правотворческий акт, вносящий изменения в действующее законодательство»³⁰⁴.

³⁰² Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Формула права, 2000. — С. 129.

³⁰³ Шатковская Т.В. Соотношение систематизации законодательства и кодификации права в теоретико-историческом измерении // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 61.

³⁰⁴ Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Формула права, 2000. — С. 137.

Подчеркивая значение кодификации, А. В. Мицкевич отмечал, что она обеспечивает единообразие правоприменения и восполнение пробелов в правовом регулировании. Кроме того, кодификация закрепляет общие положения, характеризующие конкретную сферу правового регулирования, и ее место в системе законодательства. Интегрируя разрозненные нормы в единую систему, кодификация при этом приводит к более четкой дифференциации правовых норм, которые относятся к различным сферам правового регулирования. Итогом квалификации выступает упорядочение и стабильность законодательства.

В целом, А. В. Мицкевич оказался в числе тех отечественных ученых, чьими усилиями в послевоенный период создавалась советская теория систематизации. Общей их заслугой стало введение проблематики систематизации в число актуальных как в теоретическом, так и в практическом отношении вопросов. Кроме того, указанными учеными, в том числе работавшими во ВНИИСЗ, «систематизация понималась не как узкая прикладная деятельность, а изучалась в связи с правотворчеством, развитием системы права и системы законодательства, иерархией источников права, способами развития права и юридической техникой»³⁰⁵.

Таким образом, логичным продолжением пристального внимания А. В. Мицкевича к крупным вопросам развития системы права стала его концепция нормативно-правового предписания, а также ряд идей применительно к системе права и систематизации законодательства. Все указанные вопросы в научном творчестве ученого были взаимосвязаны. Наиболее мелким, исходным элементом системы права теоретики считали норму права. Но такой подход приводил к дискуссиям, связанным с несовпадением нормы права и статьи законодательства, с распределенностью элементов логической структуры нормы по разным статьям и даже по

³⁰⁵ Ящук Т. Ф. Развитие теории систематизации и кодификации законодательства в советском правоведении конца 1950-х — 1980-х годов // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 42.

разным актам. В качестве возможного выхода из такой ситуации А. В. Мицкевич предложил ввести в научный оборот понятие нормативно-правового предписания как самого мелкого, исходного элемента системы законодательства. Он разработал целую концепцию нормативно-правового предписания, включая его виды и деление на типичные и нетипичные. В последующие годы эта концепция получила продолжение и развитие в работах отечественных ученых – теоретиков права.

Также интерес к системе права побудил А. В. Мицкевича исследовать ее соотношение с системой законодательства, а затем на этой основе начать разработку собственной концепции систематизации права.

Вклад А. В. Мицкевича в разработку вопросов систематизации состоял в следующем:

- на основе исследования историко-правового опыта были обоснованы преимущества предметной систематизации при составлении собраний действующего законодательства;

- раскрыта взаимосвязь между системой права и его систематизацией, позволяющая использовать существующую систему права как объективное основание для определения структурных параметров систематизации;

- доказана потребность в доктринальном изучении процессов, происходящих в системе права, для учета их при систематизации законодательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование свидетельствует о том, что Алексей Валентинович Мицкевич по праву может быть отнесен к числу видных отечественных правоведов, чьими усилиями осуществлялось формирование теоретико-правовой науки в советский период. Именно во второй половине XX века была разработана та теория права, которая и сегодня в своих основах составляет базис всей правотворческой и правоприменительной деятельности. И А. В. Мицкевич внес в эту теорию, а также и в практику ее реализации существенный вклад, который проявился в разработке и обосновании ряда важных и интересных теоретико-правовых концепций.

Научное творчество А. В. Мицкевича характеризует комплексный подход к рассмотрению ключевых для его времени теоретико-правовых вопросов. Ученый не замыкался в рамках узкой проблемы, но старался сопоставить рассматриваемые явления со смежными феноменами, выявить и проанализировать взаимосвязи в правовой среде.

Научные интересы А. В. Мицкевича во многом определялись его длительной работой в Институте законодательства и сравнительного правоведения, который в те годы назывался сначала Всесоюзным институтом юридических наук, а затем Всесоюзным научно-исследовательским институтом советского законодательства. В силу своего статуса и возложенных задач Институт, в первую очередь, исследовал теорию и практику правотворческой деятельности, была сформирована соответствующая научная школа, и А. В. Мицкевич занял в этой школе достойное место. Если на первом этапе своей научной деятельности он занимался вопросами субъекта права и правосубъектности, защитил по данному вопросу кандидатскую диссертацию, то впоследствии сосредоточил внимание на важных элементах теории правотворчества: актах государственных органов, источниках права, нормативных правовых актах,

нормативно-правовых предписаниях, системе права и систематизации законодательства. О его успехах в разработке данных вопросах свидетельствует блестящая защита докторской диссертации, посвященной юридической природе актов органов государства, и публикация монографии по данной тематике.

Таким образом, формирование научных интересов А. В. Мицкевича во многом определялось теми конкретными запросами, которые предъявляли государство и общество второй половины XX – начала XXI века к отечественной теоретико-правовой науке.

Занимаясь исследованием теории субъекта права и правосубъектности, А. В. Мицкевич вслед за С. Н. Братусем обосновал деление субъектов права на два вида, к которым он отнес физических лиц и организации. Ученый разработал авторские понятия субъекта права и правосубъектности. Субъектами права он называл людей и организации, которые законодательно наделены определенными правами и обязанностями. Правосубъектность Мицкевич характеризовал как особое качество субъектов права, которое непосредственно связано с наличием у лица или организации определенного круга прав и обязанностей, а также признанной законом возможности иметь другие права и обязанности, возникающие в процессе его участия в общественной жизни.

В кандидатской диссертации А. В. Мицкевича, а затем в его монографии, написанной на основе этой диссертации, была на высоком теоретическом уровне обоснована взаимосвязь правосубъектности с существующим уровнем развития общественных отношений, которые, в свою очередь, складываются на основе экономического и политического строя общества и имеют классовую природу.

В период работы А. В. Мицкевича над кандидатской диссертацией по субъекту права одним из дискуссионных в теоретико-правовой науке вопросов являлся вопрос о выделении в качестве самостоятельного субъекта права всего советского народа. Но А. В. Мицкевич придерживался иной

позиции по этому вопросу. Он полагал, что у народа нет своего, отдельного правового статуса, у него нет правосубъектности, следовательно, и субъектом права его считать нельзя.

Важное место в учении А. В. Мицкевича о правосубъектности занимал вопрос о правах и обязанностях граждан. Ученый полагал, что правовой статус граждан, объем присущей им правосубъектности определяется сущностью общества, в котором они живут.

Ученый также обосновал разграничение понятия правоспособность и правосубъектность, предложил ввести в структуру правосубъектности такой элемент, как деликтоспособность. Сегодня такая позиция, признанная большинством теоретиков права, уже практически стала общепринятой, но в период, когда об этом писал Мицкевич, вопрос был не очевидным и дискуссионным. В целом, сама постановка вопроса о теоретической конструкции субъекта права, предпринятая Мицкевичем, стала очень важной для развития теории государства и права советского периода, дала начало последующим исследованиям этой проблематики.

Наибольший вклад внес А. В. Мицкевич в теорию источников права, проанализированную им в неразрывной взаимосвязи с теорией правотворчества. Размышляя об актах государственных органов, ученый вышел на проблему нормативного правового акта, его признаков и видов, соотношения с иными актами. Он сформулировал критерии разграничения нормативных и ненормативных актов, к числу которых относил следующие: отсутствие индивидуально определенного адресата; неопределенность числа случаев, на которые рассчитано предписание; возможность неоднократного применения, не исчерпывающего действия предписания. Также А. В. Мицкевич убедительно обосновал, что главным признаком нормативного акта выступает его правотворческое значение, проявляющееся в наличии в нем новой нормы права.

Разрабатывая вопрос о соотношении понятий источника и формы права, который и в наши дни относится к числу дискуссионных,

А. В. Мицкевич настаивал, что не следует сводить понятие источника права к формам права или формам выражения норм права, так как эти термины не выражают суть нормативных актов и других источников как форм правотворчества. Он полагал, что форма права — это гораздо более широкое и многогранное явление, чем нормативные акты и другие формы выражения правовых норм. Ученый подчеркивал, что понятие формы права включает много смысловых значений, в том числе и внутреннее строение права, и структуру правовых норм, и внешние формы изложения правовых норм, и даже саму норму права. Такая позиция не нашла понимания у многих современников, остается дискуссионной она и сейчас. В то же время, такой подход раскрывает новые грани в соотношении понятий формы и источника права, и сегодня может стать основой дальнейших теоретико-правовых исследований соответствующей проблематики.

А. В. Мицкевич предложил ввести в теорию и практику новую категорию - акты нормативно-вспомогательного значения, которые не содержат норм права, но при этом имеют нормативное значение: они направлены на утверждение, изменение или отмену действия правовых норм.

Ученый настаивал на необходимости установления и соблюдения иерархии нормативных актов по юридической силе. Это положение сегодня представляется бесспорным для ученых-теоретиков, но на практике соблюдается далеко не всегда, что приводит к определенным проблемам в правоприменительной деятельности. Законодательно требования к оформлению нормативных правовых актов и соблюдению их иерархии на уровне Российской Федерации не закреплены.

Заслуга А. В. Мицкевича в исследовании закона как акта высших органов государственной власти состоит не только в самой постановке проблемы, на тот период уже не вполне новой, но в ее обосновании на примере конкретных законодательных актов, подвергшихся в работах ученого тщательному текстологическому и содержательному анализу. Кроме того, А. В. Мицкевичем был поставлен и с новых позиций убедительно

решен вопрос о соотношении закона и указа, который вызывал дискуссии у правоведов еще с дореволюционного периода. Также новым для того времени стала трактовка закона не только как продукта правотворческой деятельности государства, но и как согласия большинства членов общества на подчинение данным нормам. В то же время А. В. Мицкевич не связывал понятие закона с разделением властей, уступая в этом вопросе как некоторым дореволюционным правоведам, так и ученым постсоветского периода.

А. В. Мицкевич отчетливо понимал и провозглашал тесную связь между своими работами по актам государственных органов и исследованием теории правотворчества. Разрабатывая вопросы теории правотворчества, он предложил отличать правотворчество от социального процесса формирования права, понимая правотворчество как завершающую стадию данного процесса. Ученый сформулировал авторское определение правотворчества как формы деятельности государства, непосредственно направленной на создание правовых норм. В последний период научного творчества он несколько пересмотрел собственные подходы, и начал рассматривать правотворчество как продукт деятельности всего общества, а не только государства.

А. В. Мицкевич выдвинул и обосновал положение о вспомогательных и совещательных функциях правотворчества, которые предложил отличать от решающих функций, которые проявляются в создании правовых норм. Подготовку, разработку и доработку законопроекта А. В. Мицкевич рассматривал не как стадии правотворчества, а в качестве законодательных технических функций государственных органов, которые неразрывно связаны с правотворчеством, но непосредственно к нему не относятся. С современных позиций, такой подход сложно поддержать, так как разработку законопроектов логично включать в саму правотворческую деятельность.

Ученый разработал концепцию способов и юридических форм правотворчества, под которыми он понимал разные виды правотворческой

деятельности и различные пути создания правовых норм. Выходя за рамки только советского правотворческого опыта, Мицкевич включал в число форм правотворческой деятельности первоначальное санкционирование государством обычая и возникновении на этой основе обычного права, а затем установление права путем актов, принимаемых государством для защиты отдельных отношений, что породило судебный прецедент. Этот вывод он делал на основе анализа зарубежной правовой практики, с которой был достаточно хорошо знаком. Способом правотворчества в концепции А. В. Мицкевича являлось установление государством новых правил путем издания актов общего значения, что привело к появлению законотворчества – основного, по мнению ученого, способа правотворчества в советском государстве.

Рассуждая о норме права и ее структуре, теоретическая конструкция которой часто оказывалась весьма далека от практики, А. В. Мицкевич предложил ввести в научный оборот новую правовую категорию «нормативно-правовое предписание». Под таким предписанием он понимал то или иное логически завершенное положение, которое прямо сформулировано в тексте акта, принятого государственным органом, и содержит обязательное решение государственной власти. Ученый предлагал использовать нормативно-правовое предписание в качестве исходной единицы структуры права, что могло помочь решить противоречие между нормой права и статьей закона, как правило, не совпадающими.

Нормативно-правовое предписание в концепции А. В. Мицкевича представляет собой небольшую и относительно обособленную частицу права. Оно не сводится к одному из структурных элементов правовой нормы, так как такие элементы не обладают логической завершенностью. При этом, будучи самостоятельным велением, нормативно-правовое предписание выступает в качестве составной части более сложных элементов системы права.

Ученый обосновал основные признаки нормативно-правового предписания, к числу которых относил логическую завершенность, грамматическую выраженность, общеобязательность, волю государства. Также он разграничил типичные и нетипичные нормативные предписания, обосновал правомерность существования последних. Помимо нетипичных предписаний, А. В. Мицкевич выделял и нетипичные акты, исследованию которых также уделил достаточно много внимания. Сегодня идеи ученого и нетипичных явлениях в системе права получили дальнейшее развитие в концепции циклических правовых массивов. Что касается концепции нормативно-правового предписания, то она не стала общепризнанной, но при этом получила продолжение в последующих работах отдельных теоретиков права. В настоящее время эта правовая категория способна играть важную роль в исследованиях системы права, при анализе ее соотношения с системой законодательства, при исследовании структуры нормативного правового акта, а также может быть использована для совершенствования законодательной техники.

Разрабатывая вопросы систематизации права, А. В. Мицкевич пытался решать их на основе понимания системы права и системы законодательства. Он обосновал взаимосвязь между системой законодательства и особенностями регулирования экономики, исследовал комплексные отрасли права. Исследуя кодификацию, старался обращаться к историческому опыту, из которого делал вывод о большей близости кодификации к правотворчеству, чем к систематизации.

Вклад А. В. Мицкевича в теорию и практику систематизации права состоит в том, что ученый раскрыл взаимосвязь между системой права и его систематизацией, позволяющую использовать существующую систему права как объективное основание для определения структурных параметров систематизации. Предложенный им подход позволяет решать практические вопросы систематизации на основе актуального теоретико-правового знания о существующей системе права и использовать структуру данной системы в

качестве одного из важных оснований при расположении нормативного материала. Также ученый на основе исследования историко-правового опыта обосновал преимущества предметной систематизации при составлении собраний действующего законодательства.

Таким образом, в диссертационном исследовании обоснована сохраняющаяся жизнеспособность концептуальных теоретических положений о нормативных предписаниях, вспомогательных актах правотворчества, месте актов государственных органов в системе источников права, разработанных А. В. Мицкевичем. Сделанные в работе теоретические выводы формируют базу для дальнейшего углубленного исследования проблем теории права в ее динамике, синтеза теоретико-правового и историко-правового аспектов, для развития теоретико-правовой научной школы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Закон СССР от 15.07.1970 № 2-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» // Ведомости ВС СССР. – 1970, № 29. – Ст. 265.
3. Закон СССР «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов, Верховным Советом СССР и их органами» от 31 июля 1989 г. № 307-I // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1989. № 9. – Ст. 205.
4. Закон РСФСР от 13 июля 1990 г. № 89—1 «О порядке опубликования и вступления в силу законов РСФСР и других актов, принятых Съездом народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и их органами» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. № 6. – Ст. 93.
5. Закон г. Москвы от 08.07.2009 № 25 (в ред. от 25.12.2024) «О правовых актах города Москвы» // Ведомости Московской Городской Думы. – 2009. № 8. – Ст. 214.
6. Методические рекомендации по определению нормативности правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов в целях ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, Федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов и регистров муниципальных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. – М.: ФБУ НЦПИ Минюста России, 2019. – 140 с.
7. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах» // Официальный сайт Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь <https://house.gov.by>

8. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах» // Официальный сайт Сената Парламента Республики Казахстан <https://senate.parlam.kz>

Архивные материалы

9. Диссертационное дело А. В. Мицкевича // Архив ИЖиСП. Ф. 1. Оп. 1.
10. Личное дело А. В. Мицкевича: в 2-х тт. // Архив ИЖиСП. Ф. 1. Оп. 1.
11. Личное дело Н. Г. Александрова // Архив ИЖиСП. Ф. 1. Оп. 1.
12. Стенограмма заседания Ученого совета ВИЮН от 19 сентября 1960 года. Обсуждение работы А. В. Мицкевича «Субъекты советского социалистического права» // Архив ИЖиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438.

Монографии и учебные издания

13. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. — М.: Госюриздат, 1961. — 187 с.
14. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. — М.: Статут, 1998. — 709 с.
15. Алексеев С. С. Структура советского права. — М.: Юридическая литература, 1975. — 263 с.
16. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). — Саратов: СГАП, 2001. — 416 с.
17. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. — М.: Госюриздат, 1952. — 368 с.
18. Венгеров А. Б., Мицкевич А. В. Закон и законность в хозяйственной деятельности. — М.: Юридическая литература 1973. — 64 с.
19. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. — М.: Норма, 2008. — 448 с.
20. Вопросы теории права в трудах ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: ИД «Юриспруденция», 2025. — 192 с.

21. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание в теории права. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — 214 с.
22. Заец А. П. Система советского законодательства: (Пробл. согласованности) / АН УССР, Ин-т государства и права. — Киев: Наук. думка, 1987. — 97 с.
23. Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Спарк, 1998. — 283 с.
24. Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Формула права, 2000. — 608 с.
25. Зивс С. Л. Источники права / отв. ред. В.П. Казимирчук. М.: Наука, 1981. — 239 с.
26. Зивс С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. — М.: Изд-во АН СССР. 1960. — 215 с.
27. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — М.: Госюриздат, 1961. — 381 с.
28. Истоки и источники права / под ред. Р. А. Ромашова и Н. С. Нижник. — СПб.: Алетейя, 2006. — 810 с.
29. Керимов Д. А. Законодательная техника. Науч.-метод. и учеб. пособие. М.: Изд. группа НОРМА – ИНФРА-М, 1998. — 121 с.
30. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 187 с.
31. Конституция. Закон. Подзаконный акт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — М.: Юридическая литература, 1994. — 136 с.
32. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Издание пятое. — СПб., 1898. — 354 с.
33. Коркунов Н. М. Указ и закон. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. — 408 с.
34. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. — М.: РАП, 2012. — 577 с.

35. Летопись российской юридической науки: в 5 томах / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Том I: Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения (1923–2015) / Т. Я. Хабриева, Е. А. Прянишников, С. А. Боголюбов и др. — 528 с.
36. Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Т. III: Научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения (теория права, история права, сравнительное правоведение, международное право) / Т. Я. Хабриева, Н. В. Путило, Д. А. Пашенцев и др. — 304 с.
37. Мальцев Г. В. Социальные основания права. — М.: Норма: Инфра-М, 2023. — 800 с.
38. Марченко М. Н. Источники права. — М.: Норма, 2005. — 759 с.
39. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. — М.: Проспект, 2008. — 510 с.
40. Матузов Н.И. Правовая система и личность. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. — 293 с.
41. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. - 5-е изд. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. — 528 с.
42. Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства. — М.: Юридическая литература, 1967. — 175 с.
43. Мицкевич А. В. Государственный строй Румынской Народной Республики. — М.: Госюриздат, 1957. — 89 с.

44. Мицкевич А. В. Избранное [сост. и авт. предисл. Е. А. Юртаева]; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Юридическая фирма "Контракт", 2010. – 303 с.
45. Мицкевич А. В. Субъекты советского права. — М.: Госюриздат, 1962. – 213 с.
46. Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. – 520 с.
47. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. – 96 с.
48. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. – 88 с.
49. Основы права: Учеб. для системы сред. проф. образования / [С. А. Боголюбов, А. А. Гравина, Р. Ф. Каллистратова и др.]; под общ. ред. А. В. Мицкевича. — М.: Норма: ИНФРА-М, 1998. – 306 с.
50. Павлов В. И. Антропологическая концепция права. — Минск: Академия МВД, 2025. – 622 с.
51. Пиголкин А. С. Закон обязателен для всех. — М.: Юридическая литература, 1971. – 64 с.
52. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. — М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.
53. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / Под ред. А. Н. Мишутина; Юрид. комис. при Совете

- Министров СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства. — М.: Юрид. лит., 1969. — 342 с.
54. Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. — М.: Наука, 1987. — 150 с.
55. Правотворчество в условиях международной регионализации: монография / А. И. Абрамова, Л. В. Андриченко, Н. С. Бондарь [и др.]; редкол. Т. Я. Хабриева, А. С. Емельянов, М. В. Залоило. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2025. — 224 с.
56. Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. — М.: Юрид. лит., 1974. — 319 с.
57. Розин Л. М. Вопросы теории актов советского государственного управления и практика органов внутренних дел. — М.: Академия МВД, 1975. — 138 с.
58. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. — М.: Норма, 2018. — 672 с.
59. Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. — М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2021. — 250 с.
60. Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2020. — 281 с.
61. Субъекты гражданского права / под ред. С. Н. Братуся. — М.: Юридическая литература, 1984. — 288 с.
62. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. — М.: Юрид. лит., 1975. — 327 с.
63. Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др. ; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. — М.: Институт законодательства и

- сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА М, 2017. — 432 с.
64. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. — М.: Юридическая литература, 1962. — 575 с.
65. Теория государства и права / отв. ред. Н. Г. Александров. М.: Юридическая литература, 1968. — 640 с.
66. Теория государства и права: Учебник для вузов / Абрамова А. И., Боголюбов С. А., Мицкевич А. В. и др.; под общ. ред. А. С. Пиголкина; ИЗиСП. — М.: Городец, 2003. — 539 с.
67. Теория государства и права: учебник / под ред. В. Я. Кикотя и В. В. Лазарева. 3-е изд. — М.: Инфра-М, 2008. — 619 с.
68. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Первалова. — М.: Инфра-М, 1997. — 558 с.
69. Теория систематизации законодательства: в 2 т. / авторы предисловия Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило. Т. 1: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства (репринтное издание) / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. — Москва: ИЗиСП; ИД «Юриспруденция», 2023. — 576 с.
70. Тихомиров Ю. А. Теория закона / отв. ред. Казимирчук В.П. — М.: Наука, 1982. — 257 с.
71. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права (по изданию 1907 года). — СПб.: Изд-во «Лань», 1998. — 224 с.
72. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран / Всесоюз. ин-т юридических наук. — М.: Юриздат, 1941. — 208 с.
73. Фридман Д., Лисон П., Скарбек Д. Правовые системы, сильно не похожие на нашу. — Челябинск: Социум, 2024. — 454 с.

- 74.Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции: монография. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2025. — 168 с.
- 75.Хвостов, В. М. Общая теория права: Элементарный очерк / В.М. Хвостов. — Санкт–Петербург, 1914. — 160 с.
- 76.Шебанов А. Ф. Нормативные акты советского государства. — М.: Изд-во МГУ, 1956. — 39 с.
- 77.Шебанов А. Ф. Форма советского права. — М.: Юридическая литература, 1968. — 216 с.
- 78.Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. — М.: Юридическая литература, 2005. — 574 с.
- 79.Явич Л. С. Совершенствование законодательства — важное условие строительства коммунизма. — М.: Знание, 1971. — 48 с.
- 80.Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. —Омск: изд-во ОмГУ, 2021. — 414 с.

Статьи в периодических изданиях и сборниках, материалы научных конференций

- 81.Абдиева Д. А. Циклические правовые массивы как нетипичные образования в системе права шестого технологического уклада // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. — 2024. — № 2. — С. 68—77.
- 82.Абрамова А. И. Кодификационные процессы в российском законодательстве: вопросы методологии и практики // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 11. — С. 15–25.
- 83.Абрамова А. И. Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. — 2019. — № 8. — С. 25—35.
- 84.Азнагулова Г. М. Место актов судебного правотворчества в системе источников российского права // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 11. — С. 72—74.

- 85.Александров Н. Г. Понятие источника права // Ученые записки ВИЮН. – Москва, 1946. – Вып. VIII. – С. 49–60.
- 86.Алексеев С. С., Мицкевич А. В., Самощенко И. С. Развитие и совершенствование советского законодательства // Советское государство и право. — 1971. — № 1. — С. 112—118.
- 87.Апт Л. Ф., Кененов А. А. К вопросу об элементах и структуре советского права // Вестник МГУ. Серия 11: «Право». — 1973. — № 3. — С. 21—31.
- 88.Аристов Е. В. Концепция проекта Социального кодекса Российской Федерации // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. — 2018. — Т. 43. — № 3. — С. 509—518.
- 89.Архипов С. И. Конструкция правосубъектности: недостатки, противоречия, пути устранения // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. — 434 с.
- 90.Боголюбов С. А. Алексей Валентинович Мицкевич — корифей теории правотворчества и научный менеджер // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность. К 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского: Сборник статей. — М.: ИЗИСП, 2024. — С. 131—138.
- 91.Бошно С. В. Источники и формы права // Право и современные государства. — 2022. — № 4. — С. 59—71.
- 92.Бошно С. В. Принципы правотворчества // Право и современные государства. — 2019. — № 2. — С. 52—56.

93. В секторе теории кодификации и систематизации советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1965. — Вып. 4. — С. 107–211.
94. Власенко Н. А., Залоило М. В. Развитие правотворческой научной школы // Журнал российского права. — 2015. — № 9. — С. 24–35.
95. Гордов О. А. К понятию энергетического права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. — 2010. — Вып. 1. — С. 26–38.
96. Давыдова М. Л. А. В. Мицкевич – основоположник теории нормативно-правового предписания // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. — М.: Юриспруденция, 2011. — С. 99–106.
97. Давыдова М. Л. Демократизация правотворчества: принцип здравого смысла в применении технико-юридического инструментария // Юридическая техника. — 2014. — № 8. — С. 131–134.
98. Залоило М. В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государствоведение. — 2019. — № 1. — С. 16–24.
99. Залоило М. В., Базыкин А. Ю. Инструментальная ценность технологии краудорсинга в принятии правотворческих рецензий // Правовые ценности в свете новых парадигм развития цивилизации: сб. науч. трудов / под ред. Д. А. Пашенцева и М. В. Залоило. — М.: Инфра-М, 2020. — С. 232–239.
100. Иванюк О. А. Источник права: проблема определения // Журнал российского права. — 2004. — № 9. — С. 142–150.
101. Кечекьян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Книга 2. — М., 1946. — С. 3–25.

102. Конюхова Т. В. А. В. Мицкевич, В. И. Никитинский, О. Э. Лейст — фронтовики и видные ученые-юристы // Журнал российского права. — 2010. — № 9. — С. 132—134.
103. Кузнецов И. Н., Лукашева Е. А., Шебанов А. Ф. Правовая природа актов высших органов государственной власти и управления СССР // Советское государство и право. — 1968. — № 2. — С. 152—154.
104. Лазарев В. В. От устоявшихся концепций к современным новациям в работах по систематизации законодательства // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 5—14.
105. Лазарев В. В. Предисловие // Вопросы теории права в трудах ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: Юриспруденция, 2025. — С. 13—21.
106. Ломакина И. Б. Субъект права в антропологической парадигме // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. трудов / под ред. Д. А. Пашенцева и М.В. Залоило. — М.: Инфотропик медиа, 2022. — С. 45—57.
107. Лукьянова Е. Г. Закон в постсоветской России: проблемы адекватности восприятия и использования // Государство и право. — 2009. — № 8. — С. 62—71.
108. Мицкевич А. В. Вспомогательные и производные акты правотворчества // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1966. Вып. 8. — С. 27—53.
109. Мицкевич А. В. В. И. Ленин о закономерностях создания и развития советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 21. — М., 1970. — С. 20—33.
110. Мицкевич А. В. Некоторые общие проблемы систематизации хозяйственного законодательства // Научная конференция «Вопросы систематизации хозяйственного законодательства в СССР». Тезисы

- докладов и сообщений (26—27 мая 1969 г.). — М.: ВНИИСЗ, 1969. — С. 3—7.
111. Мицкевич А. В. Нормотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. — 1965. — № 11. — С. 11—18.
112. Мицкевич А. В. О научных основах становления и развития системы отраслей российского федерального законодательства // Тезисы докладов и сообщений на научной конференции «Российское законодательство: проблемы и перспективы», посвященной 70-летию ИЗиСП / гл. ред. Л. А. Окуньков. — М.: ИЗиСП, 1995. — С. 3—6.
113. Мицкевич А. В. О нормах позитивного права // Трудовое право и право социального обеспечения. Актуальные проблемы: сб. статей. — М.: Проспект, 2000. — 320 с.
114. Мицкевич А. В. Общее «нормативное» понятие права и его место в марксистском правопонимании // Советское государство и право. — 1988. — № 6. — С. 11—18.
115. Мицкевич А. В. Основные формы и тенденции повышения роли общественных организаций в осуществлении государственных функций // Ученые записки: Вып. 14 / гл. ред. С.Н. Братусь; — М.: ВИЮН, 1962. — С. 40—77.
116. Мицкевич А. В. Правотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. — 1965. — № 11. — С. 49—57.
117. Мицкевич А. В. Различия законов СССР по их юридической силе // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 10. — М., 1967. — С. 197—199.
118. Мицкевич А. В. Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. — 2001. — № 5. — С. 154—160.
119. Мицкевич А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права: сб. статей / отв. редакторы: В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. — М.: Городец, 2000. — 382 с.

120. Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 11. — М., 1967. — С. 3—24.
121. Мицкевич А. В. Сравнительное изучение законодательства стран социалистического содружества // Тезисы докладов на пленарном и секционных заседаниях научной конференции «Теоретическое проблемы законодательства социалистического государства»: (8—10 декабря 1982 г.) / отв. ред. М. Я. Булошников. — М.: ВНИИСЗ, 1982. — 122 с.
122. Мицкевич А. В., Шебанов А. Ф. Демократизм советского правотворчества и его основные принципы // Ученые записки: Вып. 13 / Гл. ред. И.С. Самощенко; ВНИИСЗ. — М., 1968. — С. 3—18.
123. Москвин С. С., Романов Р.М. Конференция по вопросам систематизации республиканского законодательства // Советское государство и право. — 1966. — № 3. — С. 137—138.
124. Муромцев Г. И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Известия вузов. Правоведение. — 1992. — № 2. — С. 25—27.
125. Обсуждение доклада канд. юрид. наук А. В. Мицкевича «Нормативные акты органов советского государства как источники права» // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1964. Вып. 3 (20). — С. 197—200.
126. Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. — 2018. — № 11. — С. 5—13.
127. Пашенцев Д. А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. матер. к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / редсовет: А. В. Габов, О. В.

- Гутников, О. А. Символоков и др. — М.: ИЗиСП: Статут, 2017. — 434 с.
128. Пашенцев Д. А. Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. — 2011. — № 4. — С. 77—80.
129. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Путило Н. В. Вековая история развития научной школы правотворчества Института // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 11. — С. 127—139.
130. Пиголкин А. С., Вопленко Н. Н. Основные виды правовых предписаний в советском законодательстве // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ, вып. 16. — М., 1979. — С. 11—20.
131. Путило Н. В. Памяти А. В. Мицкевича — Ученого, Учителя, Человека // Журнал российского права. — 2017. — № 5. — С. 151—153.
132. Путило Н. В., Пашенцев Д. А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 6. — С. 148—160.
133. Радько Т. Н., Головина А. А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. — 2017. — № 2. — С. 34—40.
134. Самигуллин В. К. О замечательном человеке и выдающемся ученом — юристе (95 лет со дня рождения А. В. Мицкевича) // Журнал российского права. — 2017. — № 5. — С. 153—157.
135. Самощенко И. С. Основные черты нормативных актов социалистического государства // Советское государство и право. — 1968. — № 4. — С. 22—30.
136. Сиотокова М. В. Основные принципы российского правотворчества // Государство и право в XXI веке. — 2014. — № 1. — С. 11—14.

137. Степанов И. М. Демократические основы правотворчества в СССР // Советское государство и право. — 1960. — № 4. — С. 86—87.
138. Тихомиров Ю. А. Российское законодательство: внутренние связи и коллизии // Тезисы докладов и сообщений на научной конференции «Российское законодательство: проблемы и перспективы», посвященной 70-летию ИЗиСП / гл. ред. Л. А. Окуньков. — М.: ИЗиСП, 1995. — 88 с.
139. Трапезникова Е. В. Практический аспект понятия «нормативно-правовое предписание» // Российский юридический журнал. — 2020. — № 4. — С. 21—27.
140. Хабриева Т. Я. Введение // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. — М.: Статут, 2017. — С. 21—28.
141. Хабриева Т. Я. К читателю // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей / под ред. В. В. Лазарева. — М.: ИЗиСП, 2024. — С. 7—12.
142. Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. — 2015. — № 8. — С. 5—13.
143. Хабриева Т. Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2023. — Т. 19. — № 1. — С. 5—12.
144. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. — 2019. — № 12. — С. 5—12.
145. Хен Л. Г. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2024. — № 1 (65). — С. 207—212.

146. Хен Л. Г. Научная дискуссия о монографии А. В. Мицкевича «Субъекты советского социалистического права» // Журнал российского права. — 2024. — Т. 28. — № 5. — С. 156—163.
147. Хен Л. Г. Современная юридическая наука о развитии советской теории права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородского университета МВД. — 2024. — № 2. — С. 574—577.
148. Хен Л. Г. Учение о субъекте права в отечественной юриспруденции: от идей А. В. Мицкевича к современным новациям // Журнал российского права. — 2024. — Т. 28. — № 1. — С. 156—165.
149. Честнов И. Л. Субъект права как юридический нарратив в условиях цифровизации // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: сб. матер. Междунар. науч. конф. памяти проф. Ф. М. Рудинского. 15 апреля 2021 г. — М.: МГПУ, 2021. — 474 с.
150. Шатковская Т. В. Соотношение систематизации законодательства и кодификации права в теоретико-историческом измерении // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 49—65.
151. Шестидесятилетие профессора П. Е. Недбайло // Правоведение. — 1967. — № 4. — С. 126—127.
152. Юртаева Е. А. Предисловие // Мицкевич А. В. Избранное [сост. и авт. предисл. Е. А. Юртаева]; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — Москва: Юридическая фирма "Контракт", 2010. — 303 с.
153. Явич Л. С. А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. — М.: Изд. «Юридическая литература», 1967. — 172 с. // Правоведение. — 1967. — № 6. — С. 126—128.
154. Ящук Т.Ф. Развитие теории систематизации и кодификации законодательства в советском правоведении конца 1950-х — 1980-х годов // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 37—48.

Диссертации и авторефераты диссертаций

155. Апт Л. Ф. Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — М., 1973. — 16 с.
156. Архипов С. И. Систематизация локальных норм советского права: Вопросы теории. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1987. — 16 с.
157. Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — М., 1991. — 25 с.
158. Борисов Г. А. Отправные нормативные установления советского законодательства. Автореферат дисс... доктора юрид. наук. — Харьков, 1991. — 45 с.
159. Васильев А. В. Правотворчество в советском социалистическом обществе. Дисс... кандидата юрид. наук. — М., 1971. — 207 с.
160. Давыдова М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. Дисс... кандидата юрид. наук. — Волгоград, 2001. — 239 с.
161. Заец А. П. Согласованность нормативных предписаний как условие повышения эффективности правового регулирования. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — Киев, 1985. — 18 с.
162. Зивс С. Л. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. Дисс... доктора юрид. наук: т. 1—2 / АН СССР. Институт государства и права. — М., 1960. — 803 с.
163. Мицкевич А. В. Субъекты советского социалистического права. Дисс... кандидата юрид. наук: 12.00.00. — М., 1952. — 334 с.
164. Мицкевич А. В. Субъекты советского социалистического права. Автореф. дисс... кандидата юрид. наук. — М., 1952. — 13 с.

165. Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Автореф. дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — 32 с.
166. Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР. Дисс... доктора юрид. наук. — М., 1967. — 749 с.
167. Парфентьев А. Л. Нормативно-правовое предписание и его виды. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — М., 1980. — 20 с.
168. Парфентьев А. Л. Нормативно-правовое предписание и его виды. Дисс... канд. юрид. наук. — М., 1980. — 205 с.
169. Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР. Автореф. дисс... доктора юрид. наук. — М., 1972. — 41 с.
170. Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав. Дисс... кандидата юрид. наук. — М., 1999. — 192 с.
171. Салищева Н. Г. Нормативные акты советского государственного управления (понятие, классификация, требования социалистической законности, предъявляемые к актам). Дисс... кандидата юрид. наук. — М., 1953. — 253 с.
172. Синюков В. Н. Российская правовая система (вопросы теории). Автореф. дисс... доктора юрид. наук. — Саратов, 1995. — 37 с.
173. Сорокин Б. В. Теоретико-правовые концепции Н. Г. Александрова. Автореф. дисс... кандидата юрид. наук. — Волгоград, 2010. — 29 с.
174. Трапезникова Е. В. Правоприменительная операция «толкование диспозиции нормативного правового предписания». Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — Омск, 2025. — 27 с.
175. Шубенкова К. В. Теоретико-правовые концепции А.С. Пиголкина. Автореф... дисс. кандидата юрид. наук. — Саратов, 2014. — 30 с.